

200-летию со дня рождения
Александра Сергеевича Пушкина
посвящается

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один птиц.

А.С. Пушкин

А Н Т О Л О Г И Я

костромской поэзии

Писательская организация, 1998 г.

Сборник избранных произведений

Составитель — М.Ф.Базанков

© Писательская организация © Оформление — М.Базанков

© Оригинал-макет — А.Базанков

Совместный проект

АНТОЛОГИЯ

Первое издание

Руководители проекта:

Михаил Базанков — Кострома (Россия)

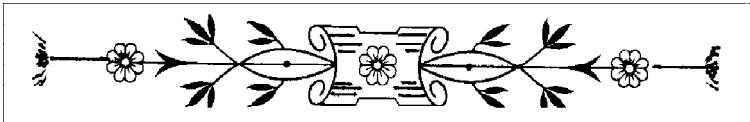
Джуди Хоган — Дарем (США)

DONORS TO KOSTROMA BOOK PROJECT-1998 SISTER CITIES OF DURHAM

1. Charles and Pat Eaton 808 Greenwood Rd. Chapel Hill, N.C. 27514	13. Ruth Koster, Apt. #141 Carol Woods, 750 Weaver Dairy Rd. Chapel Hill, N.C. 27514
2. Marie Hammond 1118 Woodburn Rd. Durham, N.C. 27705	14. Kathy Craig 5111 Gatewood Durham, N.C. 27712
3. Kathleen and Landen Bain 731 Ninth Street, #49 Durham, N.C. 27705	15. Paula Jackson PO Box 4223 Asheboro, N.C. 27204
4. Dot Borden 4024 Kerley Rd. Durham, N.C. 27705	16. Ina McCoy 217 Kirkwood Dr. Chapel Hill, NC 27514
5. Linda Horstman 4310 Barbary St. Durham, N.C. 27707	17. Curtis Bowens 1711 Curtis Rd. Chapel Hill, N.C. 27514
6. Joyce Milko 1910 Kirkwood Dr. Durham, N.C. 27705	18. Richard and Anne Berkley 133 Montclair Circle Durham, N.C. 27713
7. Theodora Devereux 21 Gloucester Ct. Durham, N.C. 27705	19. Walter M. Brown 802 Brandon Rd. Durham, N.C. 27713-1258
8. Nona Wright 7812 Harps Mill Rd. Raleigh, N.C. 27615	20. Joe Hakan 1710 Allard Rd. Chapel Hill, N.C. 27514
9. Betty Hodges 1613 Hollywood Durham, N.C. 27701	21. Irina Yelevich 113 Serrano Way Chapel Hill, N.C. 27514
10. Ann Evangelisto 808 N. Buchanan Blvd., Apt. A Durham, N.C. 27701	22. Joy Sotolongo 23 Green Mill Lane Durham, N.C. 27707
11. Dottie Osborn 50 Green Mill Lane Durham, N.C. 27707	23. Wendi Berry 2021-B Englewood Ave. Durham, N.C. 27705
12. Sharon and John Ewing 1208 Morningside Lane Alexandria, VA 22308	

Руководители проекта душевно признательны всем, кто личным участием и пожертвованиями помог обеспечить подготовку издания к печати.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ СЛОВО

Одною памятью еще мы в свете живы.

Павел Катенин

Удьбой предназначена или собственным радением выстроена возможность осуществить с помощью любителей поэзии первое в истории костромской литературы антологическое и здание? Дело это трудное, интересное и, надеюсь, полезное для многих. Десять лет назад, затевая писательский ежемесячник «Литературная Кострома», завистникам и доброжелателям пришлось объявить о том, что непременно через некоторое время начнем печатать небольшие книги. Начнем с поэзии. Не только по обстоятельствам, но и с уважением к поэтическому Слову. Обещание такое удалось осуществить. Сначала на страницах ежемесячника были представлены многие поэты Костромской области, молодые литераторы получили первые публикации — почти сто авторов заявили о себе, вызвав читательский интерес и наши надежды. В труднейших условиях, без издательства, чудесным образом явились более сорока сборников за семь лет. Печатали книги приложениями к «Литературной Костроме», а в районных типографиях — специальными выпусками местных газет. Подтверждается правильность выбора единственного тогда пути. И горжусь, что осенило меня, позвало на инициативу, которую поддержали понимающие люди.

Теперь при определенном багаже можно сказать вслед за Николаем Рерихом, что ужасающий хаос разделения, упадков, ограничений претворяется в свет и гармонию там, где прикоснулся луч Прекрасного. Сама Поэзия пробивала сквозь тьму и неразбериху этот живительный свет? «Для того и родятся поэты на высоких широтах Руси...» Не трудно предположить, что каждый владеющий поэтическим даром духовно живет в нескольких поколениях, а не только великие, гениальные творцы. Сохраняется и в наше время, более того, коварно используется хрестоматийная раскладка, поражающая своей категоричностью суждений об особом предназначении, избранности. Как часто мы слышим: талантливейший, гениальнейший, прекраснейший. По рекламным ярлыкам если судить, по многим шумным премиям если посчитать, то к концу двадцатого века набираются десятки вспученных вершин, «оприходованных» в значительности и гениальности выше Пушкина,

Лермонтова, Толстого, Достоевского, Тютчева, Шолохова, Есенина, Горького, Бунина... Не только в центре, но и на периферии с расчетливым рвением объявляют иногда местного сочинителя в равности даже Льву Николаевичу Толстому. Случается так. И вот случилось, но мужественный соискатель столь высокой значимости, в возрасте размышлений об итогах и смысле жизни, о ценностях подлинных и мнимых, не оробел, не выказал неудобства, не воспротивился тут же, — услажденный словословием не захотел или по взволнованности не смог подобрать подходящий деликатный способ самооценки? С кем не случается, кто в услаждении не забывал о том, что лесть гнусна, вредна...

Наделенные божественным глаголом — особенные люди. Пожалуй, нет беды в том, что кто-то неизвестный возомнит себя гениальностью — для вдохновения, для уверенности в начатом деле. Находятся иногда и представительницы женской поэзии, определяющие свою работу по уровню Анны Ахматовой или Марину Цветаеву. Ну и пусть себе утешаются, лишь бы от самомнения такого другим не создавались неудобства. Для составителя антологии нет правил, кроме одного: больше поэтов хороших и разных, похожих только на себя. Индивидуальность, неповторимость восприятия и поэтического самовыражения, несомненно, привлекательны.

Поэты по природе своей ранимые себялюбцы, однако еще никто из них, кажется, не давал повода называть себя Пушкинами XX века. Равных Пушкину в столице и в Костроме пока не объявлено... И все-таки подлинные поэты живут по всему российскому пространству, только мы не всегда осознаем, что неизвестные и невеликие тоже оставляют слово незабываемое. О костромской школе русской поэзии при литературоведческом анализе есть основания поразмышлять. Критика современная этим не занимается. Да и есть ли она — неведомо нам в «лесной глухи». Правда, услышишь иногда: кто-то с помпезной официальностью объявляет сто лучших повестей года, «вычисляет» сто лучших российских поэтов, а кто-то своими лукавыми мерками находит новые «вершины» в центре и на местах. А мы по старинке полагаем: поэты — необыкновенные люди, они из тех, кто заключил в себе талант и потому чище всех должен быть душою, но дотошным измерителем таланта с учетом сотых и тысячных долей никак овладеть не можем. Для нас каждый одаренный человек интересен, услышать и понять его по праву современников необходимо. С такой целью и задумана первая костромская антология.

Стихами предшественников — Павла Катенина, Николая Некрасова, Сергея Маркова — начинается эпиграфический запев сборника избранных произведений, с ним надеюсь пробиться к современникам через пенистые наносы новой модной «словесности». Есть основания смотреть и на два века назад, вспомнить «Пушкинскую эпоху». Необходимо еще раз возвратиться к поэтическим истокам, чтобы у нынешних претендентов на высокие лавры поохладился пыл. Обращаю внимание на судьбу Павла Александровича Катенина, рожденного в Кологривском уезде в декабре 1792 года. Получив

превосходное образование, в особенности, изучив иностранные языки с их литературою, он определился на службу по министерству народного просвещения и через два года имел чин титулярного советника, но вскоре попал на военную службу...

Неординарная личность с неукротимой энергией и особым талантом. Герой двенадцатого года, участник боевого заграничного похода до Парижа. Состоял в первых тайных обществах. Был широко известен, со многими современниками вступал в полемику. Разносторонне образованный, по словам К.Батюшкова, наделенный большим дарованием, щеголяющий широтой и оригинальностью суждений, он имел свои художественные и нравственные принципы. И сыграл одну из решающих ролей в становлении Пушкина — общенационального поэта. В статье о сочинениях Катенина А.С.Пушкин писал: «Никогда не старался он угодить господствующему вкусу в публике, напротив: шел всегда своим путем, творя для самого себя, что и как ему было угодно. Он даже до того простер свою гордую независимость, что оставлял одну отрасль поэзии, как скоро становилась она модной, и удалялся туда, куда не сопровождали его ни пристрастие толпы, ни образцы какого-нибудь писателя, увлекающего за собою других. Таким образом, быв одним из первых апостолов романтизма и первый введши в круг возвышенной поэзии язык и предметы простонародные, он первый отрекся от романтизма и обратился к классическим идолам, когда читающей публике начала нравиться новизна литературного преобразования». А сам Катенин напоминал читателям, опьяненным торжеством очередной литературной суеты, что судить о произведениях по прихотям моды — явный знак слабоумия, что ориентация на конъюнктурные требования ведет к самоотрицанию, самоуничтожению естественной литературы, по самой природе своей призванной воплощать вечные духовные ценности. Он противостоял казавшейся непоколебимо могущественной литературной группе. Стихотворная декларация поэта («Софокл») свидетельствовала о творческой свободе, о том, что для него победа не в увенчании венком, а в обретенном даре самовыражения. Поэма об отставном солдате «Инвалид Горев» привлекательна тем, что автор уравнял себя с многострадальным, но несломленным русским человеком, — в ней отождествление поэта со своим народом. Эта поэма предсказывала образы и темы для другой эпохи, подготавливала поэзию Н.Некрасова.

Перечитывая «давних» поэтов, в современных обстоятельствах открываешь заново значение созданного «для себя».

Удивительный путешественник-исследователь и романист, рожденный вблизи Кологривского тракта в Парfenьеве, оказывается, начинял поэтическое самовыражение еще в двадцатых годах этого века. Один из рассказов его сохранил такую мысль: «Вероятно, боязнь забыть слово и породила поэзию». Многие годы оно было подвластно Сергею Маркову, служило ему в минуты вдохновения, открывая свои тайны, помогало находить живые и осязаемые метафоры, хранящие тепло и сверканье неожиданных свежих эпитетов.

В драгоценных образцах его философской лирики являются они с удивительной естественностью и зримостью. Например, представленное здесь стихотворение «Пчела». Вспомните внезапный свет неожиданного эпитета в строфе с волшебным словом: «В хрустальной чаше огненная мгла, в ней опочила синяя пчела».

Особое, поэтическое свойство Маркова оценил составитель сборника «Светильник» Борис Примеров, он причислил нашего земляка к поэтической ветви с соками поэзии Н.Гумилева, М.Волошина, М.Цветаевой, П.Васильева, Б.Корнилова, Л.Мартынова... Такое резонное причисление уместно и деликатно, оно никого не вытесняет и не замещает, а только напоминает о характерной живописности поэтического слова. И мы согласно повторяем: метафоричность мышления отличает поэта от сочинителя. Метафоры истинного творца поражают естественным прорастанием мысли из чувства, которое живительно продолжает ее, выводит на другой уровень... Неожиданное и точное слово, рожденная естественными метафорами живописность определяют неповторимый «жест» поэта, его стиль... Самобытной дорогой впереди идет художественная интуиция, а не расчетливый, всезнающий разум. Наделенный такой интуицией успешно реализует свои достоинства в любовной лирике. Она требует эстетического такта, художественной тонкости восприятия и воспроизведения эмоциональных многоцветий для того, чтобы делать их предметом искусства. Конечно, и в любовной лирике высокое стилевое отличие постигает не каждый одаренный человек, даже истинному таланту лишь иногда удается при помощи эпитетов и метафор переплавить свои переживания в необходимое достояние многих.

Русская поэзия имеет неисчислимые достоинства, у нас есть такие творения, что и через века эстетическое, духовное богатство их окажется неисчерпанным и неисчерпаемым. В каждом времени рождаются призванные к поэтическому слову, владеющие единственной новостью, которая всегда нова, — талантом. Немногим из них дано найти вечный родник поэзии. И несравненные поэты в равной степени откровенностизывают к благороднейшим чувствам, уповают на отзывчивость сердца. Размышляя о себе и своем времени, они снимают жатву с посевов давних, пользуются многими источниками кроме самой жизни, трудами многих предшественников и современников. Общественная, историческая, творческая обусловленность неизменно подразумевается. Эпоха, состояние человеческого общества, события, все виды искусства и литература формируют мировоззрение. И сохраняется то спокойное, то напряженное дыхание времени в стихах. Старшие поэты сквозь возрастную печаль из суровых фронтовых лет пробиваются правдой человеческого сердца к вере в молодость и красоту. По нашей антологии движется эта живая связь, обусловленная памятью и сыновними чувствами.

Художественная правда, рожденная стихией человеческого сердца и талантом, живет долго, не отменяется последующими открытиями и откровениями. Только дается она не каждому одаренному человеку с первой попытки сказать свое неповторимое слово. Не все

опубликованные в антологии подборки претендуют на такую правду, некоторые авторы первых книг, изданных писательской организацией, еще только заявили свою причастность к поэзии, свое почтение к родному слову и тем самым воспротивились утверждениям об умирании или упадке интереса к русской поэзии, хотя это утверждение связано с общей, мировой, дезинтеграцией языка, с распадом личностей и сообществ.

Молодые литераторы увлекаются поэтической деятельностью несмотря на то, что она, некогда столь возвышенная, становится «по прихоти неустроенного общества» второстепенной, не дающей никаких «потребительских перспектив». Происходит это потому, что мы во дни тревог и сомнений получаем знание, удовольствие, утешение и даже прозрение от чтения стихов, подзаряжаем душевное состояние. Не утрачена способность восхищаться поэзией, выбирать необходимое для души и сердца не только у великих поэтов. Уже сказано не раз: нет у нас другого литературного жанра, который был бы ближе к божеству, чем поэзия.

Но специалисты на Западе совсем недавно утверждали, что современная поэзия перестала входить в интеллектуальную диету. Что ж, у каждого времени свои ориентиры и эстетические потребности. Приходится только сожалеть, если кто-то не чувствует поэтического слова. Россия — особенная страна, романтическая, фольклорная, песенная. У нас была «Пушкинская эпоха», была поэзия пушкинской поры. Пушкин осваивал опыт всей русской литературы. Его гений не отменил литературу. Поэт изучал других с благодарностью, говорил об особенностях Катенина, Жуковского, Батюшкова, Тредиаковского, когда уже чувствовал свою достоинства.

Открытия, удачи в языке, темы и образы, найденные писателями нескольких поколений, отзывались в сочинениях Пушкина. Он говорил о том, что писатель должен «повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа», которая всегда имеет «особенную физиономию». Не подражать фольклору, не просто использовать его мотивы, сюжеты и образы (хотя Александр Сергеевич полностью не отрицал этого), а глубоко и прочно осваивать принципы, свойственные языку фольклора. В наше время возрождается интерес к народному творчеству. И костромские поэты следуют пушкинским заветам. Прочитанные рукописи, публикации, книги дают мне возможность говорить о том, что усвоено почтение к народному говору, к фольклорному и песенному творчеству жителей костромского края. Наиболее ясно это читается в поэзии Леонида Попова, Виктора Лапшина, Владимира Кострова, Вячеслава Шапошникова, Сергея Потехина, Анатолия Беляева, Евгения Старшинова. Поэты собирают частушки (Виктор Лапшин, Леонид Попов), составляют специальные издания. Только что появился сборник «Частушки вохомского края» — в нем полторы тысячи из семи тысяч частушек, собранных Леонидом Поповым. В предисловии он цитирует дивные строки Николая Рубцова: «Мы с тобой не играли в любовь. Мы не знали такого искусства. Просто мы у поленницы дров Целовались от странного чувства».

Цитирует и доказательно находит побудительный для поэта мотив в конкретной частушке, горячо говорит о том, что в сегодняшней смуте простые люди еще сохраняют чистую языковую культуру. Мы учимся у них и помогаем по причине любви.

Превосходство природы и жизни над искусственностью — очевидное достоинство наших поэтов. Совпадение интонаций допустимо, если лирически настроенные люди поют об одном и том же. Иногда совпадают темы, выбор предметов, но голоса певцов имеют индивидуальную окраску. На эту индивидуальность рассчитывал составитель, когда обнаруживались условные повторы в поэтических подборках.

Из давних лет пригодились размышления П.А.Катенина о том, что предписывать поэту выбор предметов несправедливо и вредно, т.к. для знатока прекрасное во всех видах и всегда прекрасно. «Но одно исключение из сего правила извинительно и даже похвально: предпочтение поэзии своей, отечественной, народной. Свое ближе чужого. Поэт с ним познакомится короче, выразит вернее и сильнее».

Отдаю предпочтение поэзии своей. Верю в неутраченную способность чувствовать и берегать родное слово, находить очень важное для души и сердца не только у великих и гениальных творцов, потому обеспечиваю в конце XX века движение в свет первой костромской антологии. На добрую память.

Михаил БАЗАНКОВ

От составителя. Композиция издания, вероятно, определена эмоциональным и эстетическим субъективизмом составителя. Поэзия, как и музыка, живопись, воспринимается в зависимости от «освещения» и нашего самочувствия. Факторы общественной жизни тоже сказываются. Потребовались и формальные, условные ориентиры. В первом разделе представлены современные поэты, члены Союза писателей России, с учетом профессионального стажа; во втором — в качестве гостей — наши земляки, в третьем — «вслед за памятью» — те, кто уже завершил земной путь; в четвертом — авторы первых книг, изданных Костромской писательской организацией ранее или в серии «Литературная Кострома». Не все поэты представлены достаточно широко и разнообразно, не каждая подборка совершенна. Но в поэтическом содружестве находятся костромские авторы «на общем печатном поле», под одной обложкой, как и в жизни — под одним небом. Перед 200-летием со дня рождения А.С.Пушкина в этом есть особый резон.

Издание было задумано пять лет назад. Осуществляется по программе сотрудничества Костромы и города Дарема (Северная Каролина) при участии американских поэтов, интеллектуалов, проявляющих интерес к русской поэзии. Наша особая благодарность за активную творческую помощь в осуществлении этого издания Джуди Хоган, Ричарду Беркли, Ирине Елович, Шерон и Джону Юинг...

Павел Катенин

СОНЕТ

Кто принял в грудь свою язвительные стрелы
Неблагодарности, измены, клеветы,
Но не утратил сам врожденной чистоты
И образы богов сквозь пламя вынес цели;

Кто терновым путем идя в труде, как пчелы,
Сбирает воск и мед, где встречаются цветы,—
Тому лишь шаг — и он достигнул высоты,
Где добродетели положены пределы.

Как лебедь восстает белее из воды,
Как чище золото выходит из горнила,
Так честная душа из опыта беды:

Гоненьем и борьбой в ней только крепнет сила,
Чем гуще мрак кругом, тем ярче блеск звезды,
И чем прискорней жизнь, тем радостней могила.

1835

* * *

Вы здесь играли так прекрасно,
Что про себя все думал я:
Зачем нелегкая напрасно
Несет их в чуждые края?
Чего искать у иноземцев?
Как ни премудры их дела,
Как мы ни почитаем немцев,
Все слаще русских похвала.
Я был неправ: вы там учились,
Вы с пользой время провели
И с честной славой возвратились
В предел отеческой земли.
Побудьте с нами, мастерицы!
Я не собрался до сих пор
Взглянуть на новый блеск столицы,
Затем что денег нет на сбор;
Но и в России прехолодной
Мороз и выюга не всегда,
И платят жатвою бесплодной
Поля за труд не все года;
Живет и ведро и ненастье,
Снег тает — зеленеет луг,
И колесо слепое счастья
Вверх дном повертыает вдруг.
Авось я в Петербург приеду,
А там, как долг велит уж мне,
Не только земляку, соседу,
Об вас спрошу я: «Где оне?»
И мне ответят: «Не ищите;
С отцом уехали в Берлин!»
А уж конец тогда один:
Я рассержусь; любовь к искусству
Досадой в сердце задушу
И, вопреки уму и чувству,
На вас сатиру напишу.

30 июня 1848

Николай Некрасов

* * *

Стихи мои! Свидетели живые
За мир пролитых слез!
Родитесь вы в минуты роковые
Душевных гроз
И бьетесь о сердца людские,
Как волны об утес.

1858

* * *

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России, —
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугово,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...

1857

* * *

Что ты, сердце мое, расходилося?..
Постыдись! Уж про нас не впервой
Снежным комом прошла-прокатилась
Клевета по Руси по родной.
Не тужи! пусть растет, прибавляется,
Не тужи! как умрем,
Кто-нибудь и об нас проболтается
Добрым словцом.

1860

МУЗА НЕКРАСОВА

В стихотворении «О Муза! я у двери гроба!..» умирающий Некрасов писал:

Не русский — взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу...

«Ты любишь несчастного, русский народ! Страдания нас породили», — скажет в конце своего крестного пути в Сибирь некрасовская героиня княгиня Волконская. Среди русских поэтов и писателей Некрасов наиболее глубоко почувствовал и выразил одухотворенную красоту страдания, его очищающую и просветляющую человека высоту.

Некрасов — поэт сокровенных основ отечественной духовности: первые наши святые, Борис и Глеб, канонизированы в лице праведников, претерпевших смертные муки от рук коварного Святополка. Страстотерпцы наиболее ярко представляют немеркнущий идеал русской святости. У Некрасова высшей добродетелью отличается в народе тот, «кто все терпит во имя Христа». Некрасов знал, что на этой многоплачевой земле веселье и радость — залетные гости, а скорби и труды — неизменные спутники жизни. Некрасов ценил тернистые пути, видел в них источник человеческого спасения.

В скорбный день кончины Некрасова Достоевский, писатель из чужого вроде бы стана, не мог сесть за работу, а взял все три тома его поэзии, стал читать и... просидел всю ночь. «В эту ночь, — говорил Достоевский, — я буквально в первый раз дал себе отчет, как много Некрасов-поэт занимал места в моей жизни».

Достоевский тонко почувствовал трепетный нерв, бьющийся в глубине поэтического сердца Некрасова: «Это было ранение в самом начале жизни сердце. И эта-то никогда не заживавшая рана и была началом и источником всей страсти, страдальческой поэзии его на всю потом жизнь... Прочтите эти страдальческие песни сами. И пусть оживет наш любимый, страшный поэт. Страшный к страданию поэт!»

Радость и красота поэзии Некрасова в художественной правде горьких истин: не пострадавший — не спасется, не претерпевший скорбей и печалей — не обретет мира в душе.

В современных условиях, когда большое общество наше понеслось под уклон ускоренного нравственного разложения и распада, недостатчен и ущербен эстетически-вкусовой подход к изучению отечественной классики в вузе и школе. Сознанию, в котором убито чувство ранга и погашены духовные светильники, «по милу» не может быть хорошим не только Некрасов. Во имя национального спасения и во исцеление искаженных и смятенных душ, потерявших ориентиры, спутавших все понятия о добре и зле, необходим решительный поворот к изучению жизнеутверждающих, духовно-основных основ русской классической литературы.

Юрий ЛЕБЕДЕВ

Сергей Марков

РУССКАЯ РЕЧЬ

Я — русский. Дышу и живу
Широкой, свободною речью.
Утратить ее наяву —
Подобно чуме иль увечью.

Бессмертной ее нареки!
Ее колыбель не забыта;
В истоках славянской реки
Сверкают алмазы санскрита.

Чиста, как серебряный меч
И свет в глубине небосвода,
Великая русская речь —
Надежда и счастье народа.

Мне снилось: пытали огнем
И тьмою тюремного крова,
Чтоб замерли в сердце моем
Истоки могучего слова.

Но вновь я познал наяву
Ровесницу звездного свода, —
Я снова дышу и живу
Надеждой и счастьем народа!

1954

ПЧЕЛА

Бухарская еврейка продает
На улице окаменевший мед, —
В хрустальной чаше огненная мгла,
В ней опочила синяя пчела.

И вот не так ли радости близка
Мгновенная щемящая тоска?
Тоска покуда недоступна мне;
В холодном и сияющем огне
Тоска томится, как пчела на дне...

Но гордых мыслей неотвязна нить —
Я здесь решал, зачем мне надо жить.
Зачем мне жить и видеть солнце дня,
Когда огонь — бессмертнее меня?
Мне никогда не пережить огня!

Меня бессмертней сумрак, и вода,
И ветер, и падучая звезда —
Они горды бессмертьем навсегда...

И я брожу в завесах теплой мглы
И восхваляю мужество пчелы:
Она живет и пьет прозрачный сок.
И умирает просто, как цветок.

И, как награда скромному труду,
Ее могила — в золотом меду...

С тех пор тоска, что на душу легла,
Не тяжелей пчелиного крыла!

1931

Вячеслав Шапошников

Вячеслав Иванович Шапошников — прозаик, поэт, священник. Родился в 1935 году в г.Алатыре (Чувашия). Служил в армии, работал в леспромхозе, учился в Красносельском художественном училище. В 1964 году переехал в Кострому, работал радиокорреспондентом. Тогда же вышла первая книга «Романтикам».

Окончил Высшие литературные курсы в 1971 г. и перешел на творческую работу. Автор многих книг, изданных в местных и центральных издательствах.

Будучи рукоположенным во священнический сан (в 1991 году), В.И. Шапошников редактирует костромскую епархиальную газету «Благовест».

Член правления Костромской областной писательской организации, активный общественный деятель. Член Союза писателей России с 1968 года. Заслуженный работник культуры РФ.

БЕРУСЬ СКАЗАТЬ...
Берусь сказать о том, о чем попытаюсь сказать, лишь от понимания: о б э т о м сегодня от кого-то другого в кругу костромских литераторов слова не дождешься. Сказать же — надо. И вот случай подходящий представился — антологию костромской поэзии готовится...

Понимаю (и вижу в этом немалую для себя трудность), что слово мое не в каждом из собратьев моих «по перу» найдет сочувствие и понимание, более того, — иными из них будет оно отторгнуто. Но что же делать?! Берусь сказать. Тем более, что сказать-то обязывает меня еще и долг священника. А этого долга в себе от долга писательского мне уже не отделить.

Почти целый век наша литература шла путем безбожия. Безбожием переболели едва ли не все советские литераторы. Иные не победили этого печального недуга и на исходе века, когда столь многое открылось во всей своей подлинности (положительной и отрицательной), когда пытаться атеистическими иллюзиями не осталось уже никаких оснований.

Разумеется, ничто не происходит в д р у г, мгновенно. Жизнь, человек, ее проживающий, изменяются постепенно. Потому, по инерции, многое еще и сегодня пишется в духе вчерашнего дня, с некоторой долей приспособленности «к требованиям нового времени».Находятся тут и «свои» читатели, ибо ведь и последние несут на себе те же печати времени...

Я говорю о жизни без Бога. Жизнь без Бога не имеет под собой надежного вечного основания. Над ней, вместо неба, — бетонный потолок, она вся — эфемерна, случайна. Под ее «потолком» человек нерастет ввысь, ибо он отринул высшее начало, он превращается в некую метафизическую иллюзию, в некую действующую мнимость. Для поэта состояние это погибельно.

Вчерашний официоз много потрудился в своих посягательствах на создание цельного и непротиворечивого образа мира. Все висело как бы в безвоздушном пространстве, в пустоте и не могло не рухнуть однажды. И рухнуло. Что же пришло на смену? Пространство заполнилось базарным шумом и гамом. Народились новые фантомы, в жизнь вцепились новые мистификаторы. Мир оказался растерзанным на мелкие части, на лоскуты и тряпье, на хлам и мусор... Так всегда бывает, когда сносится старый дом...

Между тем, поэт, как никто другой из имеющих творческий дар, способен ощущать гармонию Божьего Духа, обнимающую все творение. Именно Богом, Творцом даны ему — особо чуткому органу Божьего Мира — способности чувствовать Божие присутствие во всем и донести почувствованное до других. Удивительное вдруг откроешь для себя... Оказывается, что слово Творец в греческом языке звучит и пишется так — Πιτες (то есть Поэт). Бог-Творец, таким образом, является Богом-Поэтом. И мы ощущаем, как слагает он великую поэму мира. И радостно должно быть человеку, ощущающему в сердце свою способность к поэтическому творчеству, быть сотворцем самого Бога... А разве тонко чувствующий поэтическое слово человек — не сотворец Бога-Поэта? Он — не рождает стихов и поэм, но он ощущает радость своего сердечного и духовного созвучия с ними!

Вновь и вновь вчитываюсь в один из стихов пророка Исаии:

Ибо так Господь сказал мне:
Я спокойно смотрю из жилища Моего,
как светлая теплота после дождя,
как облако росы во время жатвенного зноя.
(Исаия, 18.4)

Вчитываюсь и восхищенно дивлюсь этому простому и величественному откровению, которое ведь и к любому из нас обращено в каждом миге нашего земного бытия... Какая поэзия! Тут — уже прямое слышание Бога! И как душе твоей знакомы: и эта «светлая теплота после дождя», и это «облако росы во время жатвенного зноя»!.. И, конечно же, — само ощущение во всем этом присутствия Божиего!.. Не это ли и положено главным смыслом твоей жизни, человек, — слышать истину Божиего бытия и Божией воли, слышать Богом данным тебе внутренним слухом, любить своего Отца Небесного, постигать, понимать Его?!.. И надо-то для этого так немного, кажется, — быть именно человеком. Разве не в этом и основное призвание истинного творчества, истинной поэзии — помочь человеку прийти в меру своего подлинного звания?! Нет, не воображение развить в нем, не изощрить его во всевозможных чувствованиях (тут — путь к гордыне, греху), а развить в нем ч е л о в е к а истового, чуткого, способного видеть умом и сердцем Бога, слышать Его Слово, способного услышать это Слово в ослепительно открывшейся Истине Святого Евангелия.

Увы, современная поэзия чаще всего ведет человека ложными путями, кривопутем, уводя его в сторону от Евангельской Истины. Об этом сегодня стоит особо сказать, когда виду «слепые поводыри слепых» что-то глаголят невразумительное, к чему-то сомнительному призывают, чем то (нередко откровенно пошлым) соблазняют.

С тревогой и скорбью обнаруживаю сегодня, как иные из костромских стихотворцев (по недоброму примеру иных столичных) ударяются в этакое «самовыражение без границ». Обнаруживаешь у них уже не русский язык, а вполне утвердившаяся вместо него блатную феню...

«Мы, люди, призваны наполнить мир благоуханным садом добрых творческих мыслей и чувств, сладких для всех, а не разъедающих дымом эгоизма, ненависти и зла», — пишет Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), автор воистину замечательных поэтических сбор-

ников и богословских трудов, еще не достаточно узнанных в России, на его Родине. Как ныне в нашей поэзии не хватает ощущения этого воистину человеческого призыва! Длится и длится в нашей литературе (в частности — в нашей поэзии) уход от сакральности, от глубинного подлинного смысла человеческого бытия. Жизнь, искусство распадаются там, где нет религиозного сознания. Почему творческие искания, даже порой и самые искренние, достойные, в нашем веке чаше всего оказываются метаниями?.. От ложности поисков, от ложности целей. «Русская поэзия, — пишет только что упомянутый Архиепископ Иоанн, — еще не нашла своего высшего выражения. В ней недостаточно «различения духов». Поэты еще хранят с райским духом и преисподний, забавляются им». К чему приводит это хранение духа преисподнего и эти забавы с ним, я уже сказал, говоря об «агитаторах, горланах, главарях». Тут дано было наипростейшее. Есть куда более сложное, допустим: духовная эволюция Пушкина, Гоголя...

Нет, поэзия, конечно же, не только благоуханный сад. Есть у нее еще одно христианское призвание: защищать мир от холода жизни, соединять собою, сердцем поэта родное с человеком, изживать чужое, то, что от диавола, видеть дальше подлой и кучей правды дня сего. Литература абсолютно быть не может. Она не вправе, без ущерба для себя же, отворачиваться от вечных проблем мироздания, отягощенного злом и грехом. Она не может пренебрегать чаяниями беспокойного духа, идущего к истине. Иначе, при самых светлых мотивах в ней, она может оказаться праздным занятием.

С горечью вынужден сказать, что убеждение очень уважаемого и любимого мною великого русского человека Ивана Ильина, будто культура «без веры, без сердца, без совести» потерпела поражение, оказалось поспешным, маховик тут сегодня еще в самой раскрутке. Литература, увы, не свободна от греха бессердечия, безверия, бессовестности. Этого греха сегодня хватает. Игра с реальностью в ней, порой свободною от любых моральных и духовных обязательств перед человеком, нередко приобретает самые фантасмагорические формы.

Именно в поэзии, живущей исключительно душой и сердцем человека, особо ощущающими Божие в мире, и возможен подвиг надежды, подвиг сопротивления мировому злу, кажущемуся ныне столь всемогущим. Верю: в хмуром, разверстом поле нынешней русской жизни, среди его окостеневания, поэзия наша может сказать свое глубокое, спасительно-теплое, обнадеживающее слово.

Будем понимать сами и помогать в этом понимании другим: живем в особом времени, именно в таких временах созидаются крепкий духовно человек, именно в таких испытательных временах проясняется суть наших заблуждений и кривохождений. Многое сегодня у русской поэзии работы на Русской земле. Не книжное мертвое слово нужно, как бы оно ни изошло. Нужна живая кровь поэзии. Все мы оказались в конце века как бы под открытым небом, в некой сверхсуперной и безжалостной реальности.

Так и слышится мне незавершенное слово Николая Васильевича Гоголя, которым оборвалась его недописанная поэма:

«Что тут говорить о том, кто более из нас виноват! Я, может быть, больше всех виноват... Но оставим теперь в стороне, кто кого больше виноват. Дело в том, что пришло время нам спасать нашу землю!

Я обращаюсь к тем из вас, кто имеет понятие какое-нибудь о том, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долг, который на всяком месте предстоит человеку. Я приглашаю рассмотреть ближе свой долг и обязанность земной своей должности, потому что это уже нам всем темно представляется...»

Священник Вячеслав ШАПОШНИКОВ

Вячеслав Шапошников

* * *

В небе осеннем открылось окно голубое
с тихой и кроткой вечернею искрой-звездой.
Как замирает душа в леденящем покое,
будто край жизни открылся вдали предо мной.

Как я тянулся всегда к этой искорке Божьей,
что предо мною мерцает средь голых ветвей!
О, как дрожала она над глухим бездорожьем
ранней, далекой, израненной жизни моей!..

Сердце ответно трепещет на трепеты эти:
дивным блестаньем и трепетом я не забыт!
Это звезда невозвратно ушедшего светит.
Это звезда моей будущей жизни горит.

* * *

In the autumn sky a blue window opens
and in it there's the quiet, mild, evening spark of a star.
How my soul stands still, stunned into peacefulness,
as if I'd discovered the very edge of my life
way in the distance.

I've always been drawn toward this little spark of God's,
which flickers among the naked branches.
Oh, how it trembled over those friendless places in the middle of nowhere
in the early, wounded days of my life, now so long ago.

My heart trembles in response to its trembling.
Because of this amazing shining and trembling
I am not forgotten
This star of what is gone forever is still shining.
It's my future life's star glittering.*

---

* Здесь и далее переводы на английский язык — Ричард Беркли,
Джуди Хоган, Ирина Елович (Дарем, США).

Вячеслав Шапошников

ИЗБА НАД УНЖЕЙ

Поэма

1

Здесь избу вознес крутой угор
словно бы затем над тихой поймой,
чтобы вечный ей нести дозор
средь округи, мертвенно-спокойной.
Так я не смотрел из-под руки
столько лет! Какой укор для взора
в иноческой бледности реки,
в схимнической тишины простора!..
Как я жил без этой остроты,
этой ясности вокруг не зная?!.
А теперь вот и за полверсты
мне видна травиночка любая.
Слух мой замкнут был в самом себе
шумом городским. И вот — он волен!
Даже сидя у окна, в избе,
слышу я, что происходит в поле.

2

Северное время не спеша
в тучках проплывает над избою.
О, в каком родстве моя душа
оказалась вдруг с е е душою!
Чуть вздохнет о н а (кого-то жаль?),
прокряхти и вновь молчит угрюмо.
Может, обо мне е е печаль,
обо мне участливая дума?..
Каждый проскрип, каждый вздох е е,
в напряженье тишины суровой,
это — на молчание мое
горестно прошептанное слово?..
Облачная навись потолка.
Охристое половиц сиянье.
Все вокруг — святое ожиданье:
жизнь вернется к н е ё издалека!..

3

На стене — убогих рамок ряд:
сквозь уснувшие на стеклах блики
с фотографий выцветших глядят
на меня е е хозяев лики.
Там — за каждым — горькая судьба,
грозовая, темная эпоха...
«Есть по ком вздыхать тебе, изба,
есть с чего кряхтеть тебе и охать!..
Страшный не избит, увы, разбой,
не видать конца сему разбою...» —
то ль с избою, то ль с самим собой
говорю, качая головою.
«Знаю, знаю...» — охает о н а,
ох, не деревянная и в горе.
За ушедших всех о н а одна
здесь стоит высоко, как в дозоре.

4

Чу!.. Прошли грузнее облака...
Дождик окропил е ё вполсильи.
Или Бога Самого рука
отрясла над н ё вдруг кропило?..
О, как день омытый чист и свят!
Глянул луч из глубины бездонной.
Вечности сиянием объят
мир и избяной, и заоконный!
Как заречная приникла даль
к окропленным вдруг оконным стеклам!
И изба смеется (сквозь печаль):
под святою тучкою помокла!
Словно в райском побыла саду!
Будто не в дожде скупнулась — в счастье!
Ах, такую ль видела беду!..
Ах, такие ль помнятся напасти!..

5

Пережит здесь е ю каждый миг
(снег ли, дождь ли мел метлой по крыше).
Я — ее прилежный ученик:
у нее учусь смотреть и слышать.
Свет вечерний в окнах попригас.
Шепоток избы закрался в сердце:
«Надо нам с тобою в этот час
в край полузагубленный взглянуться!..»
«Надо, — соглашаюсь с н ёй, — да-да...»
Вон — уже Заунжье мгла туманит,
вон уже и ранняя звезда
остреньким лучом на волю манит...
За порог. И только вздох дверной
проводает к мертвому безлюдью.
Воздух воли, острый и сырой,
не вдохнуть никак мне полной грудью.

6

Будто заперт я в самом себе.
Теснота в груди от дум и болей:
не остались, горькие, в избе —
тоже захотелось им на волю...
А на воле и своих — гурьба!
Тут же и накинулись — гурьбою...
Нет от них спасенья, нет отбою.
«Слушай, слушай их!..» — велит изба.
Чьи, откуда эти голоса?!.
Справа, слева, сзади... Отовсюду!
То ль шумят окрестные леса,
хоть и ветер поутих покуда?..
Голоса то тише, то слышней.
Слабые, рыдающие звуки...
Сколько ж тут накоплено скорбей!..
Сколько ж тут невысказанной муки!..

7

Слышно мне, как струйка родничка
под горою падает на желоб.
Хоть одна тут песенка легка —
среди здешней тишины тяжелой...
Чудится, журчит мне ручеек:
«Все твои печали успокою
и на долгий уврачую срок
«скачущей в жизнь вечную» водою...»
Лицо поднять и замереть
надобно под песенку журчаний,
чтобы навсегда уже прозреть
для спокойно-ясных созерцаний.
И стоять со взором, освещенным
чистою зарею и рекой,
возвратясь под чутким небосклоном
к чуткости, давно забытой мной...

8

Соприкосновение с незримым...
Светлое сморгнется забытье,
словно шестокрылым серафимом
вдруг лицо овеяно мое...
В колыбельной тиности овраги.
Вечера святое рождество.
Все в курениях небесной влаги
сумерек живое вещество.
Раствориться б в часе светогасном!
Мир вокруг — не Божий ли чертог?!.
Вижу все вокруг богопричастным —
каждую былиночку у ног.
По увалам, отдаленным самым,
по борам, молчащим за рекой, —
всюду предо мною Божьих храмов
и святых обителей покой.

9

Елей медноцветные вершины,
главки звонниц мне видны вон там?..
Та вон белостольная куртина —
чем не белый и смиренный храм?!.
Зоревым сиянием объято,
куполообразное на вид,
вознесясь над нею в три наката,
млеющее облако стоит...
Никакие тьмы не погасили,
никаким не одолеть волхвам
чудное томление России
по небесным белым островам.
А вон тот задумчивый осинник,
трепетом объятый и огнем,
разве он, скажи, не сотайнник
в каждом помышлении твоем?!

10

Мнится мне? Иль вправду слышу я
тихое раздумчивое слово?..
Будто «собеседница» моя
рядышком заговорила снова...
Не ушло покуда в забытье
то, что слышал здесь во дни я оны
от хозяйки старенькой е е —
от покойной тетушки Матрены.
Вот ее старушьим голоском,
в сумраке осеннего предночья,
как в бреду, изба мне и бормочет
все о том, что поросло быльем.
Ох — тебе, забвения трава!
Ох — вам, неумолкнувшие были!..
Свечечками тихими слова
в сумерках округу осветили.

11

«Знаешь ли, какая тут была
людная веселая деревня?!.
От нее остались лишь деревья
да еще — единственная — я...
Жизнь какая тут у нас бурлила —
до прихода-то безбожных лет!
Навалилась бесовская сила —
год за годом — все сошло на нет...
Вымер край. Не вынес разоренья,
убиенья веры и земли.
Ломки, встрыски, разума затменья
жизнь вокруг под корень подсекли.
Вот и жди тут, чтоб пришел хоть кто-то,
под дождем осенним холодей,
погрузясь во мглистые пустоты
мертвых дней и в чернотуnochей...»

12

Унжа тихо плещется в тоске,
средь нагих ольшаников скрываясь.
И моя тоска течет к реке,
в сумерках с ее тоской сливаюсь.
Холодна туманная водица.
Стрежневая просверкнет струя, —
тут же отзовется под ключицей
боль непроходящая моя.
Как здесь тихо умирают дни...
Никому кончины их не видно.
Вон сосенок — свечек панихидных —
розовато теплятся огни...
Вон изба такая ж — посмотрим:
как воспоминание о солнце,
врос огонь слабеющей зари,
за рекою, в мертвое оконце...

13

Горькая голь-гольная берез.
Пепельность ольховника и вербы.
Взгляд поднимешь к меркнущему небу, —
мир качнется от невольных слез.
Догорает за спиной закат.
Словно бы нацеленные ружья,
брошенные избы Верхнеунжья
отовсюду на меня глядят.
Средь лесов невидимые мне,
в сумерках они открылись зренью...
Вроде бы и по моей вине
Север мой подвергся разоренью...
Это я собой не защитил
здешних деревушек от глумленья,
и моих тут недостало сил,
и моей молитвы — для спасенья...

14

Вон она — э п о х а — далеко ль,
времечко застоя и запоя?..
Морем разливанным алкоголь!
По любому поводу — застолья!
Ходуном ходил наш Русский дом.
Бесы в нем «долой!» орали Богу.
Знал же ты: не кончится добром
страшный пир... Ах — не забил тревогу...
Нет, чего-то ты произносил
средь таких же «правдолюбов» вяло...
Лишь на шепоток достало сил,
а на крик — ни разу недостало...
Наплели витии, намололи.
Не расплеть теперь, не перепечь.
Попройдут на языках мозоли,
может, и наладим нашу речь...

15

Нам бы разучиться — лгать и лгать!..
Века окаяннейшего чада,
сколько в прошлом надо нам понять
и оплакать сколько еще надо!..
Вон — теперь — послушаешь, иной
возгордится: «я — ш е с т и д е с я т и к!»
Лучше бы подумал головой,
скольких он безумий соучастник!..
Если б разобрался, что к чему,
может, и пришло бы пониманье:
слезного достойна покаянья
сопричастность к племени сему.
Да, «шести-де-сиянки»... Словцо...
Неспроста его подбросил кто-то!..
Мало ль тьмы кромешной мудрецов,
чье призванье — адова работа!..

16

Вот они лукаво и нашли,
и пустили в оборот прозванье
тем, кто жил от русских бед вдали,
кто не знал народного страданья,
но хитро подмигивал, когда
косно речи плел язык «генсека»,
кто средь многих лихолетий века
знал и помнил лишь «свое» всегда.
Наши беды — в плане, так сказать,
ну, а все «свои» — они — вне плана!
Ох, «шестидесятники»! Ох, рать
мастеров лукавства и обмана!
Ваши лицедеи от пера —
мастера пустогромовой темы —
бойко выдавали «на-гора»
из подземий адовых поэмы.

17

Все-то их отчество — Арбат.
Там и заходил их ум за разум.
Их арбатско-лонжюмовый взгляд
в эту глушь не проникал ни разу.
Им за чушь какая-то там глуши —
пичкающим калечного Пегаса,
содранного с полотна Пикассо,
суррогатом «треугольных груш».
Им — «Дубовый лист виолончельный».
Им куда родней «Антимиры».
Есть еще какой-то — запредельный —
«Русский мир»? — Сгодится для... игры.
Кто-то в нем, не выдержав, исчез?
В нем полно позора и разора?..
Что ж — вполне естественный процесс,
названный «естественным отбором»!

18

Вновь по всей России в те года
закрывались и взрывались храмы.
Не печаль им это, не беда.
Их не занимали «энти драмы».
Тысячи российских деревень
шли под нож. Тревожило их это?
Ах, о том и слышать было лень
всевозможным «больше чем поэтам».
Им хоть вся Россия потони!
«За бугор» умчатся без печали.
Вот — «семидесятники» они,
вот — «восьмидесятниками» стали...
«Девятидесятники» грядут,
«новых русских» нацепивши клички
(дескать, «старым» все равно — капут).
«Нео-рашен» им — взамен отмычки.

19

Где-то поле полонил бурьян.
Не растет ни рожь там, ни пшеница.
«Нео-рашен» наш — и сыт, и пьян.
На его асфальте все родится!
Привести такого вот сюда,
носом ткнуть: смотри — твоя работа —
превратилось в мертвое болото
то, что жизнью полнилось всегда!..
Не покаяться — не исцелиться...
Более всего себя виня,
каюсь: в пропастях твоих, столица,
среди многих погибал и я...
Вал словес катился безоглядно,
полуправд и полуистин вал,
по стране, где было все неладно...
Я — ему катиться помогал...

20

Не утешусь: не прямым участьем
(мол, от лжи хранил себя, как мог),
ибо и молчанье сопричастен,
ибо более себя берег...
Русский дом — горящая обитель.
Слово нас Господне не прожгло:
«Без Меня не можете творити
ничего». Все прахом и пошло...
Шире, шире «мерзость запустенья».
Приговор Господень «Без Меня...»
слышен ли? Придет ли отрезвление
посреди великого огня?..
Сатана хитро расставил мрежи.
Кружит над страною воронье.
Распинатели России те же,
что распяли Господа ее...

21

Нам нельзя забыть ни на минуту
страшный путь к кровавому греху.
Надо знать: подбивший Русь на смуту
снова остается наверху.
Сатана, диавол — его имя.
Ежели не сбросить его власть,
русских нас не будет и в помине,
нам одно останется — пропасть.
Иль утешимся таким итогом?!..
Вот на чем сегодня каждый стой:
дастся нам победа только с Богом,
только с Русью, ставшей вновь святой.
Зоркими должны быть ум и сердце.
Слепотой не занедужим впредь.
Надо нам в самих себя взглянуться,
чтобы бесов мрежи разглядеть.

22

«С нами Бог!» — поется в наших храмах.
С нами Бог! Пусть в каждом будет храм!
С нами Крест Святой! Увы, кровавых
мы еще не свергли пентаграмм...
Но пред их гореньем богомерзким
будет наш народ светло храним
благоверным Александром Невским,
благоверным Дмитрием Донским.
Русичи! Спасенья не отвергнем
и святую веру отстоим!
С нами наши игумен отче Сергий,
с нами дивный отче Серафим!
Нам ли пропадать срдь бездорожья?!
Нам ли погибать от вражьих стрел,
коль взяла Россию Матерь Божья
в неотмений третий Свой удел?!

23

Верю: исчезнет наважденье,
мгла долгонедужия страны!
Трудное настанет отторжение
всей спешней силы сатаны!
Как ни бесновался хор зловольный,
как он яд и желчь ни изливал,
близ Кремля, среди Первопрестольной,
ХРАМ ХРИСТА-СПАСИТЕЛЯ возстал!
Русь переживает пресуществленье!
Все твои печали, мой народ, —
слезы, кровь, страдания, мученья —
все однажды радостью взойдет!
Верю: дивный свет Преображенья
здесь однажды вмиг преобразит
то, что предо мною в умаленье
(в умерщвленности почти) лежит!

24

Меж звездой вечернею и мной
ни-че-го, что помешать могло бы
слышать нам друг друга. Боже мой,
тишина какая!.. До озноба...
И под эту ледяную тишину
тут, в глухи, как на задворках века,
вдруг избы молчанье ощутишь
рядом, как молчанье человека...
Помолчим, объятые тревогой.
И да будет каждый миг наш свят.
Так молчат пред дальнею дорогой.
Так пред сечей грозною молчат.
Помолчать — не значит отмолчаться.
К празднословию отбросив страсть,
с мыслями нам надобно собраться,
дабы в ту же пасть нам не попасть!..

25

О, какою силой приворотной
северные дышат небеса!
Светлые бесплотные полотна —
ангельские крылья? паруса?..
Розовое. Бело-золотое...
Верно, свет Фаворский был таков...
Над безмольем вечного покоя —
немота предивных облаков...
Соприкосновение с незримым...
Тайное, щемящее дохнет,
что на Севере разлито в зимах,
что и осенях его живет...
Завтра в путь отправлюсь я, с рассветом.
Вряд ли вновь приду сюда уже.
Но благоухание об этом
навсегда останется в душе...

26

Глубже, глубже в сумрак погруженъе.
Мир заречный весь уже размыт.
Но шепчу я: «Свет Преображенъя
здесь однажды все преобразит!..»
Рядышком покръхывают доски:
избяное в думушке чело...
Словно прозревая свет Фаворский,
в блеске все оконное стекло.
Как я ощущил избы усилие —
празднство всесветлое прозреть!
Не изба, а птица! Ей бы крылья —
тут же попыталась бы взлететь!
Или ей, стоящей одиноко,
вовсе, может быть, ни до чего —
в стороне от бурь, страстей, пороков
века сумасшедшего сего?..

27

Как горят далекие миры!
Дышит переливчатое пламя.
Словно бы бесчисленные костры
в глубине небес горят над нами....
Разве тут не перекрешишь лба,
не прошепчешь «Господи, помилуй!»
Впала перед этой дивной силой
в крепкое молчание изба,
в тихое святое забытье —
под всевластьем звездного пожара...
Мне уже не разбудить ее,
не развеять колдовские чары?..
Жизнь вернется ли сюда опять?..
Или ей в тщете долготерпенья,
стиснувшись — бревно к бревну, — стоять,
скав их, как персты, до онеменья?..

28

Червь сомненья вдруг прожег огнем:
«Тут во всем — надсада и усталость.
Схватка бытия с небытием
здесь уже свершилась, состоялась...
Что в таких остывших старых стенах,
где любая вещь зовет назад,
сможешь ощутить ты? — Запах тлена
и ушедшей жизни тайный взгляд...
Что среди вот этой немоты
мертвого почти что Верхнеунжья
вознамерился рассыпать ты?..
Бормотанье, бред долгонедужья?..
Да, неисцелимого уже.
И себя обманывать не надо.
Только мука лишняя — душе.
Только сердцу — лишняя надсада...»

29

Чур меня, коварный шепоток!
Знаю: чей ты. Ведаю: откуда!..
Сердцу русскому и горе — впрок,
во спасение любое худо!
Нам печаль — не судия верховный,
не владыка над грядущим днем.
Всюду слышу здесь урок духовный,
всюду вижу здесь его — во всем.
Мир родной накрыла туча глухо?..
А глядишь: она же, в свой черед,
крепким равновесием меж духом
и суровым миром предстает!
Вдруг в душе усталой обернется
светом лучезарным грозный мрак.
«Сей слезами — радостью пожнется!» —
мой народ сказал когда-то так.

30

Растолкавши звезд великий рой,
взвихив крыщей млечные завои,
превеликой чудною скалой
вздыбилась изба передо мною.
Словно бы всерусский некий дом,
встал на неоглядная машина!
Окна пышут радостным огнем,
жаром раззенелись соловьино!
Молний голубые пламена
пробегают по углам и стенам...
Вознеслась, возвысилась она,
вырвавшись из тягостного плена!
И во все ночные небеса,
в радости, неслыханной доселе,
бодрые, что громы, голоса
ясной русской речи возгрели!..

Вячеслав Шаношников

31

Дивное там пение и смех,
озорные шутки-прибаутки,
птичий пересвист из-под застreh,
птичья радость утренней побудки.
Солнце неурочное взошло?
Ночь пред ним вдруг двери распахнула?
Лада превеликого тепла
в темени мне душу опахнуло.
О, как он счастливо в небо взмыл —
Русский дом, во всей красе и силе!
Вот таким он и задуман был
Господом, под именем РОССИЯ!
Весь, до малой-малости, живой!
Полон весь веселости весенней!
Словно мировой ковчег спасенья
в океане ночи предо мной...

32

Кратко озарился и... померк...
Лишь мерцанье звездного потока...
Снова мы — изба и человек —
утопаем в темени глубокой...
Родничок один лишь, не спеша,
под горой о чём-то все лопочет...
Дивно осиянная душа
света преисполнена средь ночи.
Словно бы открылось для меня,
в пережитом только что мгновенье,
беззакатного осьмого дня*
радостное, чистое горенье...
Звездный омут надо мной кипит.
И, лицо подняв, глаза прикрою:
вот он — снова окнами слепит —
Русский дом! Сияет предо мною!..

33

Чем не постращает впредь судьба,
посреди любой печали-хвори
вознесется предо мной изба,
над рекой стоящая в дозоре!
«Ни-че-го, — шепчу я, — доживем!»
«Ни-че-го, — шепчу я, — превозможем!
Озарится светом Русский дом,
весь омоется в сиянье Божьем!..»
И изба (почудилось?) вздохнула,
будто среди грезы или сна:
вот же — только что — себя взметнула,
вознесла светло г о р е она!..
Я щербатый угол робко гляжу.
В нем тепло живое под рукой...
Было э то в о в т о р у ю с т р а ж у
русской ночи. С н е ю. И — со мной.

* Одно из названий будущей Вечной жизни.

Сергей Потехин

Сергей Александрович Потехин родился 14 июня 1951 года в деревне Костоме Галичского района Костромской области. Учился в педагогическом училище, работал в колхозе. Печатался в журналах «Юность», «Огонек», в «Литературной России». Получал премии по итогам года за лучшие публикации. Первая книга ««Околица» вышла в 1977 году. Член Союза писателей России. Автор шести поэтических книг. Живет в родной деревне.

«ПРАВЕДНЫЙ ПУТЬ ЗНАКОМ...»

Вырос в поле
Глупенький
Василек
Голубенький.
Не понять ему
Никак,
Почему же
Он сорняк?

Сергей Потехин

Вспомнился давний завет: должно приучить россиян к уважению собственного... А получается так, что мы все еще не видим и не ценим самих себя — в этом одна из особенностей провинциальной жизни. Красота стала гонимой, искренность подозреваема, о светлом в людях не принято говорить. Поэты заглушены кипятком публицистики, коммерческой лавиной развлекаловки. Сколько их, неизвестных, неуслышанных, не прочитанных и не имеющих возможности выпустить книгу...

Поэт избрал обыкновенность каждого дня бытия в глупи, как в храм, отдался в лес. («Поселился в лесу, как леший, — вы не бойтесь меня, мадам»). Он знал, что делать: «Покуда нету вдохновенья — паси гусей, коли дрова». Приходилось не только пасти гусей и копоть осиновые дрова, высабливать полы в колхозном коровнике и рубить мерзлый силос. Крестьянский быт приучает к самообеспечению прожиточного минимума, отмечает неразумное, «зрячное», учит пониманию истинной ценности всего сущего. Нашелся для поэта самый надежный приют дум и мечтаний — околица. Есть такой сельский обычай назначать свиданья за околицей, на полянах, на берегу возле омута. Околица — и место для хороводов. Для радости. С горем и покаянием ходят в церковь, муки и скорбь несут к Богу, перед

ним отмаливают грехи, помышляя о другой жизни. А чувство счастья и радость земного бытия дает околица. Там и соловья своего можно услышать — так решил Сергей Потехин.

Бывает жизненная полоса, когда творческого человека сковывает страх потерять собственный голос, и он умолкает. Наш «соловей» или «заблик» никогда не упивался ерничаньем, не впадал в цинизм и безверие, с болью осознавая, что есть и его вина «в том, что земля бедна», по-крестьянски мудро глядит на прошлое и настоящее.

Все по местам расставил,
Вижу один пробел.
Нынешний снег растаял,
А прошлогодний цел.

Простоту и глубину этих строк каждый может воспринять по-своему, вкладывая общечеловеческий или личностный смысл. Эта книга незатейливой лирики мгновенно разошлась. А мы говорим и пишем об угасании интереса к поэзии. Издатели, книготорговцы уповают на залежи поэтических сборников, и потому тираж нового сборника был опрометчиво мал: три тысячи не хватило бы для одного Галичского района.

Не чувствуя подвоха,
Скольжу спиной вперед.
Какая там эпоха
За поворотом ждет?

Сложилась, выпалась еще одна книга лирики, в которой личное и общечеловеческое, потому что поэту поручено «за тех, которым не дано, изведать мир всецело». Он, деревенский житель, надеется теперь только на себя и еще успевает иронизировать над собой в ожидании «чуда возле книг и живого люда»... Ироничной чудаковатостью прикрывает иногда застенчивую искренность. За щедрой простотой вдумчивый читатель находит житейскую философию влюбленного и страдающего человека.

Но я не винтик и не гвоздь,
Пусть выгляжу комически.
Я — на земле нежданный гость.
Я — диверсант космический.

Это он-то, Сережа Потехин? Он волокет «в свою лачугу очумелого пьяничугу», кантует, катит, по загривку колотит. «У чумазого пьяничуги нет ни шелома, ни кольчуги, ни секиры, ни щита — рвань, щетина, нищета».

Прочитал — содрогнулся в понимании. Везде избыток водки, ей почет: пейте, россияне, на радость ворогам!

В поэзии Сергея Потехина привлекает меня космизм приземленной бытовой конкретности, смысловая и эмоциональная многомерность «затертых» слов и понятий. Его «отец пришел с войны живой, не ранен, без медали, и только в том передовой, что с матерью скандалит...» — в ранние годы сказал Сергей без детской наивности.

Все для него уже в былом:
Любовь, семья, работа.
Лежит в болоте за Днепром
Его штрафная рота.

Поэзия непересказуема. В ней дар волшебной простоты, наилучший порядок слов. Камень и снег, пень и солома, гриб и цветок — все превращается в кристаллы мысли и чувства, приносит новые мотивы.

«У коняги шея в мыле, ноги в ссадинах от пут...» «Чтоб услышать голос веций, люди лезут на вулкан», а шакалы да волки ждут, выстораживают тех, кто окажется в покорности овечьей...

Среди шуток, иронии, сарказма прорывается такая печаль:

Окропи святой водицей
Мой безрадостный удел.
Был и я когда-то птицей,
Ничего, что хрюплю пел...

Иногда он чувствует, что «послушным стал малышом, и воздуха негде хлебнуть». Иногда, как дуб из поэтической сказки «Дубовые грэзы», принимает ужасно грозный вид, сознавая: «Корни мои в на-вазе, крона моя в грозе». Сознавая: «Грозному великану праведный путь знаком». Если даже и рухнет он, то станет новым материком.

Привлекательность полевого цветка и надежность мудрого дуба оказываются соединимы. Перевоплощения «василька» приобретают тревожное звучание под давлением житейских обстоятельств отнюдь не материального свойства в первую очередь. Доверчивость к естественному в повседневности и настороженное предчувствие бед и печалей, идущих от тех, кто неправедным путем диктует жизнь другим... Мир утрачивает естественность и доброту, люди перестают видеть и понимать друг друга, многим из них уже праведный путь не кажется знакомым, они сворачивают на кривые дорожки приспособленчества, лукавого смирения, чтобы выжить среди ужасов и болей, сами становятся жестокими. А поэт только для карнавала может нарядиться польчи. И это отличает его, знающего добрые способы существования.

От юношеского смятения, застенчивой наивности — к решительной житейской простоте. Иронизируя над философствующими умниками, по-деревенски спокойно Сергей утверждает разумное отношение к жизни, но тоже с улыбкой:

Пироги умеем хряпать.
Надо в срок детей настригать,
Чтоб когда не станет сил,
Кто-то воду подносил.

Иногда он верит, что поможет березовой роще выстоять на высоком берегу, что, отбросив топоры, люди будут выращивать новый бор. И собственная судьба кажется ему рекою, на дне которой грустно мерцает камень-галька.

Выйдет он за околицу, и станет ему легче. «Кто сказал, что я не летаю, что потеряны оба крыла?» Еще пробивается в российской глухомани чистая и звонкая живая вода. Иногда «поют луга, поют леса, поют лукавые глаза, а музыка народная...» И сама подлинная поэзия рождает такую музыку, потому новые общественные ориентиры не обойдутся без внимания к российским творческим людям.

В последнее время безоглядно утрачивается уважение к собственным достоинствам, не берется в расчет особенность провинциальной жизни, которая всегда имела здравый смысл, красоту и достоинство, была хранительницей народных талантов, национальной культуры. Нельзя допустить, чтобы коммерческая лавина развлекаловки заглушила поэтов. Государство должно быть заинтересовано в издании книг молодых авторов, чей талант очевиден.

Есть у нас на костромской земле в деревне Костоме поэт Сергей Потехин, который уже не может быть неуслышанным, непрочитанным, неизвестным. Но трудно, очень трудно пробиться к нему по глухоманному бездорожью.

Михаил БАЗАНКОВ

Сергей Томехин

* * *

От мороза ли
Щеки розовы?
Или ветер их целовал?..
Ты стоишь одна
Под березами,
Спрятав пальчики в рукава.
Ой, красавица,
Ой, курносая,
А морозец-то не шутник.
По березонькам,
Тихо ползая,
Сыплет иней за воротник.
В шубку беличью
Забирается,
Устилается на груди.
Сердце девичье
Взять старается...
Ну, морозице, погоди!
Понесут меня
Кони добрые.
Прямо к миленькой
Подсказчи.
Протяну я ей
Руки теплые
Да на саночках прокачу.
Сани легкие.
Кони быстрые.
Ночь морозная не страшна.
В небе звездочки
Бывают искрами.
Пляшет круглынькая луна.
Что задумалась,
Несравненная?!
Колокольчики —
Нет звончей!
Печка русская,
Горяченная,
Губы милого
Горячей!

Are your cheeks pink
from the cold?
Or did the wind
kiss them?
You stand alone
under the birches,
your fingers hidden
in your sleeves.
Hey, beauty, you
with your turned up nose.
Frosty is no joker,
quietly creeping along
the tops of the birches,
pouring ice crystals
down your collar.
He hides inside
your squirrel fur coat.
He covers your breasts.
He tries to seduce
your girlish heart.
Well, now, Mr. Frost,
just you wait!
My good horses
will bring me right over.
I'll come galloping
straight to my dearest.
I will hold out
my warm hands to her,
and I'll take her
for a ride on my sleigh.
My sleigh is light.
My horses are fast.
The frosty night isn't scary.
In the sky the little stars
look like sparks flying.
The little round moon is dancing.
What are you thinking about,
you who are like no other?
There is nothing clearer
than the ringing
of these little sleigh bells.
The Russian stove
is boiling hot.
But your beloved's lips
are hotter.

Note: This poem is a *chastushka*, a modern folk song, usually made up spontaneously, often bawdy or improper.

Сергей Томехин

* * *

Выстрелил гром за тучею.
Эхо за лесом стихло.
Счастье мое летучее,
Где я тебя настигну?

Рожь по полям колышется.
В озере плещут волны.
Чай-то мне голос слышится —
Грусти и ласки полный.

Там, — у крутого берега,
Машет платочком алым
Девушка в платье беленьком.
Только не мне, пожалуй.

Я не желал бы лучшую,
Но и теперь не скрою,
Счастье мое летучее
Вновь разошлось со мною.

* * *

Жил, на целый свет окрысясь.
Все едят, а я — говей?..
Вдруг прислали десять тысяч,
Пискнул в брюхе соловей.

Подлетели кверху гирьки
На тарелочке с нуждой.
Накуплю лапши да кильки,
Побегу, как молодой.

Отскребли на сердце кошки,
Не успел я духом пасть.
Разноцветные сапожки
На одну сменяю масть.

Всех врагов оставил с носом,
Важен, как архиерей.
Буду пользоваться спросом,
Словно просо у курей.

Навострил Пегас подкову,
Бьет копытом: и-го-го!
Ой, спасибо Базанкову
И компании его!

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

О возвышенном грех не мечтать.
Вот и снится нам небо с пеленок.
«Научи меня, мама, летать», —
Уговаривал квоку цыпленок.

А в ответ — поучительный квок
(У мамаши другие понятья):
«Не пищи, успокойся, сынок,
Это вовсе не наше занятье».

Собираются куры в кружок,
Рассуждают с умом и понятно:
«Не умеет летать петушок,
Но зато кукарекает знатно».

* * *

Осень спешила, шумел листопад.
Падала с кленов незвонкая бронза,
Я по оранжевым листьям ступал,
Как по осколочкам солнца.
Кто меня выманил, кто пригласил
В жгучий буран красоты и печали?
Каждый листок от тоски голосил,
Бурые ветки молчали.
Может, впервые подумалось мне:
«Время свой бег не замедлит.
Мир без меня обойдется вполне.
Мне-то его кто заменит?»

БОЛЬ

Не скакать по злачным травам
Златогривому коню —
Брошен в темную дубраву
На расправу воронью.

Улетит воронья стая,
И останется в кустах
Только грифа золотая,
Завитая в три кольца.

Только ветра завыванье
В старых вербах над водой,
Только жалобное ржанье
Кобылицы молодой...

Сергей Потехин

* * *

В час прощанья попросим прощенья:
Друг у друга мы оба в долгу.
И какое имеет значенье
То, что я без тебя не могу?

Слишком гордых удача не любит.
Остальное почти ни при чем.
«Мы чужие, мы разные люди», —
Я в глазах твоих строгих прочел.

Ты рукою махнешь и уедешь,
Ты уедешь, куда позовут...
А в лесу нашем только медведи,
Да и то неохотно живут.

Обманусь, мол, прошло увлеченье,
Над самим же собой посмеюсь.
И какое имеет значенье
Эта тихая с горечью грусть?..

* * *

Сердце мое, ты — галчонок покинутый
Возле большого, чужого гнезда.
Близится ночь, и на мир опрокинутый
Падает черная, злая звезда.

Слезы мои, не проклонувшись, высохли.
Испепелен зацветающий сад.
Песня и стон божьей искры не высекли,
Траурный ветер когтист и космат.

А впереди цель маячила ясная,
Грудь распирало, и крепло крыло.
Ради чего эта жертва напрасная?
Нить обрывается ради кого?

Смелый выраж завершился аварией,
И ничего не поделаешь тут.
Светлую звездочку звали Наталией,
Эту падучую Смертью зовут.

* * *

Уже вторые петухи
Кричат в моей палате,
А я сижу, пишу стихи
О Сидоровой Кате.

У этой Кати на носу
Прелестные веснушки.
Я для Катюшки принесу
Любимые игрушки:

Сергей Томехин

Слонов, солдатиков, ежей,
Хрустальную посуду,
И даже зайца без ушей
Отдать не позабуду.

Катюша ростом не мала,
Не девочка — картина.
Уже в десятый класс пошла
Моя Екатерина.

* * *

Звон малиновый,
Звон лиловый!
Солнце лупит в колокола.
Не хватает всего лишь слова,
Чтобы улица в пляс пошла.
Вот народец —
Они уж плящут?!

Эх, раздайся,
И я спляшу!
Только кудри свои приглажу
Да подруженьку приглашу.
К черту шубу!
И шапку к черту!
Посмотрите, как я могу!
Ух, вприсядку!
Ведь я не гордый,
Не останусь
У вас в долг!
А девчонка, моя девчонка...
Недорога,
Она ли то?!

Удержи-ка поди
Бесенка, —
Будто птица —
В руке платок.
Что вам пава!
Куда там лебедь!
Кровь горячая с молоком!
Пьяный дед
Целоваться лезет,
Тоже выглядит молодцом!
Эх, Россия!
Народ бедовый!
Нет родней моего села.
Звон малиновый,
Звон лиловый.
Солнце лупит в колокола!

Сергей Потехин

* * *

Сменилась декорация
В моем оконке узеньком.
К тебе не смог добраться,
Сижу несчастным узником.

Не смог набраться храбрости,
Пока была замазана
Багряным цветом радости
Тоска зеленоглазая.

Метель хвостами лисьими
В стекло стучится черное.
На календарном листике
Число уже нечетное.

Гремят шаги по лестницам —
Проделки ветра пьяного.
Мне за окном мерещится
Твое лицо румяное.

АЛЕНУШКА

Земляника в лесу поспела.
Колокольчики на лугу...
Много песен ты мне пропела,
А наслушаться не могу.

Все березки — твои подружки.
Каждой пташке твой голос мил.
Я разочек тебя послушал —
И застенчиво полюбил.

В каждой песне твоя улыбка,
От которой мне так светло!
Каждой ветке березы гибкой
Отдаешь ты свое тепло.

Пусть запрячется в тучи солнышко,
Мы согреемся как-нибудь.
Незабудка моя, Аленушка,
Не забудь меня, не забудь.

* * *

Льдины белые, льдины синие
Торопливо несет река.
Над разливом стада гусиные
Рубят крыльями облака.

Лес торжественный в воду смотрится.
С пересвистом под отчий кров
Возвращается птичья вольница
С зачарованных островов.

Татьяна Иноземцева

Татьяна Николаевна Иноземцева родилась в январе 1950 года в поселке Якшанга Поназыревского района Костромской области. Окончила Галичский совхоз-техникум, затем сельхозинститут «Караваево». Почти двадцать лет отдала сельскому хозяйству: работала агрономом, заместителем директора совхоза, экономистом. С 1987 года — сотрудник редакции районной газеты «Парфеньевский вестник». Член Союза писателей России, автор девяти книг, лауреат Всесоюзного конкурса имени Н.Островского.

* * *

И ты — не тот, и я — уже не прежняя.
Надеяться не будем на авось —
Исчезло нечто тонкое и нежное,
Иссякло, истончясь... Оборвалось.

Без этой связи в чутком мире пусто мне,
Темно и среди солнечного дня.
Твой каждый вздох на расстоянье чувствую,
Но ты живешь уже не для меня.

* * *

And you aren't that one
and I'm not the same as I was before.
We won't hope against hope.
Something fine and tender has vanished,
has run dry, worn thin, been torn off.
Without this thread between us,
the world of delicate feelings is empty for me.
It's dark even on a sunny day.
And still I feel your every breath
even though you are so far away.
But you no longer live for me.

Матвяна Икоземцева

* * *

Оплакивать — рано, надеяться — поздно.
Не время тому и сему.
Бывает же возраст! Порою морозной
Чему присягать — не пойму.

С противоречием странным родилась.
Расставить нельзя по местам.
Была предназначена — не пригодилась.
Сбылась, словно сон, — да не там.

* * *

Чего искать? Земли обетованной?
Никем еще не найденой земли?
Ах, не святые Николай и Анна
Меня на этот свет произвели.
В сырой квартире не ютились сказки,
Не ждали здесь детей — ни одного,
Не обещали ни тепла, ни ласки,
Да, впрочем, и не дали ничего,
Помимо Родины. Но этот дар бесценный
Один, как сердце, у меня в груди.
У каждого есть место во вселенной.
Чего искать?.. Терять, брат, погоди.

ДИКАЯ ЯБЛОНЯ

Как безнадежная тайна лесная,
Яблоней дикой росла.
Опьянена твоим взглядом случайным,
Сердцем тебя позвала.

Не подошел, не вкусил. Я же знаю —
Думал, что душу сведет.
Дикая яблоня, дикая яблоня,
Горек твой мед!

Я от любви своей сладче не стану,
Из лесу вслед не сбегу,
Только цветы навсегда перестанут.
Больше уже не смогу.

* * *

И что хорошего в калине?
Как будто ягод нет других!
А я люблю смотреть, как ливни
Кистей касаются тугих.

Я посажу калину возле
Ветрам открытого окна,
И пусть осенней ночью в гости
Ко мне приходит грусть одна.

Марьяна Икономичева

Я ей поведаю — так вышло —
Свою нескладную мечту.
...А капли падают неслышно
С незримых ягод в темноту.

* * *

Под шершавой у речки вербою
Не грусти весь день, не грусти.
Это просто такое дерево,
Что нельзя ему расцвести.

Не ласкают кору корявшую
Ни ветра, ни горячий взгляд.
Всем черемухам не по нраву
Этот скучный ее наряд.

Зря и ты, проходя по берегу,
Греешь листву ее в горсти.
Это просто такое дерево.
Ты прости...

* * *

Радость моя нечаянная,
Счастье мое случайное,
Ласковая печаль моя,
Песня моя прощальная,

Что ж я тебя не балую
Страстью своей бесплодною
Этой весноюshalою,
Этой зарей холодною?

Что ж я тебя у вечности
Выкрась боюсь — не поздно ведь?
Мне без твоей сердечности
Труднее жить, чем без воздуха.

Что ж понапрасну мучаю,
Ставшая испытанием?
Гаснет звезда падучая.
Поздно шептать желание.

Поздно, сестрица дальняя,
В травах искать заветное.
Радость моя случайная,
Нежность моя запретная...

Матвяха Иходеничева

* * *

Эта тяга к земле,
К рукам прилипающей,
Начинается в феврале,
До тепла еще.

Черствый ломоть земли
Просят руки,
Стосковавшись зимой,
Как в разлуке.

Принесу. Отдышу. Отогрею.
Что-нибудь на окошке посею.

* * *

Жизнь очистить бы от шелухи,
Отбелить день вчерашний.
За какие страдаю грехи?
Если пишутся кровью стихи —
Страшно.

* * *

Береженого Бог бережет,
Знают все наперед.

А меня не хотели беречь,
Не подсаживали на печь.

Ни к кому не просаясь на постой,
Прожила со своей маетой.

Лютый холод калил и огонь,
Не сгибалась в мозолях ладонь.

Ни вода, ни беда не взяла!
И тонула — река убыла.

Заблудилась — да лес поредел,
И упала — да конь не задел.

В светлом дне и лихом пожила —
Да не сгинула. Крепкой была.

А теперь — не возьмет и картечь.
Меня некому было беречь.

Матвяна Икозеличева

* * *

Нет ничего дешевле хлеба.
Буханка — за три пятака.
Несу, размахивая сеткой,
Сама дивлюсь тому слегка:
Буханка — за три пятака!

А я-то в поле, словно клуша,
Тряслась над каждым колоском,
А я вымывала душу,
Грозила небу кулаком

И с трактористами ругалась,
С начальством чуть ли не дралась...
И снега раннего пугалась,
И совестью своей клялась.

А я уверовала крепко,
И вера та — в моей крови:
Нет ничего дороже хлеба,
Нет ничего дороже хлеба,
С заглавной буквы Хлеб зови!

* * *

Словно выспевший овес,
Дым ее седых волос.
Но зато ее ладони,
Словно хлеб ржаной,
Черны.
А живет —
В убогом доме:
Сына
С прошлой ждет войны.
Ей квартиру, как ведется,
Предложил колхоз родной.
Покачала головой:
— Вдруг сынок с войны
Вернется...
Пусть уж он придет
Домой!

* * *

Бог с тобой. Я все тебе простила.
И предательским не верю больше снам.
Ни о чем у жизни не просила.
Гордая — в себе отголосила,
Словно по покойнику, — по нам.

И на что далась мне эта гордость!
Счастье лучше, только — не видать.
Остается твой подарок — горечь
Никого и ничего не ждать.

Майяна Ихозенцева

* * *

Старую песню настырно веду:
В мире обманутых честными будем!
Пусть ты родился себе на беду.
Лишил бы не людям. Лишил бы — не людям.

* * *

Бабья участь. Злые судьбы.
Деревенский проклят рай.
День дожить бы, стиснув зубы, —
Не замай!

И слова, и руки грубы.
Чуть жива — из-под ружья.
Всем не милы и не любы
Алкоголики-мужья.

Через силу жизньдается,
И надсажена душа.
Не поется, не смеется —
Ша!

Что ни день — все счастье мимо.
Страшно. В пору волком выть!
Но потребность быть любимой
Больше, чем потребность жить.

* * *

Поседела голова...
Плачет память вместе с нами,
Словно белая сова
Над полярными снегами.

Осеняет мир крылом,
Кличет, ищет — не находит,
А под снегом, в дне былом,
Как подснежник, нежность всходит.

* * *

Свыше всяких сил единоборство!
И в себе по десять раз на дню,
Грешному началу не потворствуя,
Я жестоко женщину казню.

Ворожу, сама себе пророчица,
И, ночами мучаясь без сна,
Вру, что на Голгофу одиночества
Не тобой была возведена.

Матвяна Илодемцева

Не тобою предана, крещеная,
Роковой мой, страшный человек,
Вечная обида непрощенная,
Кара безысходная навек.

Бесконечной пыткой обессилена,
Мукой изошла живая плоть.
Но вдвоем еще невыносимее.
Пощади, Господь!

* * *

Плынут туманы над рекой,
Исходят ивы в воду плачом...
Не посягай на мой покой,
Он дорогой ценой оплачен.

Стараюсь улыбаться весело,
Душевной болью не давлюсь
И призрачное равновесие,
Как счастье, потерять боюсь.

Живу неправильно, наверное,
У одиночества в раю,
С улыбкой хрупкою и нервною
Пугливо на заре встаю.

Мне предсказали — перемелется,
Все станет доброю мукой.
Вчера остановилась мельница,
Но ива плачет над рекой.

Земля — как странно! — все же вертится
В молчанье лопнувшей струны.
А мне еще так трудно верится
В необратимость тишины.

* * *

Ты будешь одинок, пока меня не встретишь,
Покуда не прозреешь, не поймешь:
Других похожих нет. И что на этом свете
Есть я одна. Все остальное — ложь.

Пока душа не стала пепелищем,
Измученного придержи коня.
Ты будешь одинок, пока напрасно ищешь
В других — меня.

Анатолий Беляев

Анатолий Васильевич Беляев родился в 1936 году в деревне Ко-черемове Антроповского района Костромской (тогда еще Ярославской) области. Работал в г.Ленинграде монтером на телефонной станции, трактористом и комбайнером на целинных землях Северного Казахстана, служил в армии, более тридцати лет проработал в редакциях районных и областных газет. Автор многих книг, публикаций в коллективных сборниках, альманахах и периодической печати. Член Союза писателей России. Живет и работает в Костроме.

* * *

Воздух пахнет тревожно и шало
Чем-то свежим, веселым таким:
Талым снегом,
Корой краснотала,
Первой зеленью,
Брагой реки.

И пьянят он меня,
И врачует,
Этот воздух апрельский сквозной,
И смеюсь я,
И знать не хочу я,
Что когда-нибудь будет со мной.

* * *

The air has a disturbing, a crazy smell,
kind of fresh, cheerful:
like melted snow,
the bark of pussy willow,
the first green,
the home brew foam on the river.

It makes me drunk
and heals me,
this April breeze blowing through,
and I laugh.
And I don't want to know
what the future will bring.

«НА РОДИНЕ ДАЖЕ КРАПИВА ДОБРЕЕ ПОКАЖЕТСЯ ВАМ...»

еожиданно? Так и должно быть у настоящего поэта. Для меня бесспорно, что Анатолий Беляев из их числа. Многие годы мы с ним выступали «в одной упряжке», то в городе, то в районах области. Не десятки, может, и сотни раз слышала я «Балладу о вышке», «Балладу о грибах», «Первую любовь», стихи о родной деревушке Кочеремове, о невзгодах любви, о юной солдатской вдове, о старушечих приметах... не перечислить всего. И ведь не надоело слушать! Почему?

Сам поэт сказал в стихах, опубликованных в 1974 году в журнале «Север»: «Не напролом — сторонкою, как ручей в лесу, слово свое негромкое людям несу. Будет оно услышано, жизнь-то все сложней. Слово теперь — чем тише оно, тем слыщней».

А оно вовсе не так уж тихо — слово поэта Анатолия Беляева. И не однозначно. Как в любом творчестве, в нем отразилась простая жизнь, выпавшая на долю поколения тридцатых.

Многое повидал и пережил, прежде чем родилась в 1963 году первая его книжка «Черемуховый край». Книжка — объяснение в любви родной земле. В ней много подлинного лиризма, а могло бы быть и больше, если бы время не требовало иных песен.

Поэтому и начнет поэт оправдываться (как странно сегодняшним молодым это слышать, но — было!): «Меня за приземленность упрекают, и впрямь пока я в космос не спешу. Я землю обрабатывал руками, вот этими, которыми пишу».

Но ценой двух-трех заказных стихов Анатолию Беляеву удавалось дать жизнь таким действительно настоящим вещам, как «Баллада о вышке» — о невидимом миру подвиге мальчишки, или «В деревне сплетни так крылаты...», глубоко лиричном, «Застенчивость», «Невезение», раздумчивым «Приметам».

Не забуду разговор с Игорем Дедковым о творчестве Анатолия Беляева перед одним из совещаний молодых литераторов. Очень яркая формулировка запомнилась:

«Одного шага Толе не хватает для того, чтобы вступить в большую поэзию. Не дает его сделать районная газета...» Так оно и было. И не с ним один. Работа в «районке» смешает угол зрения, помимо того, что требует огромной напрасной траты сил. Но ведь никто ни прежде, ни теперь не обеспечивает поэта куском хлеба... А если еще семья, дети, куда денешься?

Путь Анатолия Беляева и тут — в русле поколения. Кто знает, сколькох вечных поэтических строк лишили его и нас живущие один день газетные страницы...

Сегодня пришел рубеж — шестидесятилетие. Еще не страшный, не последний, а мудрый, сулящий много новых поэтических свершений. И не столь для юбиляра огорчительный: сделано все-таки достаточно, чтобы заявить о себе как о поэте всерьез и надолго.

Шесть поэтических сборников, публикации в журналах «Смена», «Север», «Советский воин», «Наш современник», «Губернский дом», в коллективных сборниках Верхне-Волжского издательства. И те самые десятки выступлений, когда живое слово поэта западало в души простых людей, может быть, навсегда.

Ольга ГУССАКОВСКАЯ

Анатолий Беляев

БАЛЛАДА ОБ ОТПУСКЕ

1

Я — в отпуске. Июнь. Река Ветлуга.
Рыбацкий домик. Ночь. Костер. И всплески.
И комары. И видно, как над лугом
Растет туман, вползая в перелески.

Сижу на пне и жду, когда сойдутся
Заря с зарей, и нет мне больше дела
Ни до того, что деньги не ведутся,
Ни до того, что груб мой завотделом.

Вот дрогорел сушняк. Встаю, ломаю
Ольшаник и осинник о колено, —
И вновь костер пылает, отдавая
Тепло и свет и мне, и всей Вселенной.

Он щедр, костер мой, как стихотворенье
Большого, настоящего поэта,
Где бьется мысль в предчувствии прозренья,
Как бьется пламя из-под черных веток.

Гори, огонь, сжигай мои обиды,
Ведь я придавлен ими, как горою!
И он — горит! Я так и не увидел,
Когда ж они сошлись, заря с зарею?

2

Еще рассвет, как говорят, чуть брезжит:
Слегка светлеет небо на востоке,
Туман над лугом стал как будто реже,
Да щуки чаще плещутся в осоке.

Но я встаю, и с удочкой спускаюсь
По тропке, через заросли крапивы,
К реке, и чуть не вплавь перебираюсь
На островок, под ветви старой ивы.

Так тихо здесь, таинственно и грустно,
Так в прошлом все, так манит и тревожит,
Так пахнет давней карамзинской Русью,
Что так и выдыхается: «О боже!»

Здесь осознаешь вечность каждым нервом,
Двадцатый век сюда как и не прибыл,
И нет еще в помине браконьеров,
А просто дед сетями ловит рыбу.

- Здорово, дед!
- Здорово, коль не шутишь.
- Ну, как улов?
- Не жалуюсь, спасибо.
- Помочь тебе?
- А ты откудов будешь?
- Откуда ж быть, — конечно, из России...

3

Какое счастье — взять и заблудиться
В родных просторах в середине лета,
Как в сладкий сон иль в сказку погрузиться
В голубоватый влажный сумрак леса!

И, позабыв про все свои тревоги,
Долги, заботы, город полоротый,
Бродить по мхам, по травам без дороги,
Наедине с собою и с природой.

Кричу: «Ау-у-у!» — но не ищу совета,
Куда идти, а просто проверяю,
Один ли я, и — чудо! — нет ответа.
Лишь эхо трижды крик мой повторяет.

Здесь шум — не враг.

Ликуйте, пойте, птахи!
Трещи, валежник! Листва, шелестите!
Залетный ветер, рви с берез рубахи!
Товарищ Лес, пожалуйста, шумите!

Здесь все давно изученное — тайны,
На все гляжу, как в детстве, рот разинув.
В лесу, в глухи — и на вот! — телетайпы...
Ах нет, ведь это ж дятлы на осинах!

Здесь, глядя вверх, глаза не отвожу я,
Встречаясь ими с солнцем раскаленным, —
Иль солнце за зеленым абажуром,
Иль все деревья в пламени зеленом?

Здесь пахнет земляникой и грибами,
Фиалками и терпкою смолою...
И хочется припасть к земле губами,
И — в первый раз! — не страшно стать землею.

ИЮЛЬСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Звон и гуд на лугу такой
В этот душный июльский полдень,
Будто улей ношу с собой, —
Взял вот улей, встряхнул и поднял.

Столько всяческой мошки
Населяет траву и воздух:
Мухи, бабочки, комары...
А кузнецов! А стрекоз-то!

Осы подняли вдруг содом,
Я для них — супостат и ворог:
Я случайно задел их дом,
А кому же свой дом не дорог?

Анатолий Беляев

Ну и жгутся! Спасенья нет!
И одно остается средство,
Недостойное зрелых лет, —
Обратиться немедля в бегство.

Я бегу и смеюсь: беда!
Да отстаньте ж вы, божьи твари!
Сенокос, а у трав — страда,
А у трав — самосев в разгаре.

И не только у трав. Спешит
Все живое оставить след свой.
Муравейник кишмя кишит —
Целый кладезь причин и следствий.

Белый гриб — он уже не мой,
В нем хозяева понадежней...
Шмель тяжелый жужжит:
«Д-д-дом-м-м-ой-й!»,
Впрок провизией нагруженный.

О звенящий, поющий мир,
Я сегодня, как ты, в ударе:
Если жизнь моя — только миг,
И за это я благодарен!

* * *

Ранняя осень. Светлая грусть.
Листья берез позолотой расцвечены.
В отпуск!
В деревню!
Сегодня же вечером!
Завтра же — в лес по грибы соберусь!

И ошелев: тишина-то — немыслимо! —
И от забот, от тревог отрещась,
Буду шуршать облетевшими листьями,
Белым летящим туманом дышать.

А запою, засмеюсь иль заплачу я —
Это, товарищи, дело мое,
Мне уже поздно переиначивать
Чувства свои и свое бытие.

Осень... Пока еще только касание,
Легкий, едва уловимый намек.
Светлая-светлая,
Ранняя-ранняя,
Не заболел, а слегка занемог.

Все еще будет, во все еще верится,
И ни к чему не пропал интерес...
Ветер качнул одинокое деревце,
Так помоги ему выстоять, лес.

БЕССОННИЦА

— Что с тобой? Ты какой-то чужой.
И все куришь, и куришь, и куришь.
Заболел иль о чем-то тоскуешь?
— Заболел, — отвечаю, — душой.

Впрочем, нет. Не сердись на меня,
Это просто погода такая,
Это стекла от ветра звенят,
Это дождик по стеклам стекает.

— Ты пугаешь меня. Не тай,
Что стряслось? Кто тебя разобидел?
Или сон нехороший увидел —
Так разделим его на двоих...

— Успокойся и выключи свет,
Ничего-то со мной не случится,
Просто мне почему-то не спится,
А бессонница с грустью в родстве.

* * *

Вконец невезеньем измаянний,
Дошел я до мысли такой,
Что я не великий, а маленький,
Ну самый как есть рядовой.

Что зря мне мерещатся подвиги
И слава не дружит со мной,
А та, что идет со мной под руку,
Не стала счастливой женой.

СТАРЫЕ ВЕЩИ

О, эти старые предметы
Печать особую несут!
Подсвечник, стертые монеты,
Разбитый гляняный сосуд.

Вот эти книги и иконы,
И этот, меченный огнем,
Красноармейский шлем суконный
С двумя отверстиями в нем.

Каток с вальком, резная прядлка,
Без ручки ржавый кочедык...
Их просто бросили — не жалко,
Но что за мир из них возник!

Все эти вещи — с подоплекой,
Ты только мостик перекинь,
И ощутишь тепло далекой,
Давно исчезнувшей руки.

Анатолий Беляев

И осознаешь, что твоя она,
Седая эта старина,
Что в целом мире постоянна
Лишь переменчивость одна.

* * *

Ну что из того, что метель атаманит,
Закрою глаза и верну
Ромашковый луг и речные туманы,
И даже тропинку во льну.

По ней, по умятой, пойду, и, уверен,
Откроется вскорости мне
Зеленый, цветущий, спасительный берег,
Тот берег, что снится во сне.

Над глинистой кручей, под старою ивой,
Я брошусь в траву-мураву,
И верю, что встану счастливый-счастливый,
Оттаю душой, оживу.

Потом я умоюсь живою водою,
Кувшинок нарву золотых,
Тебя позову, и окажемся двое
Моложе любых молодых.

Под вечер заря заалеет вполнеба,
Оденет туман полземли...
А вы говорите, на родине не был,
Метели меня замели.

* * *

Живу, заботами измаянныи,
Разочарованный во всем,
До унизительного маленький
В огромном городе своем.

Как муху липкой паутиной,
Как полоненного враги,
Меня опутали
Противные
Разнообразные долги.

И все не клеится, не ладится:
Стихи, работа, быт, любовь.
И становлюсь я все покладистей,
Переставая быть собой.

Я даже грубость молча слушаю
И улыбаюсь подлецам.
И что мне чье-то равнодушие,
Когда я равнодушен сам?

Анатолий Беляев

Порой от горечи не выдохнуть,
Так все устроено хитро,
И убеждаешься: нет выхода,
А выход — рядом, как в метро.

* * *

Опять я у детства в плену,
В гостях у берез и черемух,
Бегу по цветущему льну
Купаться на мельничный омут.

Слежу за рассветным лучом,
Блаженствуя на сеновале,
И долго сижу за столом
Под музыку самовара.

Весь вечер, всю ночь до утра
Беседую с мамой моей.
О как моя мама мудра
И как она слушать умеет!

Как маленький, к маме прильну
В ее небогатых хоромах...
Опять я у детства в плену,
В гостях у берез и черемух.

БАЛЛАДА О ВЫШКЕ

Вот так и вижу подельскую вышку,
Что, чуть живая, упиралась в небо!

Я расскажу сегодня про мальчишку,
Про эту вышку
И про ломтик хлеба.

Неподалеку от деревни Подель
За глинистым разбитым большаком
Она стояла, эта вышка, в поле,
Заросшем молодым березняком.

Шесть этажей,
Шесть длинных тонких лестниц,
Посмотришь вверх — заходится душа...

С нее в жару осматривали местность
Пожарники, взволнованно дыша.

Им, взрослым людям, жуткою казалась
Нетвердая сквозная высота.

А вышка все качалась и качалась,
Грозя досрочно смену снять с поста.

С годами эта вышка обветшала
И стала непригодною совсем,

Анатолий Беляев

И только ветер,
только ветер шалый
Меж верхними ступеньками свистел.

Да мы, десятилетние мальчишки,
Чтоб трусами никто не называл,
Взбирались на этаж,
на два...
Но слишком,

Ну просто слишком ветер завывал.

И руки деревянными казались,
К трухлявым перекладинам пристыв...

А вышка все качалась и качалась,
Дразня нас обещаньем высоты.

Но был средь нас мальчишка,
Мой погодок.
Его из Ленинграда привезли.
Он чудом перенес блокадный голод
И цвет лица имел серей земли.

Все на него глядели с явной болью:
Видать, на этом свете не жилец.
Но... редко угощали хлебом-солью,
Ведь это потруднее, чем жалеть.

И все-таки мальчишка поправлялся!
А тут — весна: и щавель, и пестры.
И мир, что с каждым утром обновлялся,
Он тоже был с мальчишкою на «ты».

И тоже делал все, что было в силах:
Смеялся,
цвел,
звенел
и зеленел,
Чтоб наконец мальчишка этот хилый
Хотя бы тягу к жизни заимел.

О тяга к жизни!
Самый лучший лекарь!
Нет никого и ничего сильней!
Она — была!
И в середине лета
Мы все узнали с трепетом о ней.

А было так.
За подельскую вышку
Мы за грибами в лес однажды шли,
Впервые взяв с собой того мальчишку,
Что цвет лица имел серей земли.

Анатолий Беляев

Мы все его, конечно, ревновали
К блокаде,
К Ленинграду
И к войне.

«Эх, нам бы — там,
Уж мы б повоевали!
Уж мы-то б не остались в стороне!»

И мы пред ним отчаянно храбрились,
И чтобы храбрость доказать ему,
У вышки подельской остановились
И стали залезать по одному.

Один этаж...
Второй...

Нам до зарезу
Хотелось, чтоб сказал он:
— Это — да!

А он сказал:
— Поспорим? Я залезу
На самый верх!
И показал:
— Туда!

— Залезешь? Ты? —
И мы захохотали.
— Да ты залезь хотя бы на этаж!
Храбрец какой!
Подумаешь!
Видали
Таких!
— Залезу!
— Лезь!
— А... хлеба... дашь?

О хлеб тех лет!
Нагольная полова:
По цвету — торф, по вкусу — комбикорм,
Что задают колхозники коровам,
Не очень-то придерживаясь норм.

А нам тогда такого хлеба вдоволь —
И жизнь была б не жизнь, а прямо рай...

Мальчишка ждал,
За хлеб на все готовый.
И самый старший крикнул:
— Забирай!

И протянул
К усок ржаного хлеба.

Анатолий Беляев

Такого настоящего, что мы,
На хлеб взглянув, поглядывали в небо
Глазами откровенных горемык.

— Ну, лезь, хвастун! —
Подсмеивался старший. —
Не думаю, что ты настолько смел...

Нам стало страшно,
Стало очень страшно:
— Не надо хорохориться, не смей!

Но он полез,
Ступенька за ступенькой.
Не глядя вниз, а лишь перед собой.

И все березки смолкли в изумленье
Перед лицом решимости такой.
Один этаж... Второй... Четвертый... Пятый...

И вдруг остановился и, дрожа,
Сказал, нет — крикнул в ужасе:
«Ребята!
Ступеньки нет!...»

Всего пол-этажа
Осталось до последней до площадки
И все: победа —
хлеб... такой кусок!

Но мы — молчали...

И тогда по шаткой,
По боковой из лестничных досок,
Как по столбу,
Как по шесту,
Пополз он,
Кепченку сбросив с головы рукой...

И ветер вой свой отложил на после
Перед лицом решимости такой...

Мальчишка полз.
Он снова на ступеньках.
Он лезет вверх.
Он вовсе не хвастун.
Он, как солдат на фронте, в наступленье,
Умрет, но одолеет высоту.

— Ур-ра! Ур-ра-а! — кричит вверху мальчишка,
Шумит внизу, ликуя, березняк,
А он срывает рваный пиджачишко
И поднимает над собой, как флаг.

Владимир Максимов

Владимир Иванович Максимов родился в 1936 году в г. Сызрани Куйбышевской, ныне Самарской, области. Окончил филологический факультет Пензенского педагогического института. Автор шести сборников стихотворений, изданных в разное время в Пензе и Ярославле. Его стихи публиковались в коллективных сборниках, альманахах, журналах «Нева», «Волга», «Аврора», «Дружба». Член Союза писателей России. Живет в Костроме.

НЕМЕЦ

Был у меня знакомый среди пленных,
Показывавший мне средь тишины
Открытки с видом города на Рейне,
Не знавшего всех ужасов войны.
И сыновей, как мы, русоволосых,
И вроде бы красивую жену...
На костерке варил тот немец просо,
Которого не видел я в войну.
Она недавно только отгрелася —
Неслыянной жестокости пурга,
Ее следы...
Но вот какое дело:
Не чувствовал я в пленнике врага.
Но знал уже:
С чего бы это ради
Быть как они?..
И вижу сквозь года,
Как варит кащу немец в Сталинграде
И, закипая, булькает вода...

THE GERMAN

I had an acquaintance among some prisoners of war,
who showed me, when it was quiet,
some postcards with a view of a city on the Rhine
which hadn't known all the horrors of war.
And some pictures of his sons, who had light brown hair
like we did, and a picture of his wife,

Владимир Максимов

who was rather beautiful.
On the campfire that German boiled millet
which I never had during the war.
It had only just begun to die down,
that blizzard of unheard of cruelty,
with its traces everywhere still...
But can you imagine?
I didn't feel like this prisoner was my enemy.
Yet I knew very well that I could never
behave like they had.
And I see through the years
that German boiling his kasha
in Stalingrad. I can still see
the water simmering and gurgling.

* * *

Немыслимый грохот. Развалины.
И ярость слепого огня.
Кричали солдаты:
«За Сталина!»
Но гибли они за меня.
И сколько же, сколько по свету
Таких безымянных лежит!..
А чем отплачу я за это:
Что чувствую, радуюсь — жив?..
Дорогой иду, иль полями,
Иль берегом тихой реки, —
Глядят на меня их глазами
С вопросом немым васильки...

ПРОВОДЫ

Он проводил меня поклоном,
Поклоном проводила мать,
И видел я, что за вагоном
Пытался мой отец бежать.

Махал,
как крыльями,
руками,
Но вот —
крылом одним —
за грудь!..
Зачем летим? Не знаем сами.
Куда летим? Куда-нибудь.

Но отзовется сердце стоном,
Когда за далью вспомню вдруг
Отца — вприпрыжку за вагоном —
И мой пронзительный испуг.

Владимир Максимов

* * *

Судит мальчик Льва Толстого,
Судит мальчик без улыбки,
И легко слетает слово
Про толстовские ошибки.

Все-то мальчику открыто,
Знает нужные слова
О романе, что не читан,
О больших ошибках Льва...

ТРЯПИЧНИК

Город был еще в дремоте душной.
На заре, на зорьке —
Поутру
Приезжал тряпичник добродушный,
Созывал на праздник детвору.
Тот тряпичник — узкоглазый дядя
С космами над загорелым лбом —
Гладил наши вихорки не глядя,
Хохотал:
«Шурум-бурум берем!»
И несли веселые мальчишки
Рваные галоши и тряпье
За свисток,
За тоненькие книжки
И за деревянное ружье.
Был свисток занятнее свирели,
И такой мы поднимали шум!..
Засыпая,
Слышал я в постели
Плеск воды на камушках —
Шурум...
И сейчас вот,
Словно бы подарком,
Памятью о радостном былом,
Он приснится так свежо и ярко
Со своим «шурум-бурум берем»,
Что хоть в пору снова за галоши,
Чтобы выменять на них свирель!
... Приезжал к нам человек хороший
Из далеких сказочных земель.

* * *

С утра просыпаюсь —
И скуча,
И вроде бы жизни не рад:
Ни внученьки нету, ни внука...
А чем я, ну чем виноват?
Как будто меня кто-то сглазил,
Удел мне такой, видно, дан:
На сыне кончаются связи
Когда-то поволжских крестьян.
Совсем не останется люда,
Порвется когда-нибудь нить,
И я на земле своей буду,
Как мамонт последний, трубить.

Владимир Максимов

* * *

Музыки тихой полный
Теплоход приближался к нам...
И вот уже звездные волны
Удалили по ногам.

А он —
Моей сказки город —
Растаял, как в сладком сне,
И был это миг,
Который
Всей жизни равен вполне.
Исчез теплоход,
И снова
Всемирный кругом покой,
И только месяц медовый
Над нами и над рекой.

ЛОДКА

В заулке безмолвно и кротко
У дряхлой избы за углом
Грустит позабытая лодка,
Темнея чешуйчатым дном.
Моторки взревели под вечер,
Зазывно всплеснула река, —
Покажется вдруг человечьей
Той старенькой лодки тоска.
Отплавала гордо и смело,
Но в памяти встанут светло
И парус, и девушка в белом,
И мальчик,
держащий весло.

* * *

Шла с авоськой впереди —
И не пава, и не дива,
Даже вовсе некрасива:
Краше этой — пруд пруди!

Ей навстречу — так себе,
Не молоденький, не старый...
Повстречались —
И в толпе
Кто-то ахнул тихо:
«Пара!»

Он потом авоську нес.
Что на сердце — в каждом жесте...
Некрасивы, если врозь,
До чего ж красивы вместе!

Владимир Максимов

* * *

Родился я в бревенчатой избе,
Где так светло смотрелись половицы,
Славянские мне улыбались лица
И пели птицы —
В печке и в трубе.

Кричали на салфетках петухи,
Взирали звери из посудной горки,
И сочиняли до утра стихи
Сверчки в углу
У древней переборки.

Моя изба — как маленькая Русь!
И ничего я больше не имею...
Все говорят, что жить я не умею,
Но горе мне,
Коль жить я научусь!

ОДНОКЛАССНИЦАМ

Кто целует ваши руки?
Чьи поют вам соловьи?
Незабытые подруги —
Одноклассницы мои!

По каким-то весям-градам
Разлетелись — ни следа.
Нам не встретиться, а надо!
Написать бы, но куда?

Жизнь ласкает? Иль сурова,
Может быть, к кому из вас?
... До чего ж волнует снова
Тот прощальный школьный вальс!

* * *

Ткнулась лодочка в песок —
Лодку чмокнул в нос мысок.
Солнце плавает в затоне,
Синий свет — вблизи, вдали...
В ржавой якорной ладони
Горсть отеческой земли.

Нина Снегова

Нина Васильевна Снегова родилась в 1933 году (г.Киров, ныне Вятка). Окончила Ленинградский техникум физкультуры и Московский Литературный институт им. Горького (1973г.). Работала в школе. Издано семь книг. Первая — в 1960 году. Член Союза писателей России. Живет в Костроме.

СПАСИБО МАСТЕРУ

Чем дальше отстает моя молодость, тем сильней бывает иногда желание созорничать, то есть настроиться и написать молодые стихи. Мне это удается (Водолею мечтательному — по европейскому гороскопу), удается не без рисовки (Петуху — по восточному гороскопу), и я рада случаю показать читателю одно из майских стихотворений:

Несу на весу
Синие сирени,
Трясу росу,
Плюю на невезение.
Брюки ношу,
Подобна палашу,
Уу-стра-шу!
Разрушу букет —
На в каждой руке.
Вальса со мной не хотите ли?..

Хочу — взлечу.
Взвинчусь на каблуке,
Ветры мои родители!
Взлетимте со мной,
Гусар молодой,
От кожи сбежите шагреневой,
Устроимте дождь,
Ну чем не хороши
Дождь из цветов сиреневых?!

Когда я пришла учиться в Литературный институт, имела уже двух дочерей и три сборничка стихов. Нет, книжками я не обольщалась и мучилась, — понятия не имея, из чего взялся стих Блока, Цветаевой, например. Что составляет их колдовскую силу?

В семинаре Валерия Дементьева (поэта, писателя, критика, ученого, к тому же — прошедшему фронты Великой Отечественной) нас было шестнадцать. На первом занятии попросил (красивый и суровый) прочесть по одному короткому стихотворению. Я прочла двенадцать строк. Он сказал, что стоящая — одна строка: «В одном дому — как в разных городах». А критерий успеха, как все это знают, — целое стихотворение.

Первой для меня задачей, поставленной мастером, было — расковаться ритмически, вырваться из канонической метрики стиха. «Монотонность нагоняет скучу», — сказал он.

Долгим был путь приобретения способности и права написать такое:

ПОСЛЕ ОПЕРЫ «ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА»

С рожденья жить заставят Меня на речке Стикс. Упрытаны туманами Луна и солнца диск. Здесь место отплывания В какой-то там Аид, Здесь плачут в расставании — К чему привык. А мне (само неведенье!) Оплакивать-то что,	Если лазать велено В игольное ушко?.. Исполнено задание, Теперь тихим-тиха. Внимаю предсказаниям Флейты. Без игрока. Его давненько сплавили, Именовался — Глюк. Меня — пока оставили. Дочувствовать испуг.
--	---

Шесть лет заочной учебы, экзаменов, творческих отчетов...
Марафон!

На четвертом курсе положено писать проект дипломной работы (то есть — составлять будущий сборник стихов). А я — маюсь, никак не пойму себя, комплексую. Что ни пишу — плохо!.. Полистал мастер мою рукопись да и говорит: «Пишите себя, свой портрет — и получится».

Дипломную оценили на «отлично». Вот начало одного из тех стихотворений:

До Тверского побреду от Руставели
Мимо жирных надоевших голубей,
Погрущу, что скоро так отпели
Соловьи для славных двух людей, —
И дойду до института.
В двадцать пять...

С тех пор живу вторую жизнь, второй срок. И в этой жизни постоянно и незримо присутствует мой проницательный учитель, мастер, который неисчислимом образом обреши своеобразие творческого лица.

Я ему посвящаю «Письмо»:

Но вот качнуло
в вашу сторону, —
И тут же в сердце
потеплело.
Делюсь печалью с вами
поровну.
Одну меня бы — одолела.
В моем тригоне вечно холодно,
В моем краю и солнце стылое...
Подольше улыбайтесь молодо,
Пусть окружают вас любимые, —
Мне это есть и будет дорого.
А я вам напишу, бравурная!
...Ладонь мою прочли хирологи.
В ней звезды. На холме Сатурна.

Нина СНЕГОВА

* * *

* * *

Задержись, мое лето,
Задержись!
Я только еще поняла
Жизнь,
Я только еще обрела
Слова,
Еще только поумнела
Моя голова.
Ты продлись, мое лето,
Лето, продлись!
Я еще не успела
Отпраздновать жизнь.
Я еще не успела
Горе избыть.
Да еще
Меня милый
Не успел отлюбить.

Stay a little longer, my summer.
Stay a little longer.
I just began to understand
Life.
I just began to find
the words I needed.
My head just began to grow wiser.
Summer, please extend your stay!
I still haven't managed
to celebrate Life.
I still haven't managed
to rid myself of grief.
And my darling still hasn't managed
to stop loving me.

О ВОЕННОМ ХЛЕБЕ

Пока не сгонит журавля
С гнезда родного осень-гостья,
Водили нас учителя
За город — собирать колосья.

И за пергамент впалых щек
Мы клали зернышки сухие,
Чтоб смочь хоть волоком мешок
Ташить для бедственной России.

Зато зимой, в очередях,
И с заводским, и с инвалидом
Стояли, глаз не отводя,
Как равные, с достойным видом.

Для нас, стянувших поясок,
Был смертный час врага бесспорен, —
Вот сколько значил колосок!
Твоя в пекарне горстка зерен!

* * *

Служу в конторе именитой,
Где нет в помине простоты.
И потому глядят сердито
В стакане дикие цветы.
Я их улыбкою согрею,
Чтоб потерпели до шести
И чтоб метелочка пырея
Могла доверчиво цветсти.

Нина Снегова

Тик-так, тик-так! Шуршат бумаги.
Тик-так, тик-так! Звенят звонки.
И словно крохотные флаги —
Ромашки, клевер, васильки.
Когда же времечко приспело
Ключи повесить на щиты, —
Запахли пряно, ошелело
В стакане дикие цветы.

* * *

Не я кричу. Сейчас кричу не я.
То чайки карбасы из моря выкликают.
Оборышей им рыбных накидают, —
И смолкнут чайки, голод утоля.

А мой последний крик неугасим,
Хоть слуха твоего и не коснется,
Луч заходящий северного солнца
Не выдержал его — и подкосил.

И голос мой — за овидью волны,
В беспамятстве морской бездонной глуби,
Он именем твоим живет, и губы
Необратимо им опалены.

О! В нем напев старинный затаен.
Оно блуждает вольно, без призора.
А я теперь не знаю разговора,
Теперь не знаю никаких имен.

И вот когда в урочный час уйду,
Куда не позвонишь и не напишешь,
Свое ты имя над землей услышишь, —
И память поведет на поводу.

ПРИЗНАНИЕ

Уже к мужчине страсти нет,
Не жалко мне отбывшего.
Сейчас я внове вижу свет
И пью вино — остывшее.
Уже не хочет горло петь,
Звать, проклинать, выслушивать, —
Все можно в жизни претерпеть,
Как январи трескучие.
Все могут будни отобрать —
Детей, богатство, дружество,
Но не устану повторять:
Не отдавайте мужества!

Нина Схеголова

* * *

Снежинка коротко искрится
Над крышей или над крыльцом...
Забыла я знакомых лица,
Лишь ваше помню я лицо.
Вы — вздох мой, вы — моя улыбка,
Но ваши сны не обо мне!
Как новогодняя открытка —
Сегодня зрешице в окне:
И белоснежно, и вечерне,
И фонари, тепло лучась,
Мне сообщают откровенно
С прошедшим будущего связь.
Мной вызнано мечты бесплодье,
Но между тем, ей вопреки,
Я загадаю в Новогодье
Дыханье ваше у щеки.
И если сбудется такое, —
Поверю шепотным словам:
Что это я являлась к вам,
Счастливо сон ваш беспокоя.

* * *

Дура — бабская молва!..
Однолетняя трава
Некрасивой не бывает.
Черт-те что язык болтает!
Постаревшей им кажусь...
Я в невесты не ряжусь!
Тем не менее, вселенной!
Не видать меня согбенной!
Даже шея-то не гнется —
Так меня любило солнце,
Впрок дыханья нанесли
Слуги-дождички мои!..
Вот без них бы — посерела.
Вот без них бы — захирела.
А при них-то —
Длится лето,
Лето красное мое!
Постарела... Вот вранье!
Не изыйду и слезой.
Безобразие какое...
В ведро-ведрышко сухое
Буду скошена косой!

Нина Схегова

СТИХОТВОРЕНИЕ

Я до сих пор ничейный берег,
На коем нечем поживиться...
И служит мне ночная птица,
Немного добывая денег
На хлеб. Она поет на тракте
Про то, что солнца не видала;
Что у меня плохой характер —
Всем ненароком проболтала.
Но то — души неложной возглас.
Ее ярмо — исповедальность...
Я тешу сумеречный возраст
И злюсь заранее на старость,
Ведь птица тоже поглупеет.
Обезголосит. Забормочет.
Кто мимо нас потом поедет,
Ее и слушать не захочет.

* * *

В лугу озябшем дремлет конь стреноженный, —
Мой милый до меня не доскакал!
А я-то, сновиденьем обнадежена,
Три дня не отходила от зеркал.

Отрежу кусу, кусу шелковистую,
Куплю для брюк вельвет недорогой
И стану по-мальчишечки насыщивать
И камушки подкидывать ногой.

Но торопись подтягивать подпруги
И не перечь теперь, не прекословь.
Я знаю, что меня никто не любит,
Но я вольна придумывать любовь.

* * *

Не осуждайте, люди, их,
Любовью заживо сожженных,
Да и меня — нас, отрешенных,
Прекрасно временно больных!

Как сквозь тумана пелену,
Всех невлюбленных огорчая,
Куда иду — не замечаю,
У сладких вымыслов в плену.

Реальных связей рвется нить, —
Так глохнут звонари от звона.
И, замерев у телефона,
Боюсь ползвука проронить!

Нина Схегова

* * *

М. Базанкову

Спите что? — надо ветры ночные смотреть!
В жмурки между домами гоняются слепо,
И шуршат, и свистят,
То зайдутся стонать и гудеть
У стены,
Что окно моей кельи зашорила слева:
Лбом ударились, виши...
Среди них нет калек.
Отряхнулись, а цинк подоконника — в звоне...

Ай пахнуло весной! Расползается снег.
Ай бубенчика знак на лесном перегоне!..

Расступись, обла-каа,
Горяча-синь нужна-аа! —
Небо — настежь. Покажут — и тут же захлопнут.

Но ведь едет Весна!..
Нын, ребята, война
Вспыхнет в чреслах дремотных — и всё тут!

В ПОЕЗДЕ МЕТРО

Ты с кем угодно, только не со мной.
Ты у окна, и взгляд блуждает пусто,
И все-таки — как никогда родной!
Река — и та свое меняет русло.

Сейчас закрыть бы в пору зеркала,
Часы остановить в глухом смиренье...
И девушка, вошедшая с сиренью,
В мое сиротство боли привнесла.

С восторгом юным — как себя связать,
Не осквернить чтоб?.. Дух сирени реет,
И чувствую, что на глазах старею,
А силюсь благодушье показать!

Я улыбаюсь девушке светло...
Ты у окна, далек благополучно...
И бесконечно долго и разлучно
Сиренью пахнет в поезде метро.

Нина Схегова

НОЧНОЙ ЭТЮД

У Одиночества в степи
Не одиноко одиноким...
Каким-то случаем жестоким
Ржавеет якорь на цепи.
И в темноте, как в простоте,
На днища карбасов понуро
Сидят скорбящие фигуры,
Не шелохнутся в темноте.
Как ртуть на бархате — луна.
Красивый лик ее зловещен.
Она глуха к страданьям женщин,
Чьих милых выкрадла волна.

* * *

Художнику А. Веприкову

Стою под кроною, в тени,
А между листьев, между листьев
Мои оставшиеся дни
Лучами считанно провисли.

И оттого, что их число
Так эримо, — на сердце щемяще.
Я знаю, с ними будет зло,
Но обязательно — и счастье.

На эти дни распределю
Благословенную работу —
Явление истинной заботы
Во имя всех, кого люблю.

* * *

Сама себя сослала в ссылку.
Живу в деревне Костроме
И собираю, как в копилку,
Любовь и ненависть ко мне.

Здесь забываю шум столичный,
Унесший молодость мою.
Я здесь не стала педантичней,
Когда поется — я пою.

Благословляю утра просинь,
Багряньство — к ночи переход!
Здесь светит Болдинская осень
Который год, который год...

Виктор Лапшин

Виктор Михайлович Лапшин родился в 1944 году в г. Галиче Костромской (тогда еще Ярославской) области. В 1961 году, окончив среднюю школу, поступил в Костромской педагогический институт, из которого после трехлетней армейской службы перевелся в Вологодский. Журналист, член Союза писателей России, автор многих книг, изданных в Москве, Ярославле, Костроме, журнальных и газетных публикаций. Занимался переводами дагестанских, абхазских, азербайджанских поэтов. Лауреат премии Тютчева. Живет в г. Галиче. Работает в газете «Галические известия».

«НО НИКОГО В БЕДЕ МЫ НЕ БРОСАЛИ...»

Виктор Лапшин, однажды смело и для кого-то «обвально» заявив о себе в столичных журналах, обратил на себя внимание исторической, «а вернее, мифологической глубиной стихов, написанных в форме народных баллад». Не потому ли при многих публикациях в периодике одна за другой выходили его книги в союзных издательствах? Не потому ли, представляя читающей публике нового поэта, критик Вадим Кожинов призывал господ снимать шляпы?

Подлинная поэзия не является в угоду какой-нибудь моде или временной политике. Виктор Лапшин относится к числу тех внутренне собранных, выдержаных по большому счету людей, которые здраво оценивают свои возможности, свое время и потому знают: «нет чувства выше, чем тоска по Родине своей» (Леонид Попов), знают, что не стоит тратить жизнь на улаживание собственного душевного комфорта, благополучия и на улаживание мелких завистнических дряг незначительных людей. Он как бы уходит в спасительное, найденное тревожной думой-далью, уединение от околовлитературных споров. Это по внешнему поведению. Но живет в постоянной тревоге за людей, за природу, за общее бытие. Такая тревога и определяет тональность книг, поэтическое мировосприятие. Голос питается от многовековой стихии русского слова и потому звучит выражением «всенародной нравственной высоты».

Его стихи, как говорится в одной из аннотаций, трудно назвать просто лирическими, — они скорее мировоззренческие, философские, мифологические. «Главное в них — глубокая, подчас угрюю- мая, но неожиданно и сильно проявившаяся мысль, богатство

содержания и завидное бесстрашие исследования жизни» («Советский писатель», 1989 г.). Труден его личный жизненный опыт, но нелегкий груз печали и раздумий он поворачивает в сторону добра и красоты.

Книги Виктора Лапшина «Желание», «Мир нетленный», «Думадаль» и другие содержат такие стихотворения, которые близки лучшим образцам гражданской лирики. Однажды я уже говорил о том, что «Думадаль» ведет читателей в осмысление народной нравственности, к пониманию причин духовного обнинцания. В напряженности, недосказанности этой поэзии таится загадка, которую каждый волен в силу своих возможностей отгадывать сегодня или завтра, нынче или когда-нибудь позднее. Одни пойдут дальше думы, другие — поиском любви и верности, третья остановятся, чтобы понять собственное самочувствие в соприкосновении с другими судьбами, а кто-то и отмахнется, не принимая такой способ поэтического исследования жизни и выражения чувств, усомнится в утверждениях, не примет жесткой категоричности некоторых стихов. Поэт это предвидит, зная, что «обнаженность нерва» и «гордая державность» («Так будет») ныне не услаждают слух имеющих иные нравственные ориентиры. Но решительно идет он на трудный диалог, стремясь сочувственно и строго понять каждого собеседника. Кто как, а он живет без маски. В этом убеждает новая небольшая книга избранных стихов под названием «Кольцо».

Развивая свои темы, автор находит новые образы, лучи его творог «за всех и ради всех» охватывают все более широкое пространство. Многовековая стихия русского слова, из которой произрастает поэтическое самовыражение, чувствуется прочной основой самобытной поэзии — любовной, философской и гражданской лирики. Все направления плодотворны. Такая поэзия не умирает, не может прийти в упадок, она способна спасать национальные ценности действием на каждую конкретную душу. А сама вынуждена спасаться в выходящих небольшими тиражами изданиях.

Виктор Лапшин стал известным российским поэтом. Многие публикации в журналах, книга за книгой, выходящие в столичных издательствах, и заинтересованные отзывы критиков — все свидетельствует о том, что в русской поэзии своевременно и значительно явился философско-исповедальный лирик. Работа поэта, живущего в Галиче, отличается многожанровостью и разнообразием тематики. Талант его оценили еще в начале пути Игорь Дедков, Вадим Кожинов, Юрий Кузнецов и другие мастера слова.

Михаил БАЗАНКОВ

Виктор Лапшин

В САДУ

Ни встреч, ни свиданий не надо:
Вернет лишь разлука домой.
Душа опустевшего сада
Не властна уже надо мной.

Довольно случайного взгляда
На чахлый кустарник сквозной.
Надежнее тайна разлада
Доверчивой страсти шальной.

Одна нищета не обманет, —
Что нищему духом мечта?
Не даль необъятная тянет —
Затягивает пустота.

IN THE GARDEN

I don't need to see you any more.
Only after a long separation will I come home.
The soul of this neglected garden
no longer needs me.
All it takes is a casual glance
at the stunted shrubs.
Secret disorder is more reliable
than a credulous, crazy passion.
Poverty alone doesn't deceive.
What good is a dream for the poor in spirit?
Escaping far, far away isn't attractive.
Emptiness drags you down.

ПРОЩАНИЕ

Взойду на мерзлое крыльцо, —
Тесина ухнет, пес взорвется,
Само нырнет в ладонь кольцо,
Сама калитка распахнется.
И Карпич выйдет, свет зажжет.
«Ата-та-та! В такую пору!»
Загонит в избу, поднесет
Томленой бражки «grenaderу».
«А выпить кой-чего не хошь?
И ладно: мы ее не гоним...
Ты, матка, спать его уложь
Да приукрой моим нагольным.
Как — «на минутку, по пути»?..
Который год уже не бывый!
У нас вот время — все в горсты,
А у тебя ... Ожечь крапивой!..

Ага, увидимся, ага!
Могилу, может, и укажут...

Виктор Лапшин

Дай на дорогу-то, карга,
А меду сам небось намажет!..
Ну, деду передай поклон,
Недолго ждать осталось встречи...»

И потрясет меня за плечи,
И оттолкнет, и крякнет он.

В глухое поле я уйду
И не посмею оглянуться
На то окно, на ту звезду,
К которой больше не вернусь.

* * *

О, если смутная година
Тебя лишит жены и сына
И под землею скроет мать,
Друг нечестиво отречется,
Душа от муки надорвется,
И время устремится вспять,
И дело, что милее жизни,
Ты заподозришь в дешевизне, —
Отчаиваться не спеши;
На всепобедную природу
Не уповай: тебе в угоду
Не воскресит она души.

Одна на свете нам отрада,
За все страдания награда:
Немедля в путь себя готовь,
Да осенит твой дух смятенный
На Красной площади священной
Державы вечная любовь.

* * *

Боготворю родное слово,
Но ведь еще, опричь родного,
Есть труженики-языки;
И в них достойно мир вместился,
Повсюду ум раскрепостился,
Везде живут не дураки...

По-разному одно и то же
Назвали мы, и нет дороже
Рожденных прашуром имен,
Но он-то, рассуди толково,
Не обладая словом, — слово
Ведь создал, без ума умен!..

Виктор Лапшин

ВРАГУ

Уж лучше предсмертную муку
Хотя бы на время стяжать,
Чем в силу приличия жать
Тебе с содроганием руку!

Всего-то пустячная ложь,
Незначащее движенье, —
А будто друзей предаешь
Или признаешь пораженье...

Себя и обычай кляня,
Тебя ненавижу всей кровью, —
Что ненавистью, не любовью,
Ты жить вынуждаешь меня.

Любовью, завещанной нам,
Спасительной славы сынам,
И ради которой врагу
Руки не подать не могу.

БЕССОННИЦА

Утро ветреное, черное,
Дождевой струи длинней,
Верченое и крученое,
Вечера не мудреней.

Да и где ж ума набраться:
Мудрость — та же суeta,
Если все мое богатство —
Ветер, дождь и темнота...

* * *

Какой тебе надо свободы?
Неволя твоя — от любви.
И дикие вешние воды
Лелеют пределы свои.

Заладил в отчаянной злости:
«Я сам по себе! Я ничей!»
Изнылися древние кости
В могилах от этих речей.

Все ж рвенье твое неподсудно:
Слова — что следы на песке,
Пока на родном языке
Кощунствуешь ты безрассудно.

Виктор Лапинич

* * *

Что в человеке человечно?
Что в нас — от вещей Глубины?
Чтоб совершенствоваться вечно,
Мы быть ущербными должны?
Должны — кому? Сама природа
Жить распрыми обречена:
Равны пред мерою исхода
И человек, и Глубина...

НЕСЧАСТНЫЙ

Ну, скажи мне, как тебя любить? —
Ежели тебе никто не нужен!..
Даже и того, с кем кровно дружен,
Ничего не стоит оскорбить!

Не скажу, что нет в тебе стыда:
Ты себя отнюдь не уважаешь;
Неужели всех ты обижашь,
Чтобы совесть чувствовать всегда?..

ЖЕЛАНИЕ

Алевтине

Без искания, без искуса
Как в глаза тебе взглянуть,
Словом только душу высказать —
На твою не посягнуть?

Как бы руку взять покорную —
И жалеть, не вожделеть,
Чтобы страсть мою упорную
Нежностью преодолеть?

Как бы в памяти — ни помыслом,
Ни видением — во сне,
Ни касанием, ни голосом
Не владеть тобою мне?

Как бы волею ревнивою
Образ твой не исказить:
Истинную и счастливую —
Не себя в тебе любить?

РАЗЛАД

Встревожу безликий камень,
Глухое огня жилье, —
И вздрогнет он под руками,
И явит лицо свое.

Как сон, в нем клубиться будет
Минувшее тяжело,
Но пламени не разбудит
Ладоней моих тепло.

Не жди между нами лада:
Безгласен я, он же — нем.
...Кому ничего не надо,
Тот обладает всем.

КОЛЬЦО

Я дверь замкнул и безучастно
В глухой колодец бросил ключ.
И на руке — призывно, властно
Кольцо зажег прощальный луч.
Я снял кольцо, и покатилось
Оно по тропке огоньком.
Мгла перед нами расступилась,
Но поглотила отчий дом.
Я за кольцом ступал проворно.
Просилась песня с языка.
Дорога — во весь мир просторна.
Ни рытвины, ни бугорка.
Я долго шел, легко и смело, —
И мрак не смыл мое лицо.
Уж ночь великая светлела,
И меркло дивное кольцо.
Вот на пустынном на распутье
Оно в пыли изнемогло,
Растаяло, в нагие прутья
Ракитника — дымком ушло...
Что ж вижу я? Мой дом родимый
В руинах... пепел на дворе...
Кругом бурьян непроходимый...
Скелет собачий в конуре...
О, что со мной! Никто не слышит,
На зов, на стон не поспешит;
Один колодец жизнью дышит
И влагу вечную хранит.

НАВАЖДЕНИЕ

Он пил одиноко в ночи
И песню тянул о рябине.
Возились над крышей грачи,
И капли окошко рябили.
А мышь заскреблася в углу,
Белье встрепенулось в корыте, —
И он постучал по столу,
И обмер, и вскрикнул: «Войдите!»
И сдвинулся с лязгом засов,
И дверь и пошла, и завыла.
Ударил огонь из часов,
И стрелка навеки застыла.
Бежать он пустился к реке,
От ливня туманной и шумной.
Пустая бутылка в руке
Ревела трубою безумной.
Швырнул ее волны: «Плыви!
Тебе я письмо доверяю.
Пусть гибнет весь мир без любви,
А я от любви умираю!»
По берегу тенью снует,
Не слыша насмешек и глума;
Не спит, и не ест, и не пьет,
И ждет почтальона утромо.
Вокруг дома его уж давно
Распаханы тропы-дороги...
И вечно метаться в тревоге
Ему суждено.

КАДЬ

В саду, под стрехой, у кошачьего лаза,
Вдали от хозяйствского зоркого глаза, —
Дубовая кадь, дождевик-выпивоха,
Прабабки моей ли, царя ли Гороха...
В ней — радость моя — головастики жили,
И кадью, как Миром, они дорожили.
Я венскою сдобы, голодный, кормил их —
Уродцев моих, запятунчиков милых;
Лягушку спускал — чтобы нянькой сиротам...
Капуста — лавиной к осенним воротам!
И — слово отцово: «Посуда в порядке!»
Он выхлестнул снульную воду из кадки.
Пыхтел можжевел, изнуренный укропом,
И выли бульги под лисьим салопом,
Кочан рассыпался со скрипом и с хрустом...
О ранняя осень на Севере русском!..

ВАСИЛИСА

— Не кручинься, брат, веселися!
Что за чучело там пришло?

— То Премудрая Василиса
К нам пожаловала в село.

— Ты рехнулся или с похмелья?
Дура нищая, страх взглянуть!
Нам испортит она веселье,
Еще слазит кого-нибудь!

— Да, безумна она, бездольна,
Но ее не коснется глум:
Было матушке нашей вольно
Раздарить свой великий ум.

Всю-то Русь исходила дева, —
Каждый, кажется, стал умней.
Будем жить без вражды и гнева —
Ум сторицей вернется к ней.

И душа-то ее воспрянет
И наделит такой красотой
Всех на свете, что стыдно станет
Злобной Смерти махать косой!

В НЕТЯХ

Иссякло все, изнемогло,
Истлеть, рассеяться готово:
Мы поздно вспомянули Слово,
Над нами властвует Число.

Нам нечем радостно владеть,
Блуждает ненависть по нетям,
И стыдно, больно нам глядеть
В глаза и прашурам, и детям.

В хмелю избудем стыд и боль,
Ни шагу к солнцу из шалмана!
О перекатная ты голль!
О век Великого Обмана!

Иссякло все, изнемогло,
Истлеть, рассеяться готово,
И мы спешим принять Число
За искупительное Слово.

Виктор Панах

СТАРЕЦ

Когда услышал спозаранку
Собачьей свадьбы перебранку,
Я хмуро выглянул в окно:
Внизу, в сквозной кленовой кроне,
Старик в рыбацком балахоне
Мелькнул, как зыбкое пятно.

На нашей улице нагорной
Весь день — медлительной, упорной
Стопою гравий он топтал,
Дворы оглядывая щурко,
И загогулину окурка
Губами синими катал.

Иная бабка робким зовом
Окликнет: «Дедушка, кого вам?»
Протянет странник: «Никого».
Сверкнет очками золотыми,
И вдруг просторами пустыми
Как бы повеет от него...

Тревожен голос уличкома:
«Народу личность незнакома,
Уж я-то знаю наш народ!»
Соседка, краля-ангелица,
Чаечку вынесла напиться, —
Смеется старец, не берет.

«Иди тогда — гуляй в овраге!
Не стыдно блондиться, бродяге!»
О свет вечерний! На заре
Под бузиной на пустыре
Сидит старинушка, бормочет...
Кузнечик свиристит-стрекочет,
И молчаливо лебеда
Кольшется толпой живою,
И над поникшей головою
Пылает древняя звезда.

БЕЗ СВЕТА

За окнами темно и глухо,
И сам собою пол скрипит;
Теребит кролика старуха,
И под кроватью пес хранит.

От печки пахнет жженой солью;
На стеклах трещинки свистят,
И стаей носятся в подполье,
Свирапо крысы свиристят.

Виктор Лапшин

Ну что за демонская сила
Свет, как нарочно, угасила?
При свечке щурься до зари!..
Дыханье огонек шатает,
Трещит светиленка и тает, —
Подольше, милая, гори!

Живи подольше, Лизавета!
Без твоего, голубка, света
Под солнышком не так светло, —
Пускай в головушке трясучей
Всего и думы-то на случай:
Чтоб дровяник не занесло,

Чтоб крысы кроля не загрызли,
Чтоб молоко да суп не скисли,
Чтоб не задрог в пути сынок...

Уж то-то радости у старой,
Когда в калитку грянет ярый,
Морозом кованный сапог!..

УТРО

Дряхлый дом под чахлою сиренью,
Темное увечное крыльцо.
На приступке, над дырявой тенью,
Детское напялив пальтецо,
Сивый дед, покашливая, курит,
Рядом кот-баун глазищи жмурит.

Дед брюзжит: «Разлегся, как валек!
До ларька бы... кончилась буханка...
Васька! Вась! Василко! Василек!
Эх, Васятка, Васенька, Васянка!

Не кормил тебя, как на убой?
Где у нас пятерка завалялась?
Глянь-ка ты, погода разгулялась,
Разгуляемся и мы с тобой!

Как тепло-то, леший, как светло!
Не разбудишь, верно, снится рыба...
Ну спасибо, солнце, что взошло,
Что согрело старого, спасибо!»

Клонится седая голова.
Папирosa выпала, дымится.
День Победы. Юная трава
Шевелится.

Виктор Лапшин

ИЗБА

А. Целищеву

Всей громадой земной, всею мощью скудельной —
Мчимся в ночь, повернуть не судьба!
Тускло светит оконцем в дали беспредельной
Над затейливой речкой изба.

Ель топорщит в окошке парчовые лапы,
Кисть рябина качает во мгле;
И коптят фитилек керосиновой лампы,
И страницы шуршат на столе.

По углам, по углам — тени, тени живые.
За спиной... Не смотри, не смотри!
Вот сейчас приведут... Привели уже Вия!
Не дожить бурсаку до зари!

Мальчик, милый мой мальчик, откладывай книгу,
Лучше в шорохи ночи вникай...
В масло постное с душной горчицей ковригу —
Хлеб в холодное блюдце макай.

Хлеб родимый, хлеб горестный — ласков и лаком,
Пусть и нож-то его не берет!..
Паровоз за сараем — за лесом — за мраком
Громыхает и глотку дерет.

Ближе... Рядом... Прощай! На мгновенье лучами
Озарило рябину и ель.
Тень колышется, тень-великан за плечами...
На плечах фронтовая шинель.

Обняла, оградила — сурова, отцова,
Не какое-нибудь пононо!
И участливо сердце, и сказочно слово,
И средь звезд не померкло окно.

ПРИВЕТ

Тебе привет, столица мрака, —
Дар преданной тобой любви!
К себе меня ты не зови:
Давно уж мы живем иначе —
Я на слезах, ты на крови.
Живем — как смеем и умеем:
Свобода — гибель, счастье — вздор!
Ты срам России и позор,
И грош цена твоим затеям.
Спрошу ль, куда меня несет?
Гораздо мне важней — откуда!
Уж если Бог меня спасет,
Спасет Он от тебя, иуда.

Виктор Лапшин

ПУРГА

День уходит в память глухо.
И метет пурга, и вьет.
Зло сморкается старуха
И лопатою железной
У сумятицы подъездной
Лед запыханно скребет.

Мимо — тень походкой шаткой.
С матерною правдой-маткой
Ковыляет дед-сосед:
«Не житье в России деду,
Завтра же в Чечню поеду —
Фронтовик я или нет?»

И метель и вьет, и крутит,
Свет фонарный рвет и мутит.
Вой и посвист в вышине.
Мельтешит во тьме небесной
В снежном вихре прах словесный —
О России, о Чечне...

Чрево улицы пустынной
Раздирает рев машинный.
Голове моей повинной
Мысль о гибели близка.
Высь бушует, снег трепещет,
И лопата зло скрежещет...
Мрак, безлюдье и тоска.

МАРТ

Стая галочью вихорь метет.
По одежке — студено и знобко.
Вислозадый автобус бредет
Меж колдобин и наледей робко.

Эх, поземка, змейся и ползи,
Ком газетный, блуждай у кiosка,
Луч прощальный, глаза нам слези,
Бейся, серого снега известка!

В мертвой бездне зари полоса,
И пещерно сосульчаты крыши.
Дремлют на колокольне леса.
Взоры треплют рванину афиши.

День умчала ватага собак,
Канул город иголкою в сене,
Лишь сияет коммерческий банк
Ослепительно окнами всеми.

ПУТЬ

По молодому льду
Без удержу иду, —
И гнется он певуче.
Тростник шуршит мертвно.
В округе никого,
Лишь воронье да тучи.

Даль памятью жива:
Печали синева
Прозрачна за излукой.
Где валуны да мель,
К сосне прильнула ель
С отчаянною мукой.

Скользит за шагом шаг.
И треск, и звон в ушах.
Крепчает ветер встречный.
И чудится: вот-вот
Мой вольный вздох прервет
Дыханье жизни вечной.

* * *

Погибать нам не впервые,
Велики грехи-долги.
У России враг — Россия,
Сами мы себе враги.
Наш соблазн самоубийства
Искони неукротим.
За безмолвье, за витийство
Мы себе нещадно мстим.

...Над повседневностью мертвящей
Никто судьбу не возносил,
А кто дерзал, тот в скорби вящей
У Бога милости просил.

Елена Балашова

Елена Львовна Балашова родилась в 1949 году в деревне Галузино Чухломского (ныне Галичского) района Костромской области. Стихи публиковались в областной и районной печати, альманахах, журналах и коллективных сборниках. В 1993 году вышла первая книга «Заколдованный круг». В 1997 году писательская организация в серии «Литературная Кострома» издала сборник стихотворений «Высокий свет». Член Союза писателей России. Живет в городе Чухломе.

ПО ПРАВУ СОВЕСТИ

«Солнечной поляночке» в Вязниках в 1995 году отмечался очередной Фатьяновский праздник. Выходили поэты этих центральных областей России (Владимирская, Ивановская, Калужская, Нижегородская, Тульская, Костромская, Ярославская) и читали стихи. И все больше и больше нарастало чувство беспокойства за Москву. Почему она живет своей жизнью, своим взглядом, своей литературой потусторонне, а Россия — свой? Тут продолжают лелеять старые ценности: Бог, Отечество, Совесть, Дружба, Душа, Песня, Дом. Об этом-то и стихи Алексея Фатьянова. Вот его давно нету, а песни поют. Ушли из жизни и передовые, орденоносные, лауреатисты поэты его времени, их и забыли, а песни Алексея — поют. Вот и премию его имени Всероссийскую фатьяновскую устанавливаем. А орден-то вручили посмертно, на празднике, считай, для музея. Как бы замечать пораньше, отмечать писателя при жизни — гляди, он бы еще одних бессмертных «соловьев» выпустил в мир.

И вот в этом истинно поэтическом сиянии праздника своей тихой мягкостью и непреклонной верностью извечным русским святыням поразила Елена Балашова. Вышла незаметно, прочитала негромко, и сразу захотелось многим повиниться перед деревенскими кладбищами, доживающими свой век стариками и старухами, обрадоваться веточке черемухи в стакане, зажечь тонкие свечи и спеть вместе хором. Что за чистый, печальный (ну а какой же иначе может) появился поэт на Руси! Да и где? В городе Чухломе! Вот уж ерничества по поводу названия города на разных тусовках было. По самым придирчивым «демо»-меркам, самая глупь, самая необразованность. Вот Швейцария с ее аллейками, дорожками и,

главное, банками — это образец! Честно, я бы завидовал Швейцарии (приходилось пользоваться ее дорогами), если бы там были поэты такой родниковой чистоты, как Елена Балашова. Не мешало бы и в Чухлому банк понадежней, но где его возьмешь с нашими богачами, они ташат денежки в Швейцарию. Потом будут таращиться, как на Фатьянова: «Надо же, такой поэт вырос и где?»

В центре уделяют внимание мировым проблемам, подсчитывают валюту, измеряют высоту Эвереста, едут открывать дальние острова. А в провинции:

Здесь даже лужи пересчитаны,
Лицо у каждой есть и слава.
Здесь чудеса такие виданы —
В столицах не увидишь, право!

Задумываюсь вот над чем, читая ее стихи. Нынешняя «демократия» лишила себя поэзии, она лишила себя сострадания. Она страдает только себе и своему богатству. Сколько примеров, стечаний Запада и иже с ним по поводу невыезда из СССР, по поводу «прав человека», по поводу... по поводу... Но, оказывается, все это — прикрытие собственных торгашеских и захватнических планов. Лгал Запад Богу! Лгали и наши актеры от демократии.

Сменили одежки, сменили обложки...
Так, словно живут не всерьез — понарошке.
Сменили названья, идеи и штаты,
Однако же прежней осталась расплата.
Расплата за кровь, за измену проста
Иудам, предавшим народ, как Христа.
И пусть они снова одежки меняют —
И через столетья их снова узнают.

Но пусть не покажется, что Балашова — поэтесса публицистического склада (достаточно этих строчек, чтобы понять — она лирик: «Веточка черемухи в стакане — сердца немудреная услада. Ни чинов, ни почетней, ни званий — больше ничего ведь и не надо»). Но она не может пройти мимо боли человеческой, мимо страдания народного. Она должна всем! Нет, наверное, не толстосумам и отступникам, не изменникам и бандитам, их она обличает, хотя и взывает к возможному состраданию. Она обращается к милым, добрым, усталым, но надеющимся на лучшее людям. Она вызывает к жизни красоту, обращает на нее наше внимание с помощью своего слова. Она страдает, думает, молится за нас. Она шлет весть, надежду человеческим сердцам. И эта Со-Весть делает ее совыранителем народной души. И мы чувствуем, что Елена Балашова — поэтесса по праву совести.

Валерий ГАНИЧЕВ
«Литературная Россия» — 27.10.95 г.

Елена Балашова

* * *

Снегопады, снегопады...
Хоть чуть-чуть меня порадуй:
Письмецо мне напиши
Не от скуки — от души.

Не напишешь, не напишешь...
Белый снег лежит на крышах,
Под ногами снег скрипит,
И земля под снегом спит.

Да и я давно забыла,
Что весной когда-то было.
Не пиши письма, не надо.
Снегопады, снегопады...

* * *

Falling snow, falling snow...
Make me a happy for little while;
write me a little letter —
not because you're bored, but from your heart.

You won't write, you won't write...
On the roofs the white snow lies,
Under our feet the snow squeaks,
Under the snow the earth is sleeping.

And long ago I forgot
what happened one spring.
Don't write — you don't need to.
Falling snow, falling snow...

Note: This poem is a *chastushka*, a modern folk song, usually made up spontaneously, sometimes bawdy or improper.

ОТТЕПЕЛЬ

В день сумрачный сырого февраля
Вдруг затоскуешь черною тоскою
О том, что утром звонкая заря
Не вспыхнула над спящей рекою.
О том, что с крыш — не вовремя! — капель,
Что хочется февральской дикой выюги,
Чтоб снег, как вор, вползал в любую щель
И предлагал бы зимние услуги,
Чтоб кошка размурлыкалась — к теплу —
На жаркой печке вечером домашним
И чтобы пах оттаявший тулуп
Полузабытым, сладостным, вчерашним...
Но день сырой ползет едва-едва,
И лень пошевелить рукою даже,
Чтоб записать ненужные слова,
Которые сырой февраль подскажет.

В САДУ

Давай с тобою выйдем в сад,
Давай-ка выйдем в сад...
Какие белые весной
Деревья там стоят!

Как нежен, невозмossible чист
Там каждый лепесток!
Там ты скворца услышишь свист —
Поэзии исток.

Давай-ка просто помолчим,
Давай-ка помолчим...
Ведь к болтовне там нет причин,
Там нет совсем причин.

Замри — и слушай, и смотри,
И слушай, и смотри...
А понял что — не говори,
Смотри, не говори!

* * *

Бабье лето.
Пора-то какая!
Журавлинная песня души.
Плат небесный по самому краю
Журавлиной строкою прошит.
Бабье лето...

Рябиновой кистью
Лес раскрашен и ветром продут.
Ах, какие прозрачные мысли,
Как вода между пальцев, текут!..

ИЗ ДЕТСТВА

Мгновенья счастливые перебирая,
Помню, все помню, забыть не могу,
Как по тропинке бегу я — босая,
Босая, маленькая, — бегу.

Мама мне сшила новое платье,
Новые ленты в косы вплела.
Счастье еще так по-детски приятно...
Еще и черемуха не цветла...

Шлепают, шлепают звонко пятки.
По тропинке, босая, бегу.
Детское счастье, как же ты кратко!..
До сих пор забыть не могу.

Елена Балашова

* * *

Качает ветер провода,
Раскачивает ели...
Ах, не мои ли то года,
Курлыча, пролетели?

Проходит день, уходит год...
Я ни о чем не плачу.
Ах, не меня, я знаю, ждет
Там, под окошком, мальчик!..

Сейчас окно приотворю —
Совсем чуть-чуть, немножко...
Ах, я, готовясь к январю,
Заклеила окошко!..

Гудят от ветра провода.
Шумят печально ели.
Мои года, твои года,
Курлыча, пролетели...
* * *

Ах, тротуары деревянные —
Провинций прелесть и отрада!
Здесь гости званому, незваному
Всегда и всюду будут рады.

Здесь расписные все наличники.
На удивленье, кошек много.
Здесь разговоры все привычные —
Не говорят высоким слогом.

Здесь даже лужи пересчитаны,
Лицо у каждой есть и слава.
Здесь чудеса такие виданы —
В столицах не увидишь, право!

Ах, деревянная провинция!..
Здесь Золушки у печек маются.
Все ждут, бедняжки, встречи с принцами,
А принцы в сказках лишь встречаются.

Здесь в мыльной пене над корытами
Джульетты головы склоняют...
Моя провинция забытая,
Моя провинция родная!..

* * *

Мои руки грубы от работы домашней,
А на сердце нежность такая зреет
К опустевшим лесам, к этой черной пашне,
Что сказать о ней я уже не смею.
Лишь, все чаще и чаще к земле притпадая,
Я над нею рыдаю, чибисом плачу,
Потому что нежность к земле такая,
Что слова уже ничего не значат...

Елена Балашова

В ПАРКЕ

Прикованы в парке цепями качели,
И парк посветел и притих.
Лишь сумрачно смотрят притихшие ели
На бедных собратьев своих.

Мне нравятся озера мерные всплески.
Постой. Помолчи. Не спеши.
Пусть ветер сырой, по-осеннему резкий,
Смятенной коснется души.

Он душу мою отчего-то волнует —
Холодный, российский, сквозной...
Так первая сладость мужских поцелуев
Волнует своей новизной.

* * *

Веточка черемухи в стакане —
Сердца немудреная услада.
Ни чинов, ни почестей, ни званий —
Больше ничего ведь и не надо.
Веточка черемухи в стакане,
Не дразни так горьким ароматом!..
Разве ты не видишь: ветер пьяный
По лугам шатается несмятым?
Белые осиплет лепесточки,
Как фату с невесты, и, ликуя,
Унесет черемуховой ночкой,
И до горьких слез он зацелует.

* * *

Стучусь к глухим — они не слышат.
Глазами смотрят и — не зрят.
Я поднимаю взор свой выше,
Где звезды чистые горят.

Без стука Он молитве внемлет,
И, грешница, о том молюсь,
Чтоб не оставил эту землю,
Чтоб сохранил Святую Русь.

Она жива еще и дышит.
Воскрес Христос, хоть был распят.
Стучусь к глухим — они не слышат.
Глазами смотрят и — не зрят.

Леонид Попов

Леонид Николаевич Попов родился 25 августа 1947 года в п.Вохме, Костромской области. Окончил Московский геолого-разведочный институт в 1974 году. Работал старшим инженером-геологом, ответственным секретарем в редакции районной газеты. Автор многих публикаций в газетах и журналах («Смена», «Москва», «Наш современник», «Русь», «Север» и других), в коллективных сборниках. Автор трех поэтических книг. Член Союза писателей России. Место жительства — п.Вохма Костромской области.

«НАД УГОРОМ СИЯЕТ ЗВЕЗДА...»

Читатель узнает чувствами, душой поймет, что поэт сказал свое новое и важное слово о жизни. Однозначность новизны будет для него очевидна, если он способен слышать поэтическое откровение, если в стихах привлекает не то, как они сделаны, а какой мерой таланта. «Галант — единственная новость, которая всегда нова». Давно известно: для настоящих стихов, истинной поэзии одного мастерства мало. Уже сказано, что нужна собственная кровь, и пока эта кровь не выступила на строчках, поэта в настоящем смысле слова нет, а есть только версификатор (Варлам Шаламов).

Вслушиваясь в голос поэта (да, теперь мы знаем этот голос), то мелодичный и свободный, то напряженный и срывистый, то философски раздумчивый и даже меланхоличный, уходишь от собственной повседневности к тому новому и важному, что следует знать, пережить и осмыслить. Книга сложилась нашим общим заинтересованным отношением к пережитому и высказанному открыто, потому что уже невозможно было молчать. Оказалось, собранная рукопись представляет творческий процесс, у которого вроде бы и нет начала, нет никаких первых стихов, обусловленных периодами жизни поэтических циклов, историческими вехами обозначенных разделов. А есть нечто естественное и совпадающее с движением судьбы Леонида Попова.

Вспоминаю многие встречи, беседы, поздние разговоры. Вспоминаю литературные вечера, поэтические семинары. Были новые стихи, может быть, написанные гораздо раньше, но прочитанные под настроение. Были размышления о жизни, о литературе, о духовном и прекрасном. Дни литературы в районах — такие поездки из отдаленной Вохмы случаются редко — освежали самочувствие сосредоточенного человека, и он светлым взглядом просматривал свои годы, чтобы студенты, школьники, учителя получали обнадеживающие ответы на «романти-

ческие» вопросы. Он доверительно рассказывал о том, как и почему стал геологом, какие обстоятельства заставили изменить избранному пути, когда пришел в вохомскую районную газету, чем испытывает человека бытовизм и возможно ли под гнетом многих «домашних» забот оставаться самим собой, в соответствии тому, что дано от Бога... Но главное было в стихах. В человеке всему мера есть — душа его.

Леонид читает стихи, лишенные пресловутой «злобы дня», разнообразные по чувствам и мыслям картины природы все определенное выходят к сближению «предметов несовместимых», к единому представлению о мире и человеке. И выпевается слияние души человеческой с отзывчивой душой природы. И рождается «проталинка птичьего свиста в предутренней муторной мгле». Такая проталинка после бессонной темноты, когда «ночь сжимает в клубок горизонт», становится чудом открытия. Понятия теперь краткость стихотворений, освобожденных естественно, в процессе «предварительного вызревания», от молниеносных сравнений, образов, вызываемых мелодией, рифмой, аллитерациями. Вдруг понимаешь созвучие сказанного тому, что в тебе самом давно разбужено.

По словам московских критиков (Ст.Золотцев, Вл. Гусев), в стихах Л.Попова зримое — слышится, а едва слышимое — тайный гул, горестный вздох — становится зрымым. Невольно думаешь о естественной магии Слова ответственного, выстраданного, ориентированного — вопреки всем веяньям и штукарству — на то, чтобы его услышал родной народ, «который, что ни пой, — поймет! А не поймет... Не пой». Поэт заявляет себя с настойчивым максимализмом, словно взрывается вдруг после умиления.

Но, теряя пустую свободу,
Обретаешь в раздумной тиши
Умиленья сердечную воду
Для бесплодной пустыни души.

Еще недавно неизвестный автор из отдаленного костромского села публикациями в журналах «Смена», «Север», «Москва», «Наш современник», «Русь» и других представлен был как неожиданно вошедший в русскую поэзию. Искушенные критики по первым книгам открыли для себя художника, кудесника слова, которому дано знать нечто свое об этом мире и человеке. Дано знать и отпущена способность говорить по-есенински открыто, свободно, с предельной полнотой бытия. «Ах, как сладко я нынче живу — целый вторник уже, целый вторник». Замечены эти простые и дивные строки. Значит, еще не заполнилось восприятие, не зачерствела душа у столичных ценителей, вот они и говорят о том, что нужны каждому из нас такие слова, такие вторники самойной, неповторимой жизни...

Поэт всегда под властью движения чувств и мыслей. Он всегда больше, значительнее сказанного о нем и даже больше вложенного в стихи, он всегда дальше любой публикации. И в этой книге Леонид Попов еще не тот, каким представляется по уровню таланта, чувству слова, болевой причастности к жизни других. Поэтическая зрелость, профессионализм в силу каких-либо житейских «перепадов» иногда дают сбои. Отсюда вывод: талант и профессионализм не обеспечивают полного самовыражения, являются только условием для реализации замыслов. Из недр одного сборника стихотворений — зрямо прорастает все, о чем непременно должно быть спето неповторимым голосом, — важное и простое, резонное и весомое. Для того и «родятся поэты на высоких широтах Руси».

Михаил БАЗАНКОВ

* * *

Нет чувства выше, чем тоска
По родине своей.
Кто приходил издалека,
Тот знает цену ей.
Что там, на родине, сейчас?
Ручьи окрест кричат,
И сумасшедшее пахнет наст
В апреле по ночам,
Там воздух помнит голос мой,
Там — мать, отец, — народ,
Который, что ни пой, — поймет!
А не поймет... Не пой.

GRIEF FOR YOUR HOMELAND

There is no more exalted feeling
than grief for your homeland.
When you have been far away
and then return home,
you know her true worth.

What is happening right now
in my homeland?
Everywhere the brooks
are weeping.
At night in April even the odor of
the thin crust of ice on the snow
drives me wild. The very air
remembers my voice. There —
my mother, my father,
my people — they all understand
whatever I sing. And,
if they don't understand,
I shouldn't be a singer.

* * *

А Родина — вот, за порогом,
Где серым осенним деньком
Земля, что возлюблена Богом,
Вся убрана дивным снежком,
Где тучи так низко нависли,
Что холodom ломит висок!..
Просты мои тихие мысли,
И сердца замах невысок.
Но где еще встретишь такое —
Ты только отважься, представь! —
Чтоб неба коснуться рукою,
Всего-то и нужно — привстать...

Леонид Панов

* * *

М.Б.

Барыня-мачеха кличет. Давай,
Штопай рубаху, жена...
Да поискусней, смотри, зашивай —
Внешность в столицах нужна.
Там по одежке встречают, как встарь.
То-то придется дрожать,
Хоть и велел государь-секретарь
Накрепко марку держать.
Нынче Москва — не Россия, смотри.
Там, как в парижах, — шарман.
А потому хоть рассолом протри
Держаный мой чемодан...

* * *

Дымные серые Севера реки.
Осень, рябая заря.
А по починкам — всё избы-калеки.
Почато было, да зря.
Сердцем прислушаюсь: ветер ли свищет,
Птица ли в чаще кричит,
Или душа бесприютная ищет
К дому дорогу в ночи?
В темени мглистой ни проблеска нету,
Редкие звезды дрожат.
Крикнуть, позвать бы — да голос-то ветром,
Голос относит назад...

* * *

Мы кровь родовую презрели,
Воспели беспамятства дым...
Безродные бродят метели
По русским погостам святым.
И надобно сердца усилье,
Чтоб нынче сквозь мглу разглядеть
Крестов повалившихся крылья,
Что силятся в небо взлететь...

* * *

И в праздник чувства волком выть охота
От своеволья злого душ глухих,
Когда тугая сытая зевота
Сворачивает скулы у других.
Высоких слов пустая позолота,
Высоких мыслей непростимый грех...
Да что с того, что сердцу петь охота,
Когда надежно заперт слух у всех?!

Месяц Полов

* * *

Нет, не раскаюсь до седин
В своих пристрастиях сердечных —
Ржаной округи гражданин,
Лесов погубленных заречных,
Унылых пашен и лугов,
Дорог, доселе непроезжих,
Речных державных берегов,
Ядреных слов и сказок вещих...
Над Русью нынче ночь темна,
Под черным солнцем лжи-отравы
Всем верховодит сатана
С толпой прислужников лукавых.
Кругом разруха, и разор,
И пресмыкательства позор,
А мы — на небо ропщем глухо...
Уж осень поздняя старухой
По полю голому бредет
И стужу за руку ведет,
И только озимь зелнеет
За речкой тусклой вдалеке,
Да у пичуги в коготке
Рубин рябины пламенеет...

* * *

Господа геологи, черти карьерные,
В Кызылкумах ваших — травы взошли,
По пескам разбрзгали кровь
тюльпаны первые...

А мою берлогу снега замели.
Стужа непроглядная!
Ничего не надо...
А тоска... Приучены чаем лечить.
И всего-то праздников, и одна отрада —
Если доведется письмецо получить.
Да совсем не пишете, смуглые черти,
Каторжники страсти, работы, семьи...
Ох, как я соскучился — верьте не верьте! —
По песку, по солнышку, родные мои...

* * *

Дорога на то и дорога,
Чтоб плакала ты, недотрога.
Чтоб вместо постели — скамья,
И слезы заместо вранья.
Разлука — на то и разлука,
Чтоб мучила жаркая мука,
Чтоб в этом палиящем огне
Вся боль выгорала во мне.
Тревога — на то и тревога,
Чтоб нам до родного порога
Сквозь все искушенья пути,
Сквозь лютые выюги — дойти.
Дорога — на то и дорога,
Тревога — на то и тревога,
Разлука — на то и разлука, —
Чтоб крепче любили друг друга...

Леонид Панов

* * *

Над Севером России небеса
Недвижные грядущим снегом дышат,
В глухих логах угромые леса
Давно уж пенья птичьего не слышат.
Плот осени вмерзает в серый лед,
Рябой снежок нагую землю кроет...
Да, все пройдет... И хлад, и глад — пройдет.
Да только вот все это — жизни стоит.

* * *

Не по нраву времена?
Да, пожалуй, хреноваты...
Небо — в ключьях серой ваты,
Неумытая луна,
Песня пьяная слышна
Под брехливую гармошку...
Пошумят еще немножко,
И — пожалте — тишина...
На', родная сторона,
Ломоть сала, браги кружку,
Одеяло да подушку —
Пей да спи!.. Твоя вина
И была — да прощена:
За кровавый серп и молот,
За войну, а после — голод...
И за наши времена —
Прощена твоя вина.

* * *

Никола, озябла гитара,
Сыграй, коль прощаться пора,
Ту песню, что жить помогала
Надежнее, чем доктора!..
Давай горевую, бродяжью
Начни, и, хоть голоса нет,
Тебе подпою я протяжно,
Как требует данный момент.
Аккорды все глуше и глуше,
Басовая плачет струна.
Помянем пропавшую душу
Бродяги. Мою, шатуна...
Пора. Уже пламенем красным
Рассвет полыхнул за окном.
Подымет стаканы с напрасным,
Тяжелым и горьким, вином —
За эти горячие горы,
За годы в чаду и огне,
За город в пустыне, который
Я завтра увижу во сне...

Леонид Попов

* * *

Поздно: учиться «петь-танцевать»,
Шаркать подошвой по жаркому кругу.
Стыдно: поклоны впрок раздавать,
Пылко влюбляться в столичную выногу,
Верить пожатью казенной руки,
Честью платить за натужную милость.
Время: свои подытожить долги,
Благо достаточно их накопилось.
Время: припомнить былье грехи,
Чтоб понапрасну душа не гордилась.
Время: вчитаться в чужие стихи,
Чтоб от своих голова не кружилась.
Время: последнюю выгrestи медь,
Но до копейки за все расплатиться,
И до рассвета успеть умереть,
Чтоб на рассвете свободным родиться.

* * *

Пускай в лесу темно, и сроки
Брести домой, хандра пройдет,
Когда в логу, в сырой осоке
Ручей называнивать начнет.
Еще мерцают крохи света
Под пологом еловых лап,
Но теплый хлебный запах лета
Уже и холоден и slab.
Бесстрастно времени теченье
И повторенья не сулит.
И лишь ручья ребячье пенье
Недаждой сердце веселит.

ПАМЯТИ ОЛЕГА КУВАЕВА

Территория близкой души
За картонной обложкой хранится.
Не спеши, говорю, не спеши, —
Задержись и над этой страницей.
Слышишь? Дышат слова под рукой
Света чище, доверчивей хлеба.
Видишь — плоское, низкое небо
Наклонилось над желтой рекой.
Разглядя между строк, на бумаге
Ровной, чистой, как снег в декабре,
Крик весенних гусей на заре,
Растревоживший душу бродяге...
Не спеши, говорю, не спеши,
И поймешь, осененный слезою, —
Кто-то должен курлыкать в глухи,
Чтобы мир устоял под грозою.
Не спеши, говорю, не спеши,
Дай доверию к сердцу пробиться.
Сокровенное чудо души
За обычной обложкой хранится.

Леонид Попов

* * *

Одурев от житейской мороки,
Хмель остатний в стакане вскружу
И кладбищенской сырой сороке
Про последние сроки скажу.
Бражка-жизнь отходила, и в пору,
Комъя глины лаская в горсти,
По кладбищенскому косогору,
Примирияясь, повинно пройти.

* * *

В канун поминальной субботы
Чуть жив воскружился снежок.
Темнело... У дальней заплоты
Вороны сбивались в кружок.
И тихо заря догорала
В туманных осенних полях,
Как будто земля поминала
Всех-всех, кто ушел второпях...

* * *

Сердце песней не грею,
Петь-гулять не велю.
Чтобы было теплее,
Печь стихами кормлю.
То-то пламя пылает,
То-то плачется мне:
Вся-то радость былая —
В суетливом огне.
Ах, как корчатся строчки
Прежних песен моих!
Прогорают листочки,
Как и не было их...

* * *

Старыми письмами печку топлю
(Совесть хранить не велит),
Досыта синее пламя кормлю
(Только пожар невелик).
Знать, и бумага истлела вконец
(Пепел черней воронья),
И ничего в этих строчках и нет
(Кроме пустого вранья).
Этими жаркими прежде «люблю»
(Верил которым, дурак)
Нынче весь вечер печку топлю,
Все не согреюсь никак...

Леонид Попов

* * *

Сколь дивна зима на изломе,
Как благостна снежная гладь!
Темнеет... И в стареньком доме
Топлю свою печку опять.
Под пологом мартовской хмари,
Где угли зари горячи,
Хмельные, в любовном угаре
На гнездах горланят грачи.
Ах, есть во мне певчая сила!
И радость взметнула б крыла,
Когда б ты — пускай не любила,
А просто, жалея, ждала...

* * *

Фотокарточка-картоночка,
Усмешечка дрожит...
Собрана моя котомочка,
На лавочке лежит.
Что-то рано разневестилась
Разлучница-заря,
Что-то во поле невесело
На склоне октября.
Колокольчики забрякали,
Не прячь, зазноба, глаз,
Что вчера от счастья плакали,
А уж нынче — в самый раз...

* * *

Пустое все... Сварю покрепче чай,
Табак — сухой, а зимний вечер — долгий.
Поближе к печке уложу печаль —
Озябла, чай! — и занавещу полог, —
Спи, милая! Надежен старый кров.
Заветный том, прятанный до срока,
Раскрою вдруг — и жарко прянет кровь!
Веду себя на дивный праздник Блока.
Вино свиданья пью. Глотаю вновь
Знакомых слов внезапную отраву
И целый мир наследую по праву...
И смерть — на миг, и навсегда — любовь.

* * *

Так славно скользила улыбка
По линиям мильям лица,
Так неуловимо, так зыбко,
Что мнилось — не будет конца,
И верилось свято: покуда
Тот свет колдовской не погас,
Всего-то полшага до чуда,
Коротких полшага у нас...

* * *

Бродит по небу ворона
Над землей, где срам и смрад,
Где победные знамена
На помойках все лежат.
Пьет народ, устав от бредней,
От ворья и отластей,
И с надеждою последней
Ждет последних новостей.....

* * *

Туманны небеса исхода октября.
Венчальная заря в размытой дымке тает,
Темнеет, и душе, по чести говоря,
Сейчас не тишины —

тревоги не хватает.

На сером полотне невнятна веток вязь,
Ослепший замер лес, почувяв близость снега...
Разъезженных дорог ухватистая грязь,
Пустая коновязь и мертвяя телега.
Неловкую любовь под сердцем затаю,
У жизни на краю упьюсь сладчайшим дымом.
А сбудется, Бог даст, и песню допою
Заветную свою — о Севере любимом...

* * *

Там, где рыжий, вонючий, крысиный
По болоту расползся бурьян,
Там, где елка с красивой осиной
Спят, по грудь забежавши в туман, —
Там мой дом, долг сыновний мой, кровный,
Жизни свет и душевный простор...
У конюшни разграбленной дровни,
Догнивая, лежат с давних пор.
Прямо в небо уперлись оглобли,
Что повиты крапивным кустом...
Знать, давно наши души оглохли,
Коль и сами не помнят о том...
Что ж ты, брат, не печалишься, милый,
Или знаешь секрет мировой?
И тебе наплевать, что могилы
Зарастают пустою травой?

Холода... Даже звезды повымерзли.
Ни огня в деревушке пустой.
И собаки последние вымерли
Здесь, за этой забытой верстой.
За оградой — береза продрогшая
Да журавль ледяной на ветру, —
Вот и все. Только лошадь озношная
Все равно норовит — ко двору...

ФЕВРАЛЬСКАЯ СИНИЦА

Любезная птица-синица!
С чего вдруг поется-свистится
Тебе этим зимним деньком —
Слепым, да промозглым, да сонным,
Туманным теплом опоенным,
Хрустящим луженым ледком?
Ответь.
Но без умолку птица
Звенит!
И гляди-ка: дымится
В прорехе средь туч полынья.
И свет закипает и льется,
И юное солнце — смеется!..
Спасибо, певунья моя,
За песню, привычную слуху,
Желанную русскому духу, —
Она в зимнем мире нужна:
Вон дымчато-сизый березник,
Весны подступающей крестник,
Уже пробудился от сна.

* * *

Тихое слово. Свет и покой,
Как на причастье.
Дочкины слезы вытру рукой —
Вот вам и счастье.
В век сумасбродства и въедливой лжи,
Страха и крови
Есть ли надежнее что-то — скажи! —
Детской любови?

Евгений Разумов

Евгений Анатольевич Разумов родился в 1955 году в селе Шахове Судиславского района Костромской области. После окончания средней школы в г.Костроме служил в армии, работал актером, окончил Литературный институт им. Горького в Москве. В 1986 году в издательстве «Современник» вышел его первый сборник «Летучая ладья». Автор нескольких книг, публикаций в коллективных сборниках, альманахах, периодической печати. Руководил литературным объединением «Ладья». Член Союза писателей России. Живет в г.Костроме. Работает литконсультантом-редактором областной писательской организации.

* * *

Губерния, волость, уезд —
границы российского поля,
где праотцы жили в юдоли,
неся хлебопашеский крест.

Которое лето подряд
ищу их следы в Судиславле,
свечу поминальную ставлю
и крашу кресты без оград.

Которую зиму вдали
тоскую по отчиму крову
и вижу во сне то корову,
то клинышек скудной земли.

И пусть не оставил герба
фамильного правнуку прадед —
мне русского имени хватит,
земли, где стояла изба.

Евгения Рязанов

* * *

Guberniya, volost, uyezd*
are the borders of the Russian field,
where our great grandfathers lived in the vale
and bore, as their cross, farming the land.

Summer after summer
I look for their traces in Sudislavl.
I light a memorial candle to them
and paint crosses on simple graves.

Winter after winter from a distance
I grieve for my family's roof,
and sometimes I dream of a cow or
some patchwork fields of barren earth.

And even if great grandfather
didn't leave a family coat of arms
to his great grandson,
for me my Russian name is enough
and the land where their isba** stood.

* These are ancient Russian political divisions, roughly like state, county, district.
** An isba is a Russian peasant house made of logs.

ЛЕТУЧАЯ ЛАДЬЯ

Нас двое в небе — я и Бог.
На туче — он, я — на летучей
ладье. В исподнем, без онучей
лечу — застигнутый врасплох.

Дивясь всему, что подо мной,
дивясь смекалке корабела,
ползу я к борту оробело.
Ладью качает. Чуть живой

я в пропасть взглядаюсь, там
изба, а в ней — жена и дети.
Они проснутся на рассвете
сиротами. На экий срам

обрек ты, леший, мужика,
полюбопытствовал который
насчет бескрылой, безмоторой
ладьи, что режет облака.

Но пусть костей не соберу,
пусть неотпетым в землю лягу, —
я счастлив небеса, как брагу,
глотать, раззявясь на ветру!

* * *

В трех верстах от поля Куликова
на попутном газике промчусь.
Ни свистком, ни жезлом постового
не одернет нас былая Русь.

Пролетим — и только пыль до неба.
Разживется трешкою шофер.
Что ему Бориса тень и Глеба?..
Зря, Мамай, встреваешь в разговор!

Будем ехать, слушая певичку,
размышляя каждый о своем.
Под конец обугленная спичка
нас на миг объединит дымком.

Выходя в районном городишке,
надевая в клеточку пиджак,
я замечу около подмышки
дырку с двухкопеечный медяк.

Удивлюсь, но, глянув ненароком
на брезент, окаменею — там
две стрелы, каленые Востоком,
стынут — предназначенные нам.

* * *

Питер Брейгель висит на стене.
Лед в шестнадцатом веке прозрачен.
За окном машет варежкой мне
алконавт, дядя Паша Темпачин.

Мимо льда прудяного везут
сено на нидерландской телеге.
Дядя Паша бывает разут,
все от альфы пропив до омеги.

Но сегодня он — кум королю.
Кабана закоптили в трактире.
Машет варежкой. Вдета в петлю
лись я тушка. Пудовая гиря

дядю Пашу уже не гнетет —
«вота пензия... тута, в кармане...»
Зря спешит. В магазине учет.
На коньках тут и там — поселяне.

Евгения Разумов

От заснеженных скал холодок
вдоль спины. Дядей Пашею пропит
на Россию взирающий Бог.
А замерзшие ноги торопят.

Скинуть обувь и эля глотнуть.
Смазать пiku, чтоб не заржавела.
Дядей Пашею избранный путь
вдаль уводит тщедушное тело.

Ну и что... Мне бы эля глоток...
Да чумы чтобы не было боле.
А над дядею Пашею — Бог.
Во своей поднебесной юдоли.

МОНОЛОГ ПАССАЖИРА ЭН

Этот литерный черен — ночами летит
мимо станций глухих и вокзалов железных,
мимо прожитой жизни, где набран петит
сколь возвышенных слов, столь же и бесполезных.

В этом литерном черном ночами сидим
то за дамою треф, то за чьей-то «Столичной».
И едим, кистеперую рыбу едим, —
каждый сам по себе, каждый вилкою личной.

По утрам мы выходим гурьбой на перрон,
разбредаясь по градам и весям до ночи,
и в носу ковыряем, считая ворон,
или женщин зовем прокатиться до Сочи.

Нашим тусклым глазам ни к чему купола,
не горит в них огонь никакой из конфессий.
Мы крадемся в вагон, чтоб немного тепла
здесь урвать, простудившись меж градов и весей.

И опять — перестук полустертых колес
по какому, бог знает, уже километру,
и опять — дама треф, но уже без волос,
только лохма седая — по ветру, по ветру.

Этот литерный черный не выпустит нас
и, когда изотрутся железные диски,
пустит нас под откос, избавляя анфас
от печати земной, от купейной прописки.

Новый литерный выйдет тайком из депо
и, набрав пассажиров, помчит их куда-то.
Машиниста лицо будет так же рябо.
И рогатый картуз будет с бляхою ада.

Евгений Разумов

* * *

А. Аханову

Голова Крестителя на блюде.
Спит Иаков у другой стены.
Хорошо — еще бывают люди,
что для красок были рождены.

К ним зайти из сутолоки — благо,
а за чаем посидеть часок...
Мне досталась — писчая бумага,
а тебе — материи кусок,

чтобы только Замысла коснуться
мастихином, кончиком пера...
Слава Богу — краски остаются
и чернил хватает до утра.

Слава Богу, что нужны кому-то
наших душ земные голоса...
Ведь порой до Вечности — минуты
не хватает, четверти часа.

* * *

Не возбраняется, конечно,
свернуть в проулок, где тобой
прибита к дереву скворечня
над покосившейся судьбой.

Подслеповатому окошку
осточертел весь белый свет,
но смотрит гипсовая кошка
туда, куда смотреть неслед.

В ней прежде звякали копейки,
и даже рубль порой хрустел.
Не в этом дело... Дождь из лейки
не раз окатит сей предел.

И смоет все следы прохожих
и хвою от еловых лап.
И дед прошаркает в калошах
навстречу памяти... Ослаб.

А прежде — бабы липли, пиво
текло рекой, гармонь была...
Да и скворечне сиротливо
без оперенного тепла.

Вот-вот затеплится окошко,
и ужин разогреет дед.
И только гипсовая кошка
мяукнет прошлому вслед.

* * *

Охотясь с банкою консервною
на колорадского жука,
ты время выключиши, наверное,
на сутки, может — на века.

Остынет ужин в ожидании:
картошка, огурец, компот.
И фильм из Великобритании
по телевизору пройдет.

А ты мотыгу вскинешь за спину
и побредешь к себе в Мемфис,
где жрицы с прошлой ночи заспанны,
где тростниковый кров провис.

Из ванной голос «Санта-Барбары»
не слышен. Вот и все пока.
Дезодорантом вместо амбры
опрыскаешь себе бока.

И заведет будильник женщина,
чтоб время заново пошло,
где не бессмертие обещано,
но лишь — пришествия число.

«ПЕРЕПИСЬ В ВИФЛЕЕМЕ»

На черепичных крышах Вифлеема
застыли нидерландские снега.
Осел усталый слизывает немо
сосульки лед и смотрит на быка.

А рядом, у трактирного окошка,
вся Иудея очереди ждет.
Скользит по льду речному хромоножка.
Заколотый кабан копытит лед.

Продрогшего Иосифа с Марией,
поверх осла укутанной плащом,
не приютит никто, пока с горы ей
не виден станет каждый Сына дом.

Ну а пока она Ему и кровом,
и очагом служила в холода.
Вот-вот зажжется в этом мире новом
над Иисусом отчая звезда.

Скорее бы... Вороны полетели
искать ночлег... Жжет молоко в груди.
Бредет осел усталый еле-еле,
не зная, что Египет впереди.

Евгений Разумов

«СЕНОКОС»

Подобие скворечника прибито —
посмотришь — к придорожному столбу.
А поравнялся — осеняет жито
рука Мадонны. Пальцами ко лбу

потянемшись, да заглядишись далью,
где лепятся домишкы по скале.
Повеет вдруг библейскою печалью,
но нет печали нынче на селе.

И — недосуг, коль сенокосить в пору.
И — ни к чему, коль эта жизнь — одна.
И пусть тропа пересекает гору —
тропа другая под горой видна.

Где лошадь ташит в сельской волокуше
плоды труда, чтобы кормить весь год.
Где Богоматерь осеняет души
рукой древесной посреди невзгод.

Где сметывают копны поселяне,
не ведая, что Ренессанс вокруг.
И где играют дети на поляне,
еще один земной замкнувши круг.

Мир соразмерен и душе, и телу.
И не ищи изнаночного шва
в картине этой... Цапля пролетела,
твоей души не зацепив едва.

* * *

Досозерцай небес окраину
и дол, где некогда бродил.
И не тай обиду Каина
под самым светлым из светил.

Тебе другие свет оставили
и право обладать душой.
Взгляни на мир глазами Авеля,
прощающего грех чужой.

* * *

Под неказистым потолком
ты ждешь меня, родная, —
сквозь снег, ложащийся кругом,
о лете вспоминая,

Евгения Разумов

где пахнут до сих пор цветы,
где целовались губы...
А в это время снишься ты
и мне, моя голуба.

За расстоянием дорог
должно б исчезнуть что-то,
но и во снах — не одинок,
и лишь одна забота:

вернуться в этот дом скорей —
к последней из любовей, —
не обманув судьбы твоей,
и так когда-то вдовьей.

* * *

Замерз леденчик в кулачке,
и посинели губы.
На дяденьках невдалеке
не тятины ль тулупы?..

Они выносят мамин плат
и швейную машину...
Никто не будет виноват,
толкая тятю в спину.

И мама побредет за ним
с погодками троими.
Колхозник росчерком одним
отправит их — во имя

своих грядущих трудодней —
на карачун, на плаху.
А ветер с Волги — леденей.
А страх — знобит рубаху.

Но и заплаканный ландрин
сжат в кулачке упрямо.

.....
В той девочке не я один
тебя узнаю, МАМА.

Узнает и НКВД,
и активист комбеда,
и все страны моей т. д.,
что невзлюбили деда.

Его тулупчик вам не жмет?..
Носите на здоровье.
Покуда он колымский лед
закашливает кровью.

Евгений Разумов

* * *

Неказистый плывет ледокол
по Ключевке, минуя Селище.
Над скворечником кружит щегол,
долбит дятел дырявое днище.

Есть гармония в этих кустах
бересклета, а может, рогоза.
Замечательно в этих местах
то, что здесь не слыхать паровоза.

Прогремит над рекою ЗИЛок,
что в Козелино возит бидоны,
и опять — тишина между строк,
и не верится в армагеддоны.

И опять, размышая, жуку
уступаешь дорогу невольно,
потому что на том берегу
по обоим звонит колокольня.

Впрочем, все насекомые спят
и не слышат гудка ледокола.
Соберу-ка осенних опят
да гвоздики нарву для рассола.

* * *

Чертополох, да лебеда,
да, видимо, крапива...
Забрел неведомо куда.
И сердцу — сиротливо.

А позади — ни огонька,
ни шума городского.
Оборотишься в старика,
не помнящего крова.

И побредешь, теряя стать,
к последнему пределу,
успев до чертиков устать,
прижав лохмотья к телу.

Нездешний ветер космы рвет,
обтачивает скуль...
А под ногами — снег и лед.
Тень лунная сутула.

Вот-вот и кончится земля.
Крест леденит ключицу.
...С шекспировского короля
перелетают птицы...

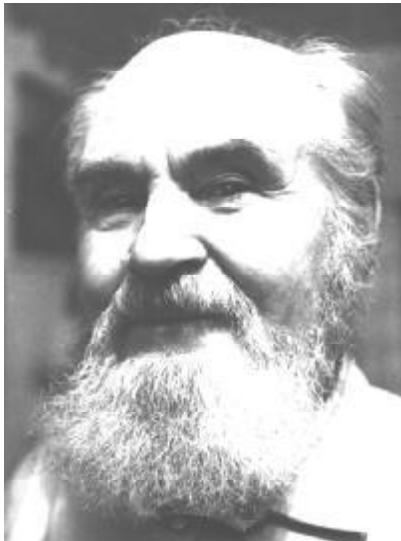
Вячеслав Смирнов

Вячеслав Васильевич Смирнов родился 5 марта 1923 года в деревне Яковлиха Шарьинского района Костромской области.

Первые стихи появились в центральной печати — в газете «Колхозные ребята», — когда учился в шестом классе.

В годы Великой Отечественной войны служил корреспондентом фронтовых газет. Имеет правительственные награды: ордена «Отечественной войны» первой степени и «Красной звезды», девять медалей.

Член Союза журналистов и Союза писателей России. Поэт-сатирик, юморист, переводчик. Автор семи книг. Живет в Костроме.

СТАНЦИЯ МГА

Лавиною танков, прорвавшихся с боем,
Враги Ленинград отрезали у нас.
И «юнкеры» выли над станцией Мгою,
Кидая с бортов смертоносный фугас.
Дорожные рельсы кой-где разметало.
И старенький сторож у сорванных шпал,
Уткнувшись седой головою,
Устало
Сном вечным на стрелке израненной спал...
Трещали в дыму деревянные стенки,
Под взрывами крыши ползли набекрень.
И жители Мги, и друзья-ополченцы
Нелегкую участь познали в тот день.
Дождливые, хмуро нависшие тучи
Косматый огонь языками лизал.
Бесформенной, тихо искрящейся кучей
В предсмертных мученьях кончался вокзал.
Он пал, обожженный, обугленный, черный,
Но в рабство не отдал себя.
Потому
Мы новое тело душе непокорной —
То время настанет! — построим ему.
И мы победили. Прорвали блокаду.
Разбили проклятые орды врага.
И поезд на этом пути к Ленинграду
Встречает свободная станция Мга.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Усмехаться — это всегда
немножко показывать зубы.
Народная мудрость

СВЕТИЛО

Может, горит не уголь —
Сердце мое лучится?..
Буду солицу кричать:
«Хочешь, солнце, светить помогу?»
Анатолий Беляев

Годы пройдены. Дедом почтенным
Мне в двухтысячном жить довелось...
Голова, как девичье колено,
Обнажилась, совсем без волос.
А душевный огонь не на убыль.
Теплота от него такова,
Что заменит и каменный уголь,
И солому, и торф, и дрова.
Если свет в небесах не заблещет,
Я хотя бы в семейном кругу
Лучезарной поверхностью плеши,
Хочешь, солнце, светить помогу?!

СОН НАЯВУ

Спать — засыпая. Просыпаясь —
спать.
Спать медленно, как пригублять
напиток.
Белла Ахмадулина

Спросонья — спи. Не вздумай зря вставать
С таинственного ложа сновидений.
К твоим услугам в спальне есть кровать,
Воспой ее как можно вдохновенней.
Когда изрядно отлежишь бока,
На спинку постепенно повернись лишь...
Заснув над темой, взятой с потолка,
Ты философски всю ее осмыслишь.

Вячеслав Смирнов

МОИ НОГИ

Ноги сейчас из болотины, —
Тоже мои, а не тетини!

Николай Костров

Мне тетя пальцем погрозила,
Чтоб за обедом я притих.
Вдруг под столом нога верзилы
Коснулась робко ног моих.
Я на верзилу был озлоблен
И молвил, желчи не тая:
— Эй, убери свои оглобли!
Нога не тетина, моя.

ПОХОДНОЕ

Звезды на небе...
Милый, шел бы ты!
Без вина во хмелью голова.
...Уходил бы ты...
Было б к лучшему!

Нина Снегова

Кто вас выдумал,
Звездные ночи
И свиданий часы под луной?
— Да иди ты, — шепчу,
но не хочет
Ненаглядный расстаться со мной.
Вижу — парень волнуется все же,
Или шибко озяб — не поймешь.
— Уходил бы! — напутствую строже. —
Будет к лучшему, если уйдешь.
Я на стуже, как студень, застыла.
Не сезон для любви — холода.
Гость милей, когда вижу затылок.
В общем, шел бы ты!..

Знаешь, куда?

ВОЗМЕЗДИЕ

Автопародия

В редакции вдруг — телефонный звонок:
— Пародии вам принести я не мог.
Безжалостно с первой до самой последней
Порвал их сегодня сынишка трехлетний...
— Понятно, — последовав бодрый ответ, —
Он строгий ценитель с младенческих лет.
И вкус у него на пародии тонок.
Растет, очевидно, толковый ребенок!

Юрий Семенов

Юрий Николаевич Семенов родился в 1946 году. Пятнадцати лет начал работать фрезеровщиком в Петрозаводске. Тогда же увлекся поэзией, написал первые стихи. После окончания Костромского пединститута — комсомольский работник, затем возглавлял областной спортомитет. Имеет два диплома — историка и журналиста-политолога. Активно участвует в политической жизни. Сейчас работает в областной администрации. Член Союза журналистов и Союза писателей России. Поэт-пародист. Автор многих публикаций в периодике. Написал две тысячи пародий. Две из них вошли в первую книгу «Кровное зеркало». Ведет сатирическую страницу «Артель «Дракон» в областной газете.

В ДУХЕ ВРЕМЕНИ

Все в критику, а ты — ура!
Находишься в застое, что ли?

Виктор Боков

Все у тебя «ура» да «бис»...
За пазуху возьми-ка камень,
На всех буквально рассердись,
Включая и родную Рамонь.

Не смей хорошее сказать
И что-то доброе, простое,
А то придется наказать
За то, что ты — дитя застоя.

Душа запела — ей не верь,
И даже сердце не указка.
Палитра не нужна теперь —
Вполне хватает черной краски.

ЗАДНИМ УМОМ

Поправляла она одеяла особенно, фирменно,
А уколы как делала — даже приятца в заду!
Евгений Евтушенко

Да, медсестры у нас не такие, как в штате Айдахо,
Где за доллары только быть может недуг исцелим.
Опускаю штаны, поднимаю привычно рубаху
И с восторгом приемлю ласкающий пенициллин.
На пределе безверия — нет уже силы смеяться —
К патронажной сестре, как заблудший теленок, иду...
И советую всем, если вдруг в дефиците приятца,
Поищите ее на проколотом шприцем заду.

Юрий Семенов

ЖУЖЖАНИЕ И СВИСТ

Скоро лето. Комар комарихе
Все уж уши про то прожужжал.

Евгений Разумов

Катит лето. А летом охота
Пожужжать что-нибудь поутру.
Комариха и та шепчет что-то
Своему пискуну-комару.
У природы загадок немало,
Скоро лето сверкнет по стеклу.
Кто же знает, о чем наружжала
Стрекоза своему стрекозлу.
Много летом и свиста, и шума —
Все жужжат и жужжать будут впередь.
Только я до сих пор не придумал,
Что тебе в этот раз насвистеть.

КСТАТИ О ПТИЧКАХ

С давних пор застенчивых и милых,
У кого в России ни спроси,
Именами пташек легкокрылых
Величали женщин на Руси.

Маргарита Агашина

С давних пор застенчивых подружек
Ярославский и тверской мужик
Именами пташек и пичужек
Неизменно называть привык.

И везде совсем не вне закона
Были задушевные слова:
«Что ты рот разинула, ворона,
Выпучила зенки, как сова?

Не треплись, болтливая сорока,
Ходишь, как гусыня, по избе.
Хватит крякать! Может, раньше срока
Перышки повыщипать тебе?

И живешь ты, глупая синица,
Лишь запасом птичьего ума.
Верно молвят: курица — не птица...
А что дальше — знаешь ты сама».

Юрий Семенов

ЛАДАН

Чем за то доверье
отплачу им?
Впрочем, перспективы не плохи.
Вознесенский, Храмов, Феликс Чуев
Посвящали мне свои стихи.
...Я Костров.
А кто из них Державин
Или Пушкин, боже упаси?!

Владимир Костров

У меня такая перспектива,
Что боюсь я за свою судьбу, —
Премии, счета, аккредитивы,
Даже нимб наметился на лбу.

Я из Вохмы. Этим в мире славен,
Землякам я вирши посвятил,
Жаль, не видел их старик Державин, —
Жил не в нашем веке Гавриил.

В лирике сегодня много хлама,
Но Костров стоит особняком,
Мне писал в альбом сам Женя Храмов,
С Вознесенским я теперь знаком,

Он писал мне тоже, между прочим,
Лучшему поэту на Руси.
Пусть мне пишут все, кто только хочет,
Но Семенов... Боже упаси!

НАТУРОЙ

Мягкой, мяtnoю порошeю
Сыплют сумерки кругом.
Дайте девочку хорошую —
Прогуляться вечерком!

Леонид Попов

Сыплют сумерки порошeю,
О таких давно мечтал.
Дайте девочку хорошую
Вместо премии в квартал!

Я совсем немного требую
За успехи и дела.
Только чтоб обмана не было —
Чтоб хорошая была!

Юрий Семенов

Ох, и жутко мне страдается,
Даже страшно иногда...
Все плохие попадаются,
А с хорошими — беда.

Не жалейте этой мелочи
В стимуляции к труду.
Дайте славненькую девочку,
Я плохую сам найду...

ЧРЕВО ПАРИЖА

Кто целовал отдачливо, любовно,
По ней ли тосковал — иль вообще?..
Ведь Франция живет во мне подробно
Пластичным жестом в трепетной душе...
Нина Снегова

Ну, наконец и я была в Париже,
Могу о нем поведать без прикрас.
Целуют там каштановых и рыжих
Отдачливо, совсем не как у нас.

Там есть у них Вандомская колонна —
Большая и железная — вообще...
И Франция живет во мне подробно,
Живет, жестикулирует в душе.

В душе моей вполне ей хватит места, —
Моя душа похожа на вокзал.
Но трудно привыкнуть к жутким жестам,
Которые Париж мне показал.

И этому не стоит удивляться,
Хотя самой мне бесконечно жаль, —
Отдачливый язык жестикуляций
Я изучала лишь на Плас Пигаль...

ЗЕМЛЯКИ

ЗЕМЛЯНИЧНЫЕ ПОЛЯНЫ

Известный поэт, автор многих поэтических сборников и книг лирики Владимир Костров иногда приезжает в отдаленный район Костромской области, чтобы в деревне, на природе чувствовать себя в родной стихии. В Вохме он окончил десятилетку, затем учился в вузе, работал на одном из подмосковных заводов инженером-техником. Ранний период творчества был отмечен непринужденностью, интересом к «округлому и сочному, как яблоко, слову». И до сих пор Владимир Костров, по утверждению Николая Старшинова, умеет обращаться с живым разговорным языком, корни которого, конечно, в русской деревне. Он знает быт северных жителей, яркую, многоцветную, меткую, раскованную народную речь. Ярослав Смеляков около тридцати лет назад писал: «Мне нравится в стихотворениях Кострова ненарочитое соединение мыслей и чувств технически образованного человека нашего времени и крестьянского парнишки. Совершенно естественно он пишет и о «добела раскаленных тиглях», и о «голубином взгляде голубики». С тех пор Костров издал несколько интересных, прочувствованно составленных книг. До сих пор его обостренные чувства находят выражение в сочной, многоцветной, напряженной и всегда искренней поэзии. Его душа нежна к природе и к людям. Листаешь книги, находишь стихи,озвучные нынешнему тревожному настроению, и удивляешься: да, именно поэты владеют провидческим даром! Вот книга с дарственной надписью, адресованной автору этих строк, «Солнце в дворе» (1978 г.).

О, смируйтесь,
найдите же законы,
чтоб некие деляги не смогли
ростовские малиновые звоны
перековать на звонкие рубли.

Стихотворение закончено тревогой, потому что находятся деятели потешать интуриста историей России.

Вспоминается давняя поэма «Земляничные поляны» — светлая, лиричная, яркая, живописная. Поэма о любви...

Другое время, другие песни. А тревог все прибавляется. И он, Владимир Костров, член редакционной коллегии журнала «Новый мир», своей поэзией вторгается в течение противоречивых событий...

Родился В.А.Костров 21 сентября 1935 года. Живет в Москве.

Михаил БАЗАНКОВ

Владимир Костров

* * *

В лютый год
страна с врагами билась,
крохами с детишками делясь.
Меж людей тогда установилась
доброты отзывчивая связь.
Кровный сын
Отчизны этой милой,
я хочу,
чтобы она цвела,
лишь бы сытость нас не разделила,
обеспеченность не развела.
Да минуют беды и печали
каждый колосок родной земли,
лишь бы в счастье мы не растеряли
то, что в горьком горе обрели.

* * *

In those cruel years
our country struggled against her enemies,
shared her crumbs with her offspring.
Between people then there were
the compassionate bonds of kindness.
A blood son
of this dear native land of mine,
I want it to flourish,
if only having enough doesn't divide us
and having more than enough doesn't separate us.
Let troubles and sadness be over
for every smallest plant growing in our native earth,
if only we don't, in our happiness,
lose what, in our bitter grief, we found.

Владимир Костров

* * *

Я не боюсь, мой критик, громких фраз,
они всегда бывают меньше чувства.
И я, представь себе, входил не раз
в прохладный зал высокого искусства.
Где так светла святая высота,
торжественны и высоки пороги,
мадонны усмехаются с холста
и на квадригах разъезжают боги.
Но Аполлон,
смиряющий коней
в божественной и лучезарной силе, —
он все же
не дороже тех огней,
что некогда при жизни нам светили.
Архангел не сыграет на трубе,
чтоб нас
на Страшный суд созвать несметно.
Я знаю это точно,
и тебе
дороже то,
что трепетно и смертно.
Та,
от горшка ребенка
до седин,
обычной жизни значимость
и мнимость,
великое движение картин,
отмерших клеток невосстановимость.
Давай взглянемся
в разноцветье глаз,
пройдем в толпе
московской
многоликий.
Лишь потому, что отразилось в нас,
великое действительно велико.
Высокие критерии ценя
и собираясь долго жить на свете,
не омрачу сегодняшнего дня
цинической заботой о бессмертье.

* * *

Плевела отделите.
Мякину отсейте.
И часы свои сверьте сегодня с утра
с коренными понятиями жизни и смерти,
категориями главными зла и добра.
В буднях каждая мелочь имеет значение,
но, эпоху тревожную в сердце неся,
можно плыть против ветра

Владимир Костров

и против теченья,
а идти против времени, право, нельзя.
Эй, на фланге на левом
и фланге на правом, —
эту страшную ношу на плечи грузи!
Даже чистым намереньям
под флагом неправым
суждено утонуть в непролазной грязи.
Можно драпироваться и в бархат и в ситец,
можно кожу менять
и менять имена,
но работает времени тонкое сито,
и на нем сортовые дрожат семена.
Можно спрятаться хитро,
прикрыться искусно,
но пройти пустоцветом, эпоху кляня.
Чувство времени — самое первое чувство
с колыбели до крайнего, судного дня.
Не на том,
а на этом изменчивом свете
нам природа счастливую бренность дала
с коренными понятиями
жизни и смерти,
с категориями главными
зла и добра.

* * *

Не просто слово к слову сочленять,
механистично это сочленение.
Стихи нельзя, как прозу, сочинять —
нерадостно такое сочинение.
Мне кажется, что с детских лет уже
с предельным полнозвучьем и свободой,
они в твоей записаны душе
сияющею русскою природой.
Они в тебе,
готовые на треть,
и стоит только вдохновенно дунуть,
их можно будет слушать и смотреть
умеющему чувствовать и думать.
А это вот и требует труда,
высокого, святого напряженья.
И, века многозвучная труба,
ты велика для самовыраженья,
гремящая системами идей,
не сжатая понятий узким кругом,
зовущая к сообществу людей,
прекрасной речью связанных друг с другом.

Владимир Костров

* * *

Холодный воздух колется, как сахар,
под каблуком повизгивает снег...
Идет через поселок «Валькин хахаль» —
обыкновенный, в общем, человек.
Но для него несет она батоны, —
они в ладонях дышат глубоко,
в сентиментальном голубом бидоне
холодное, как север, молоко.
Рубашки нежной утренней окраски
для парня накрахмалила она.
Какой-то удивительной лаской
ее глаза просвечены до дна.
Ну что ты в нем особое открыла?
За что простого жителя земли
какие-то неведомые крылья
в центр Валькинного неба вознесли?
Чтоб ей и восхищаться и молиться,
пари, чистейший, в этой высоте,
в своей богоподобной красоте,
ты —
лучезарный,
круглый,
янолицкий,
в ее руками стиранной рубахе,
в ее мечтами созданном раю...
Смешно его зовут в поселке — «хахаль».
За бога здесь его
не признают.

* * *

Славно жить в обновленном Союзе:
Чуть зевнул, и тебя «закосят».
Подари мне, пожалуйста, «узи»
С упаковкой веселых «маслят».
Как придут тормошить и увечить,
С косыком вышибая проем,
Хорошо бы гостям обеспечить
Исключительно теплый прием.
Не пропьешь ты в Париже таланта,
Не оставишь ты бедной земли.
Повторюсь, никакая Антанта
Не пришлет за тобой корабли.
Принимай и плевки, и пожары,
И последние крики в ночи.
Круг замкнулся. Опять комиссары.
Рифмачи, хохмачи, фирмачи.
Неужели опять в промежутке
Топтуны, шептуны, стукачи?
Как вперед поглядишь — проститутки!
Обернешься назад — палачи?
Не кидайся на жалкую милость,
Хоть бы раз поборись за судьбу.
Круг замкнулся. Звезда закатилась.
А креста еще нету на лбу.

Владимир Костров

* * *

Тихо-тихо. Ни лжи, ни позора.
Только ход окаянных часов.
Глубоко в голубые озера
Погружается сумерь лесов.
И надежды последняя капля,
Та, что гром обронил на бегу, —
Одинокая серая цапля
На песчаном стоит берегу.
Не колыхнутся чистые воды,
Не качнется небесная твердь.
Изваянье добра и свободы
Из души никогда не стереть.
Глубока коренная Россия,
Но темны в ней леса и дела.
— Ты о чем это, цапля, спросила,
Ты какой мне совет подала?
Распрямила капризное тело,
Никому не должна ничего.
Вдруг она, как душа, полетела,
Оставляя меня одного.
Мыс песчаный под сердцем,
как сабля,
Кровенеет кипрей на лугу.
Это ты — одинокая цапля.
Это я — на пустом берегу.

* * *

Утренний воздух, как яблоко, свеж.
Лодка прорезала четкие линии.
Я занимаю последний рубеж:
Я упльываю за белые лилии.
Спелой черемухой пахнет овраг...
Жизнью обманут и бытом измучен.
Я поднимаю андреевский флаг
Чистой зарей над туманом излучин.
Черной дружиной наступился лес.
Рыбьими всплесками солнце гранится.
И между нами пролег водорез,
Вас не пуская за эту границу.
Мечутся молнии, громом грозя,
И надрываются темные ливни.
Но все светлей открывают глаза
Русской провинции белые лилии.
Полные злобы экран и печать.
Чьи-то орущие грубые лица.
Знайте, мне есть еще что защищать,
Чем защититься, чему помолиться.
Быдлом оплеван, и сердце в крови,
Но все равно я живу в изобилии.
Господи, милая, не оборви
Горького времени белые лилии.

Александр Целищев

Александр Александрович Целищев родился 26 июня 1941 года. Окончил Костромской сельскохозяйственный институт и заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького при Союзе писателей СССР. Работал сотрудником в редакции районной газеты «Ветлужский край» в Шарье, редактором в центральных издательствах. Первая книга «Тихие омуты» издана в 1969 году. Автор публикаций в периодике, нескольких поэтических сборников. Живет в Москве.

НАЕДИНЕ С СОБОЙ И В ЛЮДЯХ

П о стихам читаешь человека, познаешь его жизнь. И дело тут опять-таки не в адресе, а в характере слова, в самом строении и настроении стиха, в его особой северной атмосфере:

Бродит ночь навеселе
Тропами лосинymi.
Дремлют все дома в селе
И Ветлуга сияя.
Крепко спят в лугах стога,
Ярко звезды светятся.
Месяц-плут навел рога
В бок Большой Медведице.

Как просторно чувствуется в этих двух четверостишиях: ночь, а как видится далеко, видится как бы на слух, и как бы на глаз слышится. Все неотъединимо: и неясная улыбка в ночи яснее, чем днем. Что это — пейзаж? Конечно, да. Но только ли пейзаж? Конечно же, нет. Тут есть нечто большее, а именно — любовь.

А вот как бы в диссонанс к пейзажу другое стихотворение — «Лысая гора». Оно не лесное, северное, а степное, сталинградское. Лысая гора, как и Мамаев курган, — символ мужества защитников Сталинграда. На Лысой горе погибли тысячи и тысячи. Вершина ее от бомбовых ударов осела, стала вмятиной. Теперь там растут камыши. Деталь, которую не придумаешь:

Над землей зеленою дремлет тиши.
Поклонюсь я павшим низко-низко,
Растревожил сердце мне камыш —
Памятней и выше обелисков.

Удивительная подлинность чувства. Громом гром не перешебрешь, а вот — простая деталь! — и почти невыразимое становится выразимым. Кощунственно но, мы уже привыкаем к обелискам! А камыш, вершинный камыш, не низовой, обостряет наше чувство, дает особую меру подвигу. Любовь и память здесь равновелики, память не для вчера, а для сегодня, память, как шрам на теле, который еще болит.

Егор ИСАЕВ

Александр Челищев

ГОРЬКАЯ КАЛИНА

Что ж так рано прилетели, снегири?
Землю первый снег пока еще не высветлил.
Были перья —
Цвета утренней зари,
Да от дождиков осенних все повышали.

Снега белые не скоро упадут.
Распрощалось небо с солнечной короной.
Пусто,
Сумрачно
В заплаканном саду.
Даже горькая калина разворована.

ОЗОРНАЯ ЗИМА

Я подкину в печку ныне
Смоляных веселых дров.
Поплынет под полог синий
Дым нечеток и багров.
Будут звезды табуниться,
Чтоб погреться у трубы.
Я хочу уединиться,
Убегаю от судьбы.
Только это все напрасно.
Вот она, судьба сама:
Ты приходишь в кофте красной,
Озорная, как зима.
На окне ледок не тает,
Нынче слез не лить ему.
Кофта птицей улетает
Мимо стула, в полутьму.
Только треск от дров еловых, —
Уплывает в небо жар.
Но клянусь вам честным словом:
Будет в комнате пожар.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Какая сегодня большая луна
Примерзла у неба на краешке синем.
Собачий мороз!
Будто здесь Колыма,
А вовсе не центр Европейской России.

Большие и стылые с виду дома
Холодным неоновым светом пугают.
И кажется мне незнакомкой зима,
Не русской, раскрашенной в масть попугая.

Александр Челищев

Я, как от погони, сбегу к поездам.
На скорый! На скорый! Не надо сомнений.
И он полетит, как ночная звезда,
Среди улетающих в сумрак селений.

А утром,
На зорьке,
Покину вагон,
Махну вслед составу ушанкой прощально.
И будут стесняться шагнуть на перрон
Березки, одетые в белые шали.

Ядреный морозец,
Как друг озорной,
Просыпает озnob за распахнутый ворот,
И улицу, словно рушник, развернет
Мой северный
Маленький
Утренний город.

Дома, их до окон снега замели,
Пускают дымки, как суда в караване.
И солнце прикатится с края земли
Душистым,
Румяным
Земным караваем.

* * *

Дед строгает тесины —
Бабке делает гроб.
Стружки пухом гусиным
Оседают в сугроб.
Вот у деда скатилась
Одиночка слеза.
И о доску разбилась.
Р-раз!
Рубанок сплюнул.
А в передней — старушка
С неподвижным лицом...
Р-раз! И новая стружка
Обернулась кольцом.
Дед рукою мосластой
Гладит стружки
И вдруг:
«Здравствуй, милая, здравствуй,
Дорогой ты мой друг».
В кольцах тонких, пахучих
Заблудилась рука:
«Помнишь, милая, случай?
Ты прости старика.
Вот построю скворешню, —
И весна прилетит.
Насорил-то я, грешный,
Ну-ка, мать, подмети...»

ЗАКЛИНАНИЕ

Что ни ночь, то и ворох снов.
Этим жизнь не хочет обидеть.
Папа, видел ты трех сынов,
А меня не пришлось увидеть.

Знаю я, не твоя вина,
Ты ведь ждал.
Говорила мама...
Виновата во всем война.
Ой как ждать оставалось мало!

Ты пришел бы хоть раз во сне.
Слышишь, папа,
Что тебе стоит?
На земле сейчас первый снег.
Приходи!
Слышишь, сердце стонет?

Приходи ко мне до зари.
Путь далек.
Но ведь ты отважный.
Нам бы надо поговорить.
Хоть немного.
О самом важном.

Мы обнимемся по-мужски.
Не постыдны порою слезы...
Над тобою лежат пески.
Надо мною шумят березы.

Каждой ночью все сны и сны,
Только встречи желанной нет.
Лишь дождусь я новой весны
И куплю на поезд билет.

Будет наша встреча горька...
Вот и новой весны предвестники...
Между нами годов река.
Скоро станем с тобой ровесники.

ВСЛЕД ЗА ПАМЯТЬЮ

Евгений Старшинов
Галина Милова
Виктор Волков
Николай Колотилов
Юрий Баранов
Александр Часовников
Виктор Куликов
Владимир Рахматов
Василий Старостин

Евгений Старшинов

Евгений Федорович Старшинов родился в 1915 г. До войны работал учителем. В 1941 заочно окончил Литературный институт. В 1942 — Ярославское пулеметно-минометное училище. В составе гвардейского стрелкового полка прошел с боями от Курска до Праги. Работал в издательстве, в писательской организации. Заботился о становлении молодых литераторов. Издал книги своих стихов «Жизнен-цвет», «Поречье», «Если любишь», «Музы на Мезе» и другие, сборники повестей, роман «Левый фланг». Умер в возрасте 62 лет.

ТВОРЯ ДОБРО

мае сорок первого в подготовленном к печати альманахе была подборка стихотворений молодого поэта Евгения Старшинова. Лирический голос его будто бы еще не знал ни тревог, ни печалей: «Нам хорошо! Нас ждет вечерний отдых, нас вишня ждет румяная в саду, нас ждет парное молоко в бидонах. И квас холодный в погребе на льду». Знаю пройденный Евгением Федоровичем путь, творческую судьбу, испытав на себе доброе влияние этой личности. И даже «безмятежные» строки теперь понимаются иначе. Не предчувствие ли потерь и утрат, не тревога ли о том, что будет разрушено надвигающейся военной грозой, прописана здесь поэтом, понимающим как надежную жизненную опору — родной дом, семью, свой сад, все домаоустроительное хозяйство? Должно быть, за несколько месяцев до войны предчувствовал он скорую разлуку. Да, предчувствовал. Многое знал и понимал человек, начавший в девятнадцать лет работать учителем в Воскресенской школе Переславского района. Вскоре он попал на курсы по подготовке преподавателей в Ярославском пединституте, а потом стал курсантом пулеметно-минометного училища, в сорок втором — командиром минометного взвода. Прошел войну с госпитальным перерывом в один месяц. И все командиром. С января сорок пятого по июнь сорок шестого — опять командир минроты 284 гвардейского стрелкового полка 95 гвардейской Полтавской дивизии. В Румынии, Польше, Германии, Чехословакии, Австрии, Венгрии выполнял задания командования Советской Армии — так он написал в личном деле по учету творческих кадров. Был ранен, контужен. Вступил в партию в июне 1944 года. Награжден медалями, тремя орденами Советского Союза. В краткой автобиографии изящным почерком, свидетельствующим о разносторонних дарованиях, за несколько лет до кончины просто и делово — перечислены некоторые данные. «Мои «университеты»: ШКМ, педтехникум, заочное отделение Литературного института СП, военное училище, вечерний университет марксизма-ленинизма, курсы редакторов книжных издательств. Работал после войны учителем, директором школы рабочей молодежи, литературным сотрудником областной газеты

«Северная правда», редактировал «Блокнот агитатора», книги в издательстве...» Эти служебные перечисления, мне кажется, в определенной мере характеризуют творческого человека, его отношение к жизни, указывают на качества личности. Писатели много раз избирали его секретарем партийной организации, руководил Евгений Федорович и литературным объединением, много сил отдавал молодым авторам, был членом редколлегии литературного альманаха «Кострома», разных советов — редакционных, общественных, художественного в драмтеатре, входил постоянно в правление писательской организации. Кажется, вся Кострома знала, уважала и любила его, потому что он был добр к людям, внимателен и педагогичен в общении.

Читаю книги Евгения Федоровича и по ним нахожу его собственные достоинства. Он умел принципиально, нeliцеприятно (так написано в одной из характеристик) отстаивать свои убеждения, пользовался высоким авторитетом, умел неснавязчиво заботиться о товарищах, осуждал показную демонстративную доброту, какая нередко является компенсацией тайного зла. Владимир Корнилов писал, что вся жизнь Е.Ф.Старшинова — бесконечный труд и забота о других, она заслуживает самой высокой государственной оценки. Но коротка была эта жизнь, чуть более 60 лет, из них пять выхватила война. Впрочем, война для солдата и командира — тоже напряженная спрессованная жизнь. О том свидетельствует роман Старшина «Левый фланг». И другие книги, конечно. Евгений Федорович в творчестве не обходился от военной тематики. В каждой книге отдается дань погибшим и опаленным войной. В каждой поэтической книге («Жизнецвет», «Если любишь», «Поречье», «Музы на Мезе», «Жду тебя») есть такие стихи. Последний сборник «Родные прачаль» выстроен любовью к родине, памятью о войне, гордостью за русского солдата, восхищением перед женщиной и природой.

У этой личности, у этой судьбы есть самый главный исток — родная деревня Шушково. «Бывало, вспоминалось на войне о детстве, о родной стороне... Кому куда, в какую даль и ширь: кому на Волгу, на Урал, в Сибирь... а мне в Шушково... (из книг узнал я в юности своей, что слово «шушка» значит «сололовей»)». Поэтический исток — в той стороне. Любовь начиналась там.

Человека нет, но выходит его книга, и для нас его жизнь продолжается. Однотомник избранных произведений Старшина завершается повестью об отце «Творя добро...». Начинается она обращением к читателю, думой о родном отце: «Кем бы он ни был, отец твой — рабочим, крестьянином, интеллигентом, — ты всегда в трудный час будешь обращаться к нему за советом и искать в его жизни, в его характере и поступках опору для себя и оправдание при неудачах. Так было испокон веков».

Он написал читателю: опыт отцов должен стать нашим общим уроком. Эта повесть продиктована заботой о том, чтобы лучшее из опыта не было утеряно, а худшее никогда не повторялось... Объемная книга «Левый фланг» — однотомник прозы — фрагменты человеческих историй великой войны. Откровенная, живая, противоречивая книга. «Она вместила и соединила публицистический пафос, поэтический лиризм, редкие эпические интонации и подчеркнуто сниженную, небезупречную речь бытовой, натуральной прозы». Такая оценка критики представляется уважительной, справедливой и точной. «Творя добро, не будем делать зла» — вот слова последней страницы, они завершают книгу, работу беспокойной и всеохватной творческой мысли педагога, солдата, поэта и писателя. Они завершают судьбу, потому что произнесены не в минуту благодушия и покоя. К ним поэт пришел не сразу. И сказаны они медленно, приглушенно, с болью и памятью о тех, на чью долю выпало так много борьбы и труда, суровых испытаний, с уважением к тем, кто являет непокорность злу и в другом времени, в других обстоятельствах.

Михаил БАЗАНКОВ

* * *

Ухнул снаряд —
И упал комбат.
Я вынес его из огня.
И с этого дня
Сколько лет подряд
Шумит в ушах у меня.

Сердцу хочется тишины,
А она все гудит, как струна.
Людям снятся мирные сны,
А мне до сих пор
Война.

* * *

The thud of an exploding shell
and the battalion commander fell.
I pulled him out of enemy fire
and ever since
I hear that noise.

My heart longs for silence
but the noise goes on droning
like the string of a musical instrument.
Some people dream peacefully
but with me, ever since then, it has been War.

ВСПОМНИМ ГОДЫ...

Вспомним годы непогоды,
Да походы, да бои,
Где с тобой в огонь и в воду
Шли товарищи твои.

Как летели дни, недели
Не у тещи на пиру.
Как шинели леденели,
Аж звенели на ветру.

Словно с братом, с автоматом,
Где ползком, а где броском,
Да с гранатой, да с лопатой,
Да с солдатским котелком

Пыль клубили, грязь месили,
Переплыли море бед.
И сломили вражьей силе
Становой ее хребет.

И под сводами рейхстага
Прозвучали на века
Наши песни про «Варяга»,
Про отвагу Ермака.

Евгений Стариков ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

В юности веселой, легкокрылой
У людей житейский опыт мал.
Твой отец не отличался силой,
Двухпудовых гирь не выжимал.

И старушки, за калитку выйдя,
Примутся, бывало, рассуждать:
— Скромен, тих, цыпленка не обидит.
В драке сдачу не сумеет дать...

Но когда над миром бомбовозы
Закружили стаей воронья,
Твой отец не прятался в обозе
И кривого не просил ружья.

РОВЕСНИКИ

А нас рожали под ракитами
Да и под радугой-другой.
А мы болели и рахитами,
Болели корью и цингой.

А нас родители без жалости
Будили рано поутру.
А нас шатало от усталости,
Как те былинки на ветру.

Весельчаки да балагурщики,
Росли привольны и ловки.
И наливались, как огурчики,
И закалялись, как дубки.

Мы и в полях пахали, сеяли,
В лугах косили и гребли.
Мы и на юге, и на севере
Родную землю берегли.

А под багряными зарницами
Сходились намертво с ордой.
И побывали за границами
Пилотки с красною звездой.

ШУШКОВО

Бывало, вспоминалось на войне
О детстве, о родимой стороне...
Кому куда, в какую даль и ширь:
Кому на Волгу, на Урал, в Сибирь,

Евгений Старшинов

Кому в Читу, кому в Алма-Ату,
А мне в Шушково, в деревеньку ту,
Где жили деды, прадеды мои,
Где в мае звонко свищут соловьи.
(Из книг узнал я в юности своей,
Что слово «шушка» значит «соловей».)

Шушково — это целая страна.
Пусть в атласы она не внесена,
Зато доподлинно известно мне,
Какие горы, реки в той стране,
Богатства недр, растительность, пути,
Места, где ни проехать, ни пройти.
Людей по старшинству и мастерству,
По имени любого назову.

В деревне этой семьдесят домов —
Бревенчатых сосновых теремов.
Гора посередине, и на ней
Часовня — память стародавних дней.
А около часовни, как утес,
Огромный камень словно в землю врос.
И мужики с неведомой поры
Об этот камень точат топоры.
А за деревней на востоке пруд,
Где женщины белье вальками бьют,
А за прудом — лесок. А за леском —
Зеленый берег, камешки с песком,
Где в зарослях ольхи и ивняка
Течет, струится Каменка-река.
А над рекою, выстроившись в ряд,
Из сказки гуси-лебеди летят.
На юге есть Бариловка-гора,
Куда зимой приходит детвора.
И я мальчишкой с той горы не раз
Промчался так, что искорки из глаз.
Невесть по мысли и догадке чьей
Весной здесь роют глину для печей.
Когда ж цветами отцветет весна,
От землянки вся гора красна.
Но одному бродить там не к добру:
Неровен час провалишься в нору.
Ведь всем известно, что на той горе
Медведица лежит в своей норе.
Антон блажной, угрюм и бородат,
Искал однажды там какой-то клад.
Но невзначай наткнулся на мешки:
Зерно зарыли в яму кулаки.
Все поняли: Антон был не дурак,
Но кулачью непримиримый враг.
А под горой другая есть река.
Она неширока, неглубока.
То — Кержа. Летом эту речку вброд

Евгений Стариков

И курица местами перейдет.
Но есть и в ней такие бочаги,
Что зачерпнешь в любые сапоги.
Здесь решетом с ватагою друзей
Я лавливал вьюнов и карасей.
И помнится, когда еще был мал,
Плотину у затона воздвигал.
Теперь в затоне том пастух Федот
В полдневный час поит колхозный скот.
Впадает та река не в океан,
В болото Берендеево. А там
Растет калина, жимолость, ольха,
Алеет клюква на подушках мха.
Блестят осоки длинные ножки,
Живут лягушки, змеи и ужи.
И бурого угля в болоте том,
По меньшей мере, сотни тысяч тонн.
Там, возле Весок, на краю земли
Приют себе находят журавли.

А к западу — на три версты леса,
Где певчих птиц не молкнут голоса.
Бакуны, Роща, Западь, Спасский лес
И зона пограничная — разъезд.
Здесь днем и ночью ходят поезда.
Один спешит — туда, другой — сюда.
Вот вздрогнул и поднялся семафор.
Сейчас по рельсам, яростен и скор,
Гудком пронзив и ветром окатив,
Железный прокатит локомотив.
Смотри, читай, смиряя нервный ток:
Москва-Чита, Москва-Владивосток.

Когда умолкнет, отгримит гроза,
Протри глаза и топай на вокзал.
Там есть начальник, как бубновый туз.
Красней, чем солнце, у него картуз.
Флагшток зеленый вынет из чехла —
Состав промчится мимо, как стрела.
А красный вынет — словно бы устав,
На отдых остановится состав...

Шушково — необычная страна.
Пусть в атласы она не внесена,
Но всех других она дороже мне.
Я сердцем присягаю той стране.

Галина Милова

Галина Павловна Милова родилась в Костроме 19 января 1911 года. После окончания техникума работала в геологической экспедиции в Сибири, затем в Костроме, на строительстве железнодорожного моста через Волгу, в редакции областной газеты. Первые стихи были напечатаны в 1934 году. Вышло семь книг. Член Союза писателей. Умерла в 1969 году.

«ПРИШЛА Я К ВАМ ЗА СЛОВОМ ЛАСКОВЫМ...»

Маленькая женщина с истончившимся седым венчиком косичек на голове, с выражением напряженного недоверчивого внимания в больших голубых глазах. Тонкую красоту лица гасят природная застенчивость и нажитая печаль. Общее впечатление чего-то неловкого, угловатого, плохо приспособленного к неистовым скоростям века.

Такой я запомнила Галину Павловну на пороге старости. Я никогда не видела ее молодой, но даже не читая ее стихов, могла бы представить, что нелегкие взаимоотношения ее характера с действительностью никогда не выстиали шелками ее жизненный путь.

Родилась Галина Павловна Милова в Костроме 19 января 1911 года. После окончания техникума работала в геологической экспедиции в Сибири, затем у себя на родине на строительстве железнодорожного моста. Потом — в редакции газеты «Северная правда». В годы войны вступила в партию. В 1934 году были опубликованы первые ее стихи. В 1951 году увидела свет первая ее книжка, незатейливо названная «Стихи». В 1957 году Галину Павловну Милову приняли в члены Союза писателей СССР. Всего при ее жизни издано семь поэтических книг: «Стихи» (1951 г.), «Добрые руки» (1953 г.), «Поэма о сыне» (1956 г.), «Когда мальчишке девять лет» (1958 г.), «Подснежник» (1960 г.), «Самоцветы» (1962 г.), «Дочь зимы» (1968 г.).

Стихи Галины Павловны можно назвать лирической летописью современницы Октября. В молодые годы поэзии ее свойственны романтическая приподнятость, устремленность вперед, навстречу ветрам и испытаниям. Ее лирическая героиня мчится на оленевой упряжке, «морозной дымкой повитая», а впереди у нее «надежд молодой океан». Общий настрой стихов — боевой, оптимистический, столь свойственный людям того огненного поколения. Она полновластная хозяйка кладов земли, она добра и мудра, хотя доброта ее сурова, а

нежность — колюча. «Мы обе с тобой своюенравны и колки. Не любят нас люди за наши иголки...» («Елка»).

Женщине, поэтессе, способной сказать любимому человеку: «Если хочешь — солнышко поклонится. Только я с поклоном не приду», — нелегко найти свое счастье. Она достойна многоного, но хочет абсолютного. Неизбежно драматическое столкновение желаемого и реального.

Душевная боль, смятение, непримиримость к мелочности и подлости — все эти чувства буквально захлестнули, смели бесхитростный лиризм и романтизм первых стихов Галины Павловны. В полный голос заговорила женщина, наделенная редким даром беспощадной к себе исповедальной откровенности стиха.

В лучших драматических стихах Г. П. Миловой почти отсутствуют картины знойного, сопутствующего зрелости, лета. Там — листопад, озабочная стужа, предзимье и волчья выюга: «Задушила б меня, распоятала бы. Где уж там! Не достанется ей ни одной, ни единственной жалобы, ни единой слезинки моей».

Настрой непокоренности злой судьбе, ощущение высокой женской гордости и противоборства всему, что калечит жизнь, особенно дорогого нам в лирике Галины Павловны Миловой.

Судьба ее лирической героини отразила боли и беды многих. Особенно хорошо это видно на примере «Поэмы о сыне». Это честный и чистый рассказ об одинокой матери, о несчастной любви, о проблемах взаимоотношения с миром и людьми, порожденных не только осиротившей многих войной. Любовь к сыну, «самому яркому самоцвету и бесценному сокровищу земли», со временем становится несокрушимой силой, перед которой бессильны все горести и напассти. Отсюда же, от неиссякающей щедрости сердца — стремление помочь страждущим людям в трудную минуту, сказать слова утешения «всем нелюбимым и забытым». Горение души, зрячая доброта освещают зрелое творчество Галины Павловны Миловой. Характерна для этого периода ее поэма «Баян» — о человеке, ослепвшем на войне, о его возвращении к людям, к жизни. К этому же периоду творчества поэтессы относится и пронзительный цикл стихов о матери, лучшее из которых «Суд».

Есть еще одна особая тема в книге «Самоцветы». Как золотые искры пирита в темной гранитной толще, вспыхивают они тут и там. Это не просто лирические зарисовки, выражющие какое-то, адекватное цвету камня, состояние души. Это — глубинный блеск чувства, добытый, как драгоценность, из самих глубин человеческого существа. Наравне со стихами о любви, материнстве, стихи о самоцветах — одна из важнейших граней тонкого лирического дарования Галины Павловны Миловой, к сожалению, столь рано от нас ушедшей.

И, конечно же, полноправно живет в ее стихах неяркая краса природы средней России, где «лесная пуща, как сон, тиха», где «почка вылетает из теплого гнезда», токуют тетерева, а зимой под ветром сорвется с крутизны береза, «и будет дымным прахом ее отмечен путь».

Что сказать еще? Да, стихи ее по форме просты и безыскусны. В наше сложное время кому-то эта простота может показаться бедностью. Они как васильковое платьице провинциалки среди изысканных туалетов Кардена на балу современной поэзии. Но за стихами этими — время, неповторимый голос ушедшего и чистота чувств.

Ольга ГУССАКОВСКАЯ

ПЕСНЯ О НИЗКОМ ПОКЛОНЕ

Налетела грозная бессонница
и любовь на крыльях принесла...
Пусть придет
и пусть тебе поклонится
все, чем я богата и светла.
Захочу —
и все вершины горные
пред тобой не сносят головы.
Прикажу —
и бури непокорные
лягут ниже скошенной травы.
Тополя весенние поклонятся:
для тебя им любо расцвести.
Молодые звезды посторонятся
с твоего победного пути.
Всей планеты щедрая наследница,
я несу дары свои, любя.
Прикажу —
и звездная медведица
зачерпнет полнеба для тебя.
Сила рек по новым руслам тронется,
и земля отдаст свою руду...
Если хочешь, солнышко поклонится.
Только я с поклоном не приду!

SONG ABOUT BOWING LOW

A terrible insomnia swooped down upon me
and brought on its wings Love.
Let it come!
And let everything bow down to you
that enriches and blesses me.
I'll wish that all the mountain peaks
will not hold their heads up high before you.
I'll request unruly storms
to lie lower than cut grass.
Spring poplars will bow down.
For you they will flower lovingly.
The young stars will stand aside
as you make your way to victory.
As the generous heiress of all the planets,
full of love, I bring you these gifts.
I will order even the Great Bear
to ladle up half the sky for you.
The force of the rivers will start up new channels,
and the earth will give up its ore.
If you wish, the dear sun will bow down.
Just don't expect me to bow down.

Талина Милова

ДОЧЬ ЗИМЫ

Ты не зови меня на юг.
Мне вдохновенье и отрада —
полярной бури трубный звук
и сосен звонкая прохлада.

Смотри, протягивают мне
свои литые лапы ели,
когда лечу я на коне
навстречу вздыбленной метели.

Что мне моря всех южных стран
с их ласковой голубизною,
когда таежный океан
шумит зеленою волною!

Люблю я снежные холмы,
леса, где бродит волчья стая.
Я северянка — дочь зимы,
морозной дымкой повитая.

Ты не зови меня на юг,
мой парус крепнет в пene вьюг.

ЛЮБОВЬ

Все в тишине.
Лишь там, где ночь темна,
не ожидая взгляда и ответа,
стучатся ветви в переплет окна,
как ласточки без крова и без света.

И в этот странный одинокий час,
когда дневная буря позабыта,
я посмотрела издали на вас
беспечно, прямо и открыто.

И помахала мысленно рукой,
как будто в путь-дорогу провожая...
Я не всегда умею быть такой,
быть другом, никогда не обижая.

Не каждый может быть самим собой.
И не легко нам удается это.
И часто мы идем с своей судьбой,
как путники без крова и без света.

И любят нас, но нам любовь горька.
Любили мы, но нас не замечали.
Любовь должна светить издалека,
светить через пространства и печали.

Талиха Милова

Ей тесен дом.
В тепле у очага
ей холодно, ей ветрено бывает...
Она тогда близка и дорога,
когда звездой вечерней упливает.

Когда в ночи, пуглива и нежна,
не ожидая взгляда и ответа,
стучится робко в переплет окна,
как ласточка без крова и без света.

ПРАСКОВЬЯ ФЕДОРОВНА

Прасковья Федоровна, здравствуйте!
Опять в Ярилины края
пришла я к вам за словом ласковым,
к живой воде вернулась я.

Нет, я не птица перелетная,
не гостья в вашей стороне...
Ваш дом сосновый всеми окнами
приветно глянул в сердце мне.

Открыта дверь для звона птичьего,
зовет широкое крыльцо.
И ветер русского величия
мне с торжеством подул в лицо.

Вхожу в просторы утра ясного,
как на горе, вдыхаю высь.
— Прасковья Федоровна, здравствуйте! —
И у порога обнялись.

— Бери рушник, садись, покушаем... —
И в хлопотах кружить пошла.
Гостеприимством и радушием
я тихий дом ваш назвала.

Я к вам пришла за словом ласковым,
как дар души его приму...
Прасковья Федоровна, здравствуйте,
сияйте,
хлопочите,
властвуйте
на радость нам
в своем дому!

ПОДСНЕЖНИК

Лесная пуща,
как сон, тиха.
Над светлой речкой
стоит ольха.
А под ольхою,
где солнца нет,
подснежник вышел
на вольный свет.
И был он ветром
ошеломлен.
Он так доверчив,
так хрупок он.
Вдыхал он свежесть

и в ней тонул.
И утомленный
в траве уснул.
Мой сын, мой
мальчик,
среди зимы
мне показалось,
что это — мы,
что бьется речка
из-подо мха,
что ты —
подснежник,
а я — ольха.

САМОЦВЕТЫ

Не все для тебя колыбельные спеты,
не все еще сказки из детства ушли,
но в быстрых ручонках твоих — самоцветы,
сокровища мира,
улыбки земли.

Алмазы в траве для тебя заблестели,
а вон земляника — рубиновый цвет.
К лесным ручейкам,
к малахитовым елям
ты ножкой упрямо печатаешь след.

Ты в завтра уносишь кристаллы вселенной,
нацелены в звезды твои корабли.
Из всех самоцветов ты — самый бесценный,
сокровище мира,
улыбка земли.

ПОСМОТРЕЛ ГЛАЗАМИ СИНИМИ

Посмотрел глазами синими,
чем я в жизни занята,
и увидел сердце в инее,
складки трудные у рта.

Заспешил,
притопнул валенком —
весь-то с чижика-птенца, —
подбежал,
ручонкой маленькой
хмурь и холод стер с лица.

СО МНОЙ

Иду.

Года идут со мной.

Друзья идут.

И шар земной
нас ветром обдаёт.

Какие звезды впереди?

Какие сыплются дожди
на наш круговорот?

Мне скажут:

— Вот опять она
все тем же помыслам верна,
пора бы и устать.

Мне скажут:

— Брось свои дожди,
сторонкой
ветры обойди,
седую прядь
пригладь.

Пора на мудрый пень присесть,
и годы счастье,
и звезды счастье,
и вычерпать луну...

А я

вот этих листьев лёт,
вот этот журавлиный брод
с лихвой зачерпну.

Я звезд хлебну
и обожгусь.

Пусть горечь в них,
и гнев,
и грусть,
и сила их грозна.

Я знаю их на вкус, на цвет.
Им счета нет,
предела нет.

Не бойся, пей до dna!
Пусть в уши свищут холода,
а под ногой хрустит звезда,
и гулко,
и темно.

Нет, осень, где тебе скрутить
того, кому на свете жить
в движенье суждено.

Иду.

Со мной друзья, хлеба,
и листьев бронза,
и судьба

страны моей родной.

Дождей не счастье,
путей не счастье.

Со мной светил далеких весть.
И шар земной
со мной.

ЗАВЕЩАНИЕ

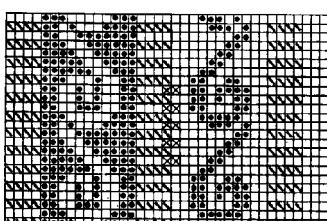
Что скажешь ты, мой друг,
когда меня не будет,
когда над головой моей
сомкнется черный круг
и всякие и разные
за жизнь меня осудят?
Что скажешь ты тогда
в мою защиту, друг?

Безмолвна буду я,
как сломанная скрипка.
Все кончено.

Теперь
пришла пора молчать.
Чем жизнь моя была?
Прозреньем иль ошибкой?
Не мне теперь судить,
каратъ
и отвечать.

Мне будет хорошо.
Так море после шквала
в покой погружено,
не дышит, не звучит.

Все тихо.
Все темно.
Гроза отбушевала.
И ты не защицай меня,
молчи, мой друг, молчи.
Мы в низких душах стыд
и совесть воскрешали.
И тошно было им.
Но ты их не кляни.
Мы были словом их,
спокойно жить мешали,
но верю, что добром
помянут нас они.

Виктор Волков

Большую половину жизни поэт провел «в ночном полете». Так он назвал одну из своих книг стихов. «В ночном полете» — это значит в непроглядной тьме. Война рано — со школьной скамьи — позвала его на защиту Родины. Война лишила зрения. И то, что совершил он будучи незрячим, равносильно подвигу. Он заочно овладел письмом по Брайлю. После выхода в свет первой книги стихов «Испытание» (1956 г.) приобрел печатную машинку и научился печатать. Жил Виктор Волков в селе Адищево Островского района Костромской области. И все события послевоенной жизни не просто прошли перед его мысленным взором, а близко коснулись его сердца и нашли отражение в стихах, непрятательных и волнующих.

* * *

Лихолетья Великой Отечественной пробудили к жизни творческий потенциал сотен и сотен фронтовиков. Не всегда их книги отмечены безусловной поэтической выразительностью, но правда действительности, искренность переживаний, конкретность деталей — впечатляют читательское воображение и заставляют сопереживать, размышлять, определяться в собственной гражданской позиции.

Костромич Виктор Сергеевич Волков родился в 1922 году, работал речником в Кинешме, здесь же перед войной закончил аэроклуб. Курсантом военного авиационного училища осенью 1941-го обороны Москву. Сражался с врагом на Воронежском и Первом Украинском фронтах, на огненной Курской дуге. В августе 1943-го осколок фашистского снаряда навсегда лишил В. Волкова зрения.

Я отдал небо голубое,
Весенний солнечный рассвет.
Сквозь ночь иду в разведку боем,
И мне иной дороги нет.
Ни за город, ни за лесами
Не встретить мне сиянье дня.
Но вы веселыми глазами,
Друзья, смотрите за меня!

Спустя десять лет бывший летчик вступает в ряды КПСС, издает три сборника стихов и становится членом Союза писателей СССР. Награжден многими орденами, медалями.

Сегодня среди нас нет мужественного человека Виктора Сергеевича, но ветераны далекой уже Отечественной и писатели-костромичи, объединенные желанием продлить земное пребывание своего земляка, мечтают издать посмертную, пятую по счету лирическую книгу поэта Волкова. Его стихи учат любви к Родине, верности солдатскому долгу и радости жизни.

Нина СНЕГОВА

* * *

Отшумели весенние грозы...
Что ж!
Я с ними, пожалуй, в ладу.
Снова шепчут листвой березы,
и черемух пороша в саду.
Вот и дожил до теплого лета
после снежной, студеной зимы.
Хоть опять не увижу рассвета,
что придет из полуночной тьмы.
Все равно мне отрадно и мило
сознавать, что на свете живу,
что глубокая ночь не затмила
теплый дождик в весеннем саду.

* * *

The spring thunderstorms have rumbled off.
It's a pity.
But I still feel in harmony with them.
The birch leaves are whispering again
and the bird cherry trees are like
new fallen snow in the garden.
See, I've even survived the frigid winter snows
until summer's warmth arrived.
Although I will never again see the dawn
that arrives out of the midnight dark,
all the same it's comforting and precious to me
to realize that I'm still alive,
that the depths of the night haven't overshadowed
the warm rain in the spring garden.

* * *

Я отдал небо голубое,
весенний солнечный рассвет.
Сквозь ночь иду в разведку боем,
и мне иной дороги нет.

Ни за горой, ни за лесами
не встретить мне сиянье дня.
Но вы веселыми глазами,
друзья, смотрите за меня!

Виктор Волков

* * *

Теплый сумрак, синий дым
Над черемух белой пеной...
Мы с тобой вдвоем сидим
И молчим проникновенно.

Тихо шепчется волна
С сонным берегом у брода.
В черном омуте луна
Пьет серебряную воду.

Вдруг неслышно на крыльцо
Золотым упала слитком...
Где-то звякнуло кольцо,
Робко скрипнула калитка...

Теплый сумрак, синий дым,
За селом в долу зеленом...
Хорошо быть молодым,
Да к тому же и влюбленным.

В АЭРОКЛУБЕ

Под ногами булыжник серый,
по четыре шагаем в ряд.
Я по росту в шеренге первый,
и, конечно, чертовски рад.

Километр с небольшим,
не более,
мы сегодня в строю идем.
Ждет нас в ближнем ячменном поле
наш учебный аэродром.

А в ангаре,
открытом настежь,
Зачехленный стоит «ПО-2».
— Вот знакомьтесь!
Протрите!
Смажьте! —
Командира звучат слова.

Фюзеляж,
до хвоста протертый,
блещет, — пятнышка не найти!
— Ну-ка быстро,
бегом в каптерку:
да «компрессию» принести!

Виктор Волков

Я теорию знал неплохо.
Но такое тогда стряслось...
Возвращаюсь ни с чем под хохот,
раздосадованный до слез.

Наш инструктор смеется тоже:
«Что, попался, брат, на крючок!»
Это с каждым случиться может,
Но отрадно, что не «сачок».

Так знакомимся с самолетом.
Ни обид и ни лени нет.
И гордимся своей работой
Мы, пилоты в семнадцать лет.

* * *

Когда нас «юнкеры» бомбили
И шла на нас фашистов рать,
О, как мы жизнь тогда любили
И не хотели умирать...

К земле прижатый иль пригнутый
На рубеже смертельном том
Солдат, я думал в те минуты:
Меня убьют, а что ж потом?

Потом в воронке закопают,
Как все отдавшего сполна...
Но было горько: не узнаю,
Когда же кончится война...

* * *

Боль в глазах... Свистящее дыханье...
Ночь без звезд, без проблеска огня,
Подавляя шаткое сознанье,
Ополчились грозно на меня.

В голове проносится виденье...
Вот лечу в заоблачный простор;
Словно сердца ровное биенье,
Безотказно действует мотор.

А в палате солнышко сияет.
Далеко тревожное вчера.
И в заботе голову склоняет
Надо мной дежурная сестра.

Виктор Волков

О ЛЮБВИ

Зацветут сады под солнцем мая,
Снова я покоя не найду.
День и ночь влюбленные ломают
У меня черемуху в саду.

Отлучись —
ватаю ворвутся,
От любви отвагою горя,
Невзначай до вишен доберутся,
Обломают, сгубят, разорят...

Всем горевшим от любви пожарищ,
Как друзьям,
мне хочется сказать:

Полюбил —
люби себе, товарищ,
Но зачем черемуху ломать?

* * *

О память, о добрая память,
С тобою я рядом иду,
Деревьев зеленое пламя
Бушует в соседнем саду.
О, сколько невиданных бедствий
Родная земля приняла...
И, память, в веселое детство
Ты снова меня привела.
Забросивший школьные книжки,
Босой, никому не в вину,
Я снова вихрастый мальчишка
С дружками играю в войну.

* * *

Что-то холодно,
Холодно что-то,
То ли осень,
То ль старость пришла...
Не грусти, дорогая, что ты?
Ведь не так еще плохи дела.
Еще живы, и слава богу,
Как у нас на Руси говорят.
А что вязкою стала дорога,
И дожди третья сутки подряд,
И что пишут теперь нечасто
Дочь и сын наш, военный моряк, —
Будем ждать, будем верить в счастье,
Ведь у всех у живущих так.
Сяду, снова возьмусь за работу:
Есть заботы, и есть дела...
Только холодно,
Холодно что-то, —
То ли осень,
То ль старость пришла.

Виктор Волков

* * *

Мне не легко стихов писанье,
Оно пиленью дров под стать.
Ушли иные в созерцанье, —
Мне ж просто нечем созерцать.

Им, созерцателям природы,
Писать пейзажи по душе...
А я сижу не дни, а годы
Под артналетом в блиндаже.

* * *

Благоухает разнотравье,
И клевера, и рожь цветет.
А дождь стучит, как мелкий гравий,
И в стекла, и по кровле бьет.

А молний яркие зигзаги
Глотают тьму в ночном окне.
В такой кромешной передряге
Не раз бывать случалось мне.

Мне хорошо, и знаю, прав я:
Пускай сквозь ночь гроза идет, —
Благоухает разнотравье,
И рожь в полях уже цветет.

* * *

Опять повис туман седой
Над речкой и болотами.
И я опять с своей бедой,
С житейскими заботами.

Я инвалид, устал просить,
Ходить к начальству кланяться.
Вот сена — нынче накосить
Жене одной достанется.

Помочь ей некому, а я
Ее обуза горькая...
Туман вон там, возле ручья,
Как бы чадит махоркою.

Виктор Волков

* * *

Теперь я знаю, все теперь мне ясно,
И на душе осенний холодок...
Я жду покорно, жду поры ненастной,
Уставший в неизвестное ходок.

Да, я устал, и в этом вся причина,
И в этом мой единственный изъян...
Не по летам стареющий мужчина,
Плетусь я лунным светом осиян...

Уже пора, и скоро быть отбою,
Мы незаметно отойдем ко сну...
И пусть мне вечно снится голубое,
Хочу войти я навсегда в весну.

* * *

Тепло души я раздарил прохожим,
Как полевые терпкие цветы...
Я для других в стихах тревожно прожил
Не знающим душевной пустоты.

Что ж, я восполнил страшную потерю
Своей борьбой, дерзаньями в труде.
И нынче в силы собственные верю
И не поддамся никакой беде.

И вот теперь в душе похолодало,
Тепло шальные выдули ветра...
Но я в дороге, путник запоздалый,
Не знаю сам, дойду ли до утра.

* * *

Сегодня ночью ветер выл тревожно,
Как пес бездомный воет не к добру...
И мне в моей распутице дорожной
Привиделась осина на юру.

Она скрипела и стонала дико,
На ней пожар багряный догорал...
Не потому ль в смятении великому
Народ ее проклятою назвал?..

И жутко мне, и на сердце тревога.
Под грустный вой я не могу заснуть.
И слышу я, как кто-то от порога
Идет один уже в последний путь.

Николай Колотилов

Николай Федорович Колотилов родился в д.Хорупино Ярославской области 27 ноября 1919 года. Окончил техникум, служил в Советской Армии, участник войны, был в плену. Работал в редакциях газет и на радиовещании. Многие годы жил в г.Нерехте. Член Союза писателей. Автор шести поэтических книг. Очерки, стихи печатались в окружных военных газетах, в местных и центральных изданиях. Умер в 1967 году.

ПОЭТ О ПОЭТЕ

Если бы предисловия к поэтическим сборникам было принято писать стихами, разговор я начал бы словами:

Он действительно был колючим —
Нашей правды насущный хлеб.

Перечитывая знакомые мне стихи и вдумчиво вчитываясь в строки не публиковавшихся ранее стихов, я думал вот о чем.

В годы войны на фронте нередко было так. Вместе с тобой в одном строю шел солдат. Он, казалось, так же, как и другие, как и ты сам, изнемогал и обливался потом на марше, так же, коченея от холода и приплясывая у костра, выжимал портянки, так же чистил автомат, ел, обжигаясь, кашу из котелка, захлебываясь криком «ура» и стреляя на ходу, ходил в атаки. Но вдруг смерть вырвала его из боевых рядов. И ты сразу как будто прозрел и понял то, чего не понимал прежде. Нет, не так изнемогал он на марше, как другие, а больше. И не так надрывался, как его друзья, а гораздо сильнее. И все-таки не унывал. И кричал «ура», и вел прицельный огонь не так, как другие. Он во всем был самобытен и неповторим. И утраты переживал глубже, и за всякое дело брался горячее, и ругался злее, и отдавался главному весь, без остатка. Потому-то и тяжела такая утрата, потому и совесть твоя неспокойна: не предостерегли, не уберегли, не сумели при жизни оценить по достоинству...

А теперь — о самом авторе и его книге.

Николай Федорович Колотилов родился в 1919 году в деревне Хорупино Даниловского района Ярославской области. «В сорока verstах от Ярославля, в тридцати пяти от Костромы», — как он писал в одном из стихотворений о своем трудном деревенском детстве. Работал в основном тоже в деревне: то завклубом, то литсотрудником районной газеты. А главное — жил деревней, ее радостями и бедами, ее думами и заботами. Поэтому мало сказать, что все события послевоенной жизни верхневолжской деревни прошли перед его глазами, они непосредственно коснулись его и прошли через его легкоранимое, чуткое сердце. И хотя последние годы жил в городе Нерехте Костромской области, связи с деревней он не терял.

В поэме «Мастера» автор сталкивает в остром конфликте двух братьев-горшечников: Степана, работающего на совесть по велению души, и Егора, работающего по принципу «тип-ля». Характерно, что когда Егор по сути дела пришел к «разбитому корыту», Степан, от лица которого ведется рассказ, «потужил», но «не мог простить родному брату». Это неприятие христианского всепрощения и утешительства вообще было характерно для Николая Колотилова как в жизни, так и в творчестве. В другой поэме, еще более острой, сталкиваются в непримирийной борьбе колхозный тракторист Аркадий, радеющий об общем благе, и его тесть Егор Афанасьевич Глебов, превыше всего ставящий свои частнособственнические интересы. Автор не сделал, как многие поэты в ту пору, идиллической концовки. В финале поэмы Егор Глебов своему зятю грозит с телеги костлявым кулаком.

Колхозной деревне он посвятил лучшие свои стихи. А те люди, которые кормят и одевают всех нас, — его герои и судьи, которым он верит беззаветно. Он негодует, когда встречает на пути хапугу-казнокрада, когда «дрогнет сердцем чутким коллектив» перед распустившим нюни преступником и возьмет его на поруки.

Поэт горд за людей, которые с рассвета дотемна ведут бой за урожай и уводят в рейс космические корабли; которые коряпят по ночам над конспектами и по первому зову спешат на помошь другу, попавшему в беду.

Поэт нетерпим к тем, кто самочинствует, хамит и упивается властью, кто трусливо угодничает и ловчит, лицемерит и сеет вздорные слухи, вроде сплетницы Мавруши, которая

По замочным рыщет скважинам,
Под окном дрожит на стуже,
Чтоб увидеть, какова жена
У ответственного мужа...

Умение увидеть за рядовым явлением действительности его социальную суть и лаконично выразить ее и отличает стихи Николая Колотилова, и возвышает их над стихами многих современных поэтов.

К доброму и приветливому Колотилову тянулись молодые авторы за советом, за творческой помощью. Он мог им простить смысловую неточность, но не прощал словесного трюкачества, забвения главного — гражданской позиции автора. О своем же творчестве мог бы сказать словами героя-художника:

Я ж писал отнюдь не для Америк тех,
Не для прочей модной заграницы —
Для трудяг таких, как в нашей Нерехте
И в селе на речке Солонице.
Для солдат под грозными орудьями,
Для друзей Гагарина с Титовым...
Только их беру своими судьями,
Никну перед их суровым словом!

Особенно вдохновенно и проникновенно свою сопричастность к героическим делам и думам, к труду и борьбе земляков-современников Николаю Колотилову удалось выразить в последних стихах. В этих стихах, оптимистических в своей основе, читатель заметит немало и скорбных нот, не свойственных предыдущим стихам поэта. И это естественно. Стихи о героических буднях здесь перемежаются с пронзительными строками лирических раздумий поэта о времени и о себе, о преемственности поколений. Как будто предчувствуя свою преждевременную кончину, написал он кровью сердца большинство последних своих стихотворений, вселяющих в нас суровое мужество и сознание величия нашего общего дела.

Евгений СТАРШИНОВ (1969 г.)

ТОМУ, КТО БОИТСЯ КРИТИКОВАТЬ

Если где увидишь непорядки,
Не ропщи с оглядкой за углом,
Не играй с душой своею в прятки,
Смело бейся с недобитым злом.
На тебя посыплются нападки,
Припекут, возможно, и до слез.
Не побей: в любой жестокой схватке
Правда Кривде утирала нос.

FOR ANYONE WHO IS AFRAID TO CRITICIZE

If you see something that's not right,
don't grumble about it where no one hears you.
Don't play hide and seek with your heart.
Fight boldly when Evil isn't yet beaten down.
Attacks will rain down on you,
will scorch you, possibly bring you to tears.
Don't be afraid: in any cruel fight,
for Injustice always ends up sniveling,
and it is Truth that wipes its nose.

СТРОГИЕ ВОПРОСЫ

Холодная вечерняя заря
Глядит в окно.
И я, прияя с работы,
Сорвал последний лист календаря.
Уходит год...
И стало грустно что-то.
С чего грустить?
Моей родной стране
Побед и счастья мало ли принес он!
Моей стране, а стало быть — и мне.
Однако ж я в тревожной тишине,
Волнуясь, задаю себе вопросы:
— А лично ты
При книжке трудовой
Не прожил ли постыдным иждивенцем?
— Как будто нет:
Работник рядовой,
Кипел я в бурном деле деревенском,
Как от дождя, от пота промокал,
Знал боль в спине,
Знал на руках мозоли, —
Усталости своей не потакал,
Не притворялся, лености мирволя.
— Ну а плодами личного труда
Доволен? Нет?

Николай Колотилов

— Я сделал так немного...
Год шел и шел, а я вот не всегда —
Да, не всегда! — шагал с ним четко в ногу.
Случалось так:
С дружками шумным днем
Толчем, как говорится, воду в ступе.
А день пройдет — его уж не вернем,
Ни за какие ценности не купим.
— Еще скажи:
Помог ли ты в году,
Не устрашься служебных осложнений,
Кому-нибудь, попавшему в беду
По воле чьих-то низких побуждений?
Всегда ли ты был честен, справедлив?
Не поводил ли ты по ветру носом?

И через год задам, коль буду жив,
Себе такие ж строгие вопросы.

ХОРУПИНО Сестре Шуре

Снова взгляд в Хорупино направлю,
В ту деревню, где родились мы,
В сорока verstах от Ярославля,
В тридцати пяти от Костромы.
Там, в тех дальних, в тех годах двадцатых
Сделали мы первые шаги.
Все поля, болота и леса там,
Все луга, овраги, бочаги
Наша голодранистая, смелая
И всегда горланистая рать
Тщательней геологов сумела
Исходить, излазить, изнырять...
Это праздным не было шатаньем —
Мы, считай, с шести сопливых лет
Сами добывали пропитанье —
Свой колючий, свой тягучий хлеб.
Было в нем овсянки и картошки
Втрое больше, чем ржаной муки.
Но
    как ели — не оброним крошки! —
Эти, словно камни, колобки!
Эти, как резина, опекушки!
И к лесной опушке — всей гурьбой,
Чтоб корзины, полные — до дужки —
Ягод, иль орехов, иль грибов,
Принести и — на добычу снова...
В лес ходили по три раза в день!

Николай Колотилов

Лес, что называют Сутыревом,
Сколько спас от голода людей!
Вымерло б Хорупино, пожалуй,
Поросло крапивой и... быльем,
Если бы грибами не снабжал он,
Ягодой, орехом и корыем.
Этот лес, привольный и богатый,
Забывать, сестрица, не моги:
Мы с тобой
в нем сделали когда-то
По сучкам, по кочкам по мохнатым
Трудовые первые шаги.

СЛУЧИЛОСЬ ТАК

Случилось так:
Я выпил ковш обрата,
Что привезли на ферму для телят...
О мама, мама! Как была добра ты!
Для нищих всех была ты —
сущий клад.
Вся братия страдающая знала —
В Хорупине найдется ей ночлег.
Каких у нас в дому ни почевало
Слепых, придурковатых и калек,
И тех, что на родную шли сторонку
Из дальних поселений, лагерей...
Не спросишь документов — и заслонкой
Гремиць...
— А ну-ка, душу обогрей...

Всем рада, как сестре родной, как брату,
И раскалим времянку добела.
Но — щедрая —
меня за ковш обрата
Как строго ты за шиворот взяла!
— Таисья сроду не была воровкой...
Чтоб ты уродом вырос — не хочу!
— Никто ж не видел... —
Тут она веревкой
Ожгла и по рукам, и по плечу.
— Кто видел? Я!
Проси, стервец, прощенья... —
Да вместе и заплакала со мной.

...Навек доярки-матери ученье
Запомнил я... Спасибо ей, родной.

Николай Колотилов

ДАВАЙ ПОТОЛКУЕМ

Давай потолкуем...
 Ты вряд ли сам
 Об этом расскажешь толково.
 В леса,
     на болота
 Спускался десант
 В окрестностях древнего Пскова.
 Ты прыгнул.
 Толчок.
 Над твоей головой
 Раскинулся шелк парашюта.
 Вздохнул.
 Осмотрелся:
 Как будто живой.
 И в ту
     вихревую минуту
 Твой друг,
 Твой ровесник,
 Твой близкий земляк
 Летел над тобой, словно камень...
 Ты глянул.
 Ты замер.
 Ты силы напряг.
 Рванулся к нему
 И — руками
 За стропы вцепился.
 Пусть ногти сорвал.
 Пусть кровь из ладоней струилась,
 Ты боли не чувствовал.
 Ты ликовал:
 Все
 Так хорошо
     получилось —
 Ты спас,
 Ты не выпустил друга из рук.
 ...Уже за туманы ушло то
 Сурое время...
 Вдруг
     видишь: твой друг
 Стал падать в иное болото.
 В пучину, что может навек засосать...
 Его
     от лихого паденья,
 По правде сказать,
 Ты пытался спасти,
 Но так, без особого рвенья.
 Плечами пожал: виноват, дескать,
     сам.
 Такому не впрок чувство локтя.
 Не спорим:
     виновен.
 Но вспомни десант
 И ногти,
 Свои потемневшие ногти.

ЕГО МЫ ЗНАЕМ С ДАВНИХ ПОР

Его мы знаем с давних пор.
 Он с высоты политики
 Дает р-решительный отпор-р
 Ему опасной кр-ритике.
 Кто возразит ему слегка,
 На тех с остер-рвенением
 Он, словно угли из совка,
 Посьплет обвинения:
 «Да как ты смел р-ревизовать
 Законные р-решения!
 К пор-рядку следует пр-ризвать
 За эти выр-ражения».
 Сперва кулацких подпевал
 Он видел в возрастающих.
 На тех, кто рот свой открывал,
 Глядел он угрожающе.
 «В Сибир-рь, дружок, на Колыму
 Поехать не хотите ли?»
 Кругом мерешились ему
 Наёмные вредители.
 Потом быка брал за рога:
 Тех, кто его оспаривал,
 Он кличкой «пр-прихвостень врага»,
 Как щелоком, ошпаривал.
 Когда ж год памятный прошел,
 Он — просто удивительно! —
 Того гр-ромил за пер-ресол,
 Кто вел себя сверхбдительно.
 Потом, когда пришла война,
 Он рьяно «агитировал».
 Кричал: «Твоя рука видна!
 Ты что засаботир-ровал!
 Кривую линию ведешь
 На нашем заседании.
 На поводу на чьем идешь?
 Чье получил задание?»
 Когда ж пришел войне конец,
 Он шел тропой проторенной —
 Кричал-рычал: «Замр-ри, юнец!
 На чьей жил территории?»
 Он не унялся и сейчас:
 Со всей категоричностью
 Изобличить умеет нас
 В пор-роках культа личности.
 Взрываясь, словно динамит,
 С улыбкою довольную
 Он всех безудержно клеймит
 Системой травопольною.
 ...Известен вам подобный тип?
 Хотя он и выводится,
 Но кое-где еще прилип,
 Дышать мешает, как полип...
 Что ж... выжигать приходится.

ОДНОМУ ИЗ МОДНЫХ КОЛЛЕГ

В стихах моих Вы встретите гримасою
Присутствие некрасовского стиля.
Ах, сколько, мол, серятины, дерьма суют!
Уж лучше бы в корзинку их свалили.
Вполне согласен с Вашей резкой визою!
Я сам об этом очень беспокоюсь:
Согласен я, что в лирике, как в физике,
Неутомимый требуется поиск.
Но... лучше быть похожим на Некрасова,
Быть лучше старомодным совершенно,
Чем недругам страны своей подплясывать,
Новаторства искать в больных душевно.
Он, мой земляк, скорбел судьбою Родины,
Стихи его слезой лились и кровью...
А Ваши модернистские уродины
К народу ли проникнуты любовью?
Иль мизерным хотя бы уважением?
В понятии не держите такое —
Своим литературным положением
Ваш налощенный брат обеспокоен.
И Вы у тех прослыть хотите гением,
Кто лезет перед Западом из кожи.
А им такое дай смехотворение,
Которое ни на что не похоже:
Ни складу чтоб, ни знаков препинания,
А в смысле — мрак, осенний вечер мглистый...
И Вам народным кажется признанием
Истощный рев завязтых коктейлистов.
Не заблуждайтесь! Те, что яро хлопают,
Любую плесень с диким визгом слизут,
Любую пакость без разбора слопают,
Лишь пахла бы Нью-Йорком иль Парижем.

(Россия-мать! Престиж твой возвышается.
В восторге мир от нашей бурной нови.
Но саламандры бойко размножаются...
И я, страна, частично в том виновен,
Что мало заливаю скипидару я
За их пятнистую расхоленную шкуру...
И вот, как видишь, наношу удары я
По одному из ихних трубадуров.)

Юрий БАРАНОВ

Война, суровую неизбежность которой Юрий Баранов с удивительной для его возраста прозорливостью предвидел, застала его студентом геофака Ярославского педагогического института. Пришлось оставить учебу и пойти работать на оборону в литейный цех завода. Призванный в армию, воевал под Калинином, учился во Владимирском военном училище, курсантом принимал участие в боях за Тулу, снова учился. А в июне 1942 года командир взвода 267-й стрелковой дивизии лейтенант Баранов погиб в боях под Новгородом. Ему было двадцать лет.

Евгений СТАРШИНОВ

* * *

Под ногами клонятся травы,
Мы идем выполнять приказ.
Ты меня не имеешь права
Забывать в этот грозный час,
Потому что здесь пули свищут
И какая-нибудь из них,
Может, сердце мое отыщет
И убьет неоконченный стих.

* * *

The grass is bent down by our feet.
We're under marching orders.
You don't have the right
to forget me in this terrible hour
because bullets are whistling here,
and one of them maybe will find my heart
and kill my unfinished verses.

ПЕСНЯ О ПТИЦЕ

Открыты для птицы
Любые границы,
Она куда хочет летит:
На Нил и на Конго,
И на Амазонку.
Летит и в Париж, и в Мадрид.
Не тайна для птицы,
Что в мире творится.
Где мир посетила война,
И где наводненье
И землетрясенье, —
Все может разведать она.

О, если бы в птицу
Я мог превратиться!
Направил бы я свой полет
Туда, где так смело
За общее дело
Воюет испанский народ.
Открыты для птицы
Любые границы,
Она куда хочет летит:
На Нил и на Тахо,
Туда, где без страха,
Стоит осажденный Мадрид.

СЕГОДНЯ ОНИ БЕРУТ БАРСЕЛОНУ...

Вздымаются к небу проклятья и стоны,
В огне вся страна горит...
Сегодня они берут Барселону,
А завтра возьмут Мадрид.
От дыма пожаров померкло солнце,
Фашисты идут стеной.
Отвага и мужество каталонцев —
Под их броневой пятой.
И варвары эти свирепы, как волки.
Пустыней черной легли
Поля, виноградники и поселки
Прекрасной испанской земли.
И минут эту землю фашистов колонны...
Чего же ты, мир, глядишь?..
Сегодня они берут Барселону,
А завтра возьмут Париж!

РАЗЛИВ

Под мостом несутся волны,
Весенним звоном звенят.
Плыют смоленые челны,
Как тысячу лет назад.
В радуге брызг и красок,
Рассыпанных на волнах,
Люди из старых сказок
Стоят с баграми в руках.
Их бороды ветер гладит,
Брызгами обдает...
На них набегает сзади
Кипящий водоворот.
Взлетают челны с размаха
На пенный гребень волны...
Но люди не знают страха,
Они ловки и сильны.
Мне кажется, что вскормила,
Взрастила этих людей
Упрямая древняя сила
Былинных богатырей.

Юрий Барахов

* * *

Ой, какие светлые дали,
Ой, какой голубой разлив!
Только я сегодня печален
И поэтому молчалив...
Скоро мир, что широк и розов,
Превратится в кромешный ад.
Скоро крылья чужих бомбовозов
Голубое небо затмят.
Где-то первый залп всколыхнется,
Где-то вспыхнет первый пожар.
Кто-то первый в землю уткнется,
Кто-то примет первый удар.
Позабудьте сказки и были
И не тешьте себя мечтой, —
Войны, все, которые были,
Перед этой будут — ничто.

Будет враг разбит и рассеян,
Но какой жестокой ценой.
Долго будет плакать Россия,
Вспоминая великий бой.
Сколько нас погибнет в сраженье!..
А годов через сорок пять
Наше светлое поколение
Будут с гордостью вспоминать.
Но, — прекрасно все понимая,
Но, — готовый идти на рать,
В этот солнечный вечер мая
Я совсем не хочу умирать.
Вот поэтому я печален,
Вот поэтому я молчалив.

Ой, какие светлые дали,
Ой, какой голубой разлив!..

Александр Часовников

Александр Михайлович Часовников родился в Москве 7 октября 1912 года.

В период гражданской войны, разрухи и голода в поисках хлеба мальчику пришлось скитаться по разным городам страны. По окончании средней школы работал токарем на авиационном заводе в Москве, затем на фабрике им. М. В. Фрунзе в многотиражной газете. С 1930 по 1933 годы занимался в литературных объединениях при журнале «Огонек» и при оргкомитете Союза писателей СССР, учился

в Московском педагогическом институте. На это время приходятся первые публикации молодого поэта в ряде столичных журналов.

В 1933 году по клеветническому доносу был осужден и безвинно нес наказание на стройках Карелии и Дальнего Востока. После освобождения в конце 1940 года приехал в Кострому, где стал жить и работать. А. Часовников — участник Великой Отечественной войны. За проявленные мужество и геройство отмечен правительственные наградами. Во время войны его стихи печатались в дивизионных и армейских газетах. Песни на его слова исполнялись армейскими ансамблями, их пели солдаты в походах. На фронте в 1945 году был принят в члены КПСС.

После войны вернулся в Кострому, работал в газетах «Молодой ленинец» и «Северная правда». В 1961 году принят в Союз писателей.

При жизни поэта вышло в свет более десяти поэтических сборников. Его перу принадлежат очерки и повести, рассказывающие о людях интересных и непростых судеб, литературоведческие работы, посвященные творчеству А. Н. Островского и Н. А. Некрасова.

Жизнь поэта оборвалась 20 апреля 1979 года.

Н.В. ЧАСОВНИКОВА

СЛОВО

Волга, иволга и таволга,
Зверобой, разрыв-трава,
Медуница, клевер, радуга —
Незабвенные слова.

Пусть метель в полях куражится.
И мороз леса знобит...
Слово к слову — строчка вяжется,
То смеется, то скорбит.

Добрым словом строчка полнится,
Строчка в холод плавит лед.
Слово друга долго помнится,
Если за сердце берет.

WORD

Volga, oriole, and meadowsweet,*
St. John's wort, break apart herb,**
lung wort, clover, rainbow.
Unforgettable words.
Let a blizzard swagger in the fields
and frost give the forest chills.
Word to word the line is tied together.
Now it laughs, now it grieves.
A good word makes the line.
A line can melt ice.
The word of a friend is remembered
for a long time if you treasure it in your heart.

* The first three Russian words all have Volga in them. Oriole is ivolga, meadowsweet is tavolga.

** Break apart herb is an herbal remedy considered useful for getting the person you love to lose interest in someone else he/she has fallen in love with.

МЕТЕЛЬ

Нам идти далеко...
Окружили снега ворохами,
Навалилась метель,
Холодных холмов намела.
Далеко до села
С огоньками, с теплом,
С петухами...
Хорошо бы дойти
До такого села,
Чтобы тело распарить
На ласковой,
Теплой лежанке,
Чтоб солдатский сухарь
Раздобрел
Под крутым кипятком...
Ни дорог, ни огня,
И не пахнет жильем
И стоянкой —
Все закрыто
Махровым, шершавым
Метельным платком.
Мы идем по сугробам
Под злые
Налевы метели.
Ей — кружить и блуждать,
Нам шагать в темноте
Без дорог.
Наша каски, шинели
В снегу поседели...
Устоим,
Победим
И не свалимся с ног.

Александр Часовников

ПОБЕДА

Где ты, черная сила,
Кромешная мгла?
Победила Россия,
Мглу лучами прожгла.
На земле просветело,
Зеленеют поля.
Шла за правое дело
Россия моя.
Слышу, ветры спросили,
Пролетев вдоль села:
— Сколько раз ты, Россия,
Солдаткой была? —
Отвечала Россия:
— Много лет, тыщи дней.
Грозы, вихри косили
Моих сыновей.
Нет числа моим бедам,
Враг терзал меня, жег.
До железной победы
Путь кровавый пролег.

ПО НЕКРАСОВСКИМ МЕСТАМ

За лесами, за озерами —
Костромской брусличный край.
Ходит талыми просторами
Добрый дедушка Мазай.

Лапотки на нем добротные,
Из холстины патронташ.
Низко — птицы перелетные...
— Ну-ка, старый, не промажь!

Оглянулся, а за ивою
Барин целился в чирка.
Ружьецо с насечкой дивною,
Два курка и два замка.

— Надо уток бить умеючи,
Знай охотничий закон.
Николаю Алексеичу
Мой приятельский поклон!

И пошли они болотами
По заречной стороне,
Били птицу мимолетную,
Толковали о весне.

Александр Часовников

Старый шутки перебрасывал,
Поговорок много знал.
Рассказал Мазай Некрасову,
Как в разлив зайчат спасал.

Рассказал Мазай о голоде:
— Вышел летом недород.
Мужики в отходе, в городе,
На поденке круглый год.

Ой, горька судьба крестьянина,
В батраки пошли сынки,
Кто на фабрике Брюханова,
Кто подался в бурлаки.

Всем нужда суму повесила,
Видно, век ее носить.
Не вольготно и не весело
Жить крестьянам на Руси.

На работу выйдем с зорькою,
А едим-то лебеду.
Напиши про горе-горькое,
Про мужицкую беду.

Наше счастье, где ты? Близко ли?
Тьма кромешная кругом... —
По проселку шли до Мискова,
Завернули в крайний дом.

А к деревне через ельники
По дороге столбовой
Подходили коробейники
И народ мастеровой.

От поклажи ноют спинушки.
Коробейники — к крыльцу.
Улыбнулась Катеринушка
Удалому молодцу.

В тихом доме пахнет солодом,
Закипает самовар.
Коробейники из Вологды
В Кострому несут товар.

Под хмельком они баухалятся:
— Не обманешь — не продашь! —
Смотрят косо, им не нравится:
Барин все — на карандаш...

Вечерело. Смолкла улица.
Затрецтал в углу сверчок.
А поэт сидит, задумался,
Уронил под стол листок.

Александр Часовников

Подняла его молодушка,
Строки складные журчат:
«Ой, полным-полна коробушка,
Есть и ситец, и парча».

Засияла, словно солнышко,
Свет ласкающий в очах...
«Пожалей, душа-зазнобушка,
Молодецкого плеча».

Спит Мазай, устал старинушка,
Полной чаркою согрет.
Ставит прялку Катеринушка,
Не уснул всю ночь поэт.

Зорьку, красную смородину,
Накричали петухи.
А поэт писал о родине
Вдохновенные стихи.

МОСКОВСКАЯ ЮНОСТЬ

Из лирической поэмы

Буду утверждать лирически,
Что нельзя не вспоминать в такую лунность.
Ночь.
Стоим у Политехнического:
Я и воскресшая юность.
Прошлых дней живые отголоски
Открывают дверь в знакомый зал.
Вижу — на трибуне Маяковский,
Слышу вновь, что он тогда сказал.
И летят к нему цветы и веники,
Восхищенье и слова угроз...
Рядом с ним друзья и современники,
И идут стихи по залу в рост.
Да, я видел страстный взгляд поэта,
Рот раскрыв, сидел и не дышал.
И теперь ходить мне до рассвета,
Возвращаясь мыслью в этот зал.
Юность, встанем у фасада тихо.
Окна застилает лунный дым.
В вестибюле дремлет сторожиха.
Так давай о нем поговорим.

* * *

Двадцатый год.
Окна РОСТА.
Под каждым подпись:
«МАЯКОВСКИЙ».
Гулкая поступь
Шагов солдатских,
Матросских...
Мне — восемь лет.

Александр Часовников

Мои улицы и вокзалы.
В толпе ходил поэт,
И толпа об этом не знала.
Однажды он подошел ко мне,
Я рифмы зубрил в его «АЗБУКЕ»:
«Вильсон важнее прочей птицы,
Воткнуть перо бы в ягодицы...»
Спросил:
— Где отец?
— На войне.
— А мать?
— На фабрике.
— Где живешь?
— В Театральном проезде.
— Пойдем, нам с тобой по пути.—
Откуда я знал, что по Тверской
Шагает поэзия
В рослом парне
Лет двадцати пяти...

* * *

Я знал не плакатного кулака.
Он ухо вывертывал,
Поймав в огороде.
Его обезьянья рука
Была чугунная вроде.
Лет девяти полночной порой
Я стекла ему перебил из рогатки.
Меня провели сквозь ременный строй,
Рубцы до сих пор — на лопатках.
У меня был дядя, кривой Алексей,
Пахал на беззубом мерине,
Кнут извел на спине моей:
— Терпи, нам реветь не велено... —
Ночью поджег я кулацкий дом
И убежал на станцию.
Село проводило меня огнем...
В Москву укатил с новобранцами.
Опять — вокзалы,
Подвалы,
Котлы...
Голодный,
Немытый,
Нечесаный...
Нэпман плюет,
Спекулянты злы.
Мелькаю между колесами,
Играю на ложках,
В вагонах пою,
Пляшу, не жалею опорков...
Вдруг море врывается в душу мою,
Подбросив арбузную корку...
Я помню тебя, прикаспийский песок,
Горячая, душная печка,

Александр Часовников

Ты был по-кулацки нещадно жесток
К измученному человечку.
Швырнул на песок меня
В августе тиф...
Поднял, видно, добрый малый.
Наверно, случайно остался я жив,
Нас много тогда погибало.
Поволжье.
Больница.
Саратов. Детдом.
Рубанки. Сосновые доски.
И вдруг я услышал слово о нем:
«Приехал поэт Маяковский!»
Не думал,
Что через несколько лет
(Мне было тогда двенадцать)
Узнаю я,
Что он поэт,
Тот,
С кем пришлось на вокзале встречаться.
Увидел,
Хотел подойти и сказать:
«Помните, с Белорусского вокзала
Мы шли по Тверской...»
Почему-то неловко стало.
А вдруг забыл?
А может, не он?
Не напомнил,
Очень жалею.
Его окружили со всех сторон,
А я подойти робею.
Тысячи две в летнем саду —
Поклонники и поклонницы.
И я, как большой,
В первом ряду.
И все, как вчера, помнится.
Взлетают восторгов птицы,
Трясет бороденкой хула...
А он,
Оживляя лица,
Грохочет:
«Чтобы,
умирая, воплотиться
В пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела».
Студенты кричат:
«Маяковский! Еще!»
Поэт до испуга доводит купчину.
Бежит из сада накипь и слизь...
«Ненавижу
всяческую мертвчину!
Обожаю

Александр Часовников

всяческую жизнь!»

Вечер окончен.
К нему тянутся
Юные руки,
Им восторгаются
Сотни глаз.
В прощальный час
Поэт говорит:
«Штурмуйте науки!»
И моя просмоленная рука
Дотянулась до его пиджака.
Чувствую,
Сердце к звездам ринется...
Всю ночь хожу
Под его окном,
Около гостиницы.

* * *

Живу в трансе лирическом.
Мама говорит:
— С парнем — беда! —
Маяковский — в Политехническом,
Я — туда.
Он — в клубе МГУ,
Дежурю у входа.
Не наслушаюсь,
Хоть крупицу его
Вобрать тороплюсь,
Бегу...
Весна тридцатого года.
Мне семнадцать безусых лет.
Знаю Маяковского наизусть.
Сподвижник — Алеша,
Коногон, поэт,
В глазах — ранняя грусть.
Проголодаемся —
На двоих винегрет.
«Излишки» — на книжный базар.
За книгой — ночь,
За книгой — рассвет.
И чего в голове только нет,
Во сне стихотворный кошмар!
Конквистадоры, контрабандисты
Мешают соседям спать...
До зоревой розоватой полоски
Разговариваем с Маяковским.
Бледнеют имажинисты, акмеисты,
В плен берет поэзия — выстрел,
Поэзия — бомба и знамя —
Властвует над нами.
Как о погибшем, скорбит мать.
— Мама, это не успокоишь,
Не угомонишь,
Это навсегда

Александр Часовников

С того года,
Когда в квартирную тишину
Он пришел,
Как приходит свобода.
И теперь я не твой и не свой.
Я ищу свою скрипку,
Вот найду, буду всем родной.

* * *

Идем с Алешей по Ильинке,
Видим — он, как ледокол,
Идет сквозь заторы и льдинки.
Мы — к нему.
— В чем дело, комсомол? —
Закрыл грудью палатки, киоски,
В руке яблоневая трость.
— Товарищ Маяковский,
Такая злость!
Неудача у нас,
Хоть тресни.
Не достали пропуск
На ваш вечер
В Дом Комсомола на Пресне.
Мы — литкружковцы,
Вы — наш близкий...
Не пустят, обидно.
Напишите записку... —
Улыбнулся радостно,
Вынул блокнот
И — ко мне:
— Поверни.
Канцелярия — на спине! —
Под тяжестью гнутся плечи.
Написал.
Закурил папироску.
— Держите! На гостевые места!
«Пропустите на мой вечер
Двух начинающих поэтов.
В. Маяковский».
Щенками взвизгиваем —
Сбылась мечта.

* * *

Он вел разговор последний
С друзьями, с врагами...
Он зал раздвигал
Штурмовыми стихами.
Они вырывались,
Как пламя из топки,
Им было тесно
В кирпичной коробке.
Мне слышался голос
Степного бурана,
Прибой надвигался

Александр Часовников

Из недр океана.
Стихами дышали
Мартены и штреки...
Вот так он писал
О простом человеке.
И критик кудлатый
Притих, озлобленный,
Когда он один прошагал,
Как колонна,
Когда он стоял
На углу Баррикадной,
На мартовской улице,
Звонкой, прохладной.
Дома освещали
Трамвайные звезды.
За ним мы бежали
Асфальтом морозным.
Нахлынуло чувство,
Как близкое лето.
Подумал:
«Какие мы к черту поэты...»
И мы до утра проходили по Пресне,
Читали стихи,
Горланили песни.
Прозаик-квартальный
Отвел в отделенье,
И люди смотрели на нас с удивлением.
Вошел в нашу юность
Светлейший и жаркий.
А критик все выл,
Как шакал в зоопарке.

* * *

Понемногу свертывалось лето,
Золотился на бульварах лист...
К площади великого поэта
Нас привез из госпиталя «ЗИС».

Ветер радости меня качает.
А в глазах необычайный свет, —
Мой восторг сестрица замечает:
— Вы, товарищ, первый раз в Москве?

— Нет, сестрица, здесь на перекрестке,
Каждый слышал мой задорный крик.
Был я продавцом газет московских,
Самым юрким, бойким на язык.

Я шнырял к палаткам и киоскам,
Разъезжал с вокзала на вокзал.
У меня Владимир Маяковский
На углу «Вечерку» покупал.

Александр Часовников

Вот такого любо встретить близко,
И платил, бывало, хорошо:
«Это тебе, мальчик, на ириски
Или там на что-нибудь еще».

Я не знал, что он с огромной ношней
Поднимается сквозь годы вверх.
Для меня был дяденька хороший
Самым лучшим из прохожих всех.

А теперь, как за любимым братом,
Я за ним до смерти б отшагал,
Слышал я, на фронте агитатор
Маяковского стихи читал.

И тогда в сугробах, под Москвою,
На передней огненной меже
Мы с поэтом встретились зимою
Так тепло в холодном блиндаже.

Размечтались храбрые солдаты.
Нас поэт на бой, на подвиг звал,
Политрук — хороший агитатор —
Танков лязг стихами заглушал.

И когда скомандовали: «К бою!»,
Ритм стиха ворвался в гром и в гул,
Агитатор книгу взял с собою,
Под ремень с гранатами заткнул.

Каждый был в те времена московский,
Свой, арбатский, пресненский, тверской...
И шагал Владимир Маяковский
С нами бить фашистов под Москвой.

Впереди на дымном горизонте
Виделся нам воин-исполин,
Он гремел на всем Центральном фронте:
«Не пущу в столицу, сукин сын!»

Постоим на шумном перекрестке,
Хорошо у нас в Москве весной!
Здесь, в народе, дышит Маяковский,
Наш поэт любимый, фронтовой

Воплотился он в МЕТРО и в площадь,
В дружбе с ним кремлевская Заря.
Он народу все ясней и проще,
«Как живой
с живыми говоря».

Виктор Куликов

Виктор Иванович Куликов родился в 1919 году в Сусанинском районе Костромской области.

В 1937 году окончил десятилетку. В 1940 — Московское военно-инженерное училище. В время службы в войсках получил инвалидность. С августа 1941 года жил в Буе, работал в штабе воинской части по вольному найму. Получив уроки живописи у ленинградского художника В.Д. Сипягина, с октября 1945 года работал в художественной мастерской.

В Союз писателей принят в 1975 году. Автор шести поэтических книг. Умер в 1995 году.

В Буе его именем названа улица.

«ЛЮБОВЬ ВЗАИМНАЯ»

Лирика — исповедь души. Говоря о родном для себя, поэт рассказывает нам о себе, и ценность его лирики в том, что в ней постоянно ощущается богатство чуткой человеческой души, способной откликнуться на голос всего родного живым эхом чувства и думы.

Природа, пожалуй, главное, основное в лирике Куликова. Мы, ныне так много говорящие о природе, о бережном отношении к ней, должны заново почувствовать ее, по-новому полюбить ее и оценить. И всему этому так просто и естественно, без ложного пафоса, учит мудрая и добрая поэзия Виктора Куликова. В его «пейзажных» стихах есть главное содержание — человеческая душа, душа обогащенная, переполненная пережитым, перечувствованным.

Позади у поэта — все пережитое страной, а стало быть, и им самим. В судьбу его ворвалась большая, неизбывная беда, но он, мужественный, духовно крепкий человек, не превратил эту беду в тему. Лишь в одном-то стихотворении я и встретил:

На покосы в речные излуки
Ветер вырвался, тучу гоня.
Так нужны здесь рабочие руки!
Так мне жаль, что... их нет у меня...

Поэт ни в одной малости не утратил своей жизнестойкости, своего жизнелюбия. Именно любовь к жизни, к людям, к земле, к родной природе — основа его новой книги. Почти в любом стихотворении ощущима его глубокая благодарность, его сердечная признательность неизмеримо богатым родным просторам, любовно одарившим его, поэта, художника, счастливой возможностью жить, чувствовать, видеть, дышать и радоваться... В этом — суть книги, отсюда и ее весьма точное название: «Любовь взаимная».

Вячеслав ШАПОШНИКОВ

* * *

«Любовь моя, то ли привычка», —
Сказал это где-то поэт...
А ты, как последняя спичка, —
Тепло мое,
счастье
и свет.

Любовь, говорят, мол, не вчна;
Я это в расчет не беру —
Дозволь мне с заботой сердечной
Тебя укрывать на ветру.

ОПТИМИСТ

Отлютovали к марта стужи,
А небо стало голубей;
На тротуаре в первой луже
Плескался шустрый воробей.

Капель холодную такую
Он принимал, видать, любя,
Смывая копоть заводскую
И пыль чердачную с себя.

Дожив до вешних дней погожих,
Для горожан повсюду свой,
Он на виду у всех прохожих
Скрывался в луже с головой.

Скворцам — готовые скворечни,
Отдельных птиц — дуплянки ждут.
А он, веселый и беспечный,
Не претендует на уют.

Он и в лишениях не тужит —
Поет пичужкина душа!..
Отлютovали к марта стужи,
А жизнь —
И вправду — хороша!

Виктор Кулаков

* * *

Иду я селом незнакомым
По мягкой весенней земле,
А мысли в родительском доме,
В похожем на это селе.

    Там все неизменно поныне:
    Тропинка в ухоженный сад.
    Молочные кринки на тыне
    Под ласковым солнцем висят.
Но с юностью встречи не будет,
Лишь помнится этот уют —
Давно незнакомые люди
В родительском доме живут.
    И нет никакого им дела,
    В саду отдыхая весной,
    Что рядом с калиной белой
    Посажена яблонька мной.
Что веточки с яблоньки этой
Я сам же ломал на букет,
Чтоб бросить в окно на рассвете
Ключечке шестнадцати лет.
    Иду я селом и невольно
    Стараюсь потише шагать,
    А сердцу
    И сладко, и больно,
    Тревожно и жарко
    Опять.

* * *

В осеннем омуте остуда,
Осоки колья в серебре,
И все же подлинное чудо —
Сидеть у речки в октябре!

Наедине с природой снова,
От звуков шумных вдалеке
Уху последнего улова
Варить в железном котелке.

С тобою рядом встанет ива,
Притихнет, глядя на огонь,
Пожухлый лист неторопливо
Тебе уронит на ладонь.

Осенний вечер ляжет рано,
И с легкой грустью от реки
Через знакомую поляну
Пойдешь в село на огоньки.

ПОРОША

До чего же хорошим
Нынче утро пришло!
Ночью пала пороша,
И белым все бело!

Вот бы славно сегодня
Встретить в поле рассвет!
До Кореги иль Бродней
Не купить ли билет?..

Без ружья и собаки
Почтать у стогов
Клинописные знаки
Русачиных следов.

Белой книги страницы
Мудрым таинством строк
Там писали лисицы
По набродам сорок.

Горностаева строчка
Пропетляла с горы,
И поставлена точка
У мышиной норы...

Снег зверями исстрочен,
И поведает след
О трагедиях ночи
И о тризнах побед.

* * *

Привычно делаешь работу,
Привычен комнатный уют;
И вдруг случится, что в субботу
Друзья на речку зазовут.

Забыты враз твои привычки —
И, хоть по сути мир не нов,
На суету в кустах синички
Смотреть без устали готов.

Река подарит окунишко,
На плавниках сверкнет вода—
И ты ликуешь, как мальчишка,
Забыв почтенные года.

В снегу деревья, луг и поле,
Над ними — чистый небосклон;
И ощущеньем дикой воли
Ты возбужденно опьянен!

Забыты все твои невзгоды,
Стоишь, ликуя и дивясь, —
Душа твоя
С душой Природы

Вступили в родственную связь.

МЕЧТА

Сейчас мне,
Хотя бы на сутки,
Вернуться в село наше Спас...
По Шаче на старицах
Утки
Любили водиться у нас!

Под Домнином,
В кромке болота,
Хоть зорьку одну
Постоять;
Бывало,
Случалась охота —
Ружье успевай заряжать!

А в наволок выйдешь под Спасом,
Оставилши на взгорье поля:
Под каждой кочкой —
Бекасы,
На каждом шагу —
Дупеля.

В реке омута,
Перекаты —
Теперь, говорят, победней,
А в юности
С другом когда-то
Отменных ловили язей...

И этого даже не надо.
Хватило бы счастья вполне
У крайнего дома за садом
В вечерней побыть тишине.

Со свежим
Ржаным караваем
Парного испить молока.
На сене душистом
В сарае
Наслушаться вволю сверчка.

Виктор Кулаков
ССОРА

— Не люблю!..
Любила — разлюбила!..
Все, что было, —
Минуло...
Прошло... —
Все это она произносила
Грубо,
Оскорбительно
И зло...

Он сидел и слушал, цепенея,
Резкие, жестокие слова,
Возразить на выкрики не смея,
Лишь на грудь клонилась голова.

А потом —
И в нем все закипело,
И — не в силах далее молчать —
Стал тогда и он
Остервенело
И ругаться страшно,
И кричать.

Полились взаимные упреки,
Оскорблений выплеснулась грязь;
Помутился разум их высокий,
Их любовь безжалостно рвалась.

Добрый мир семейный рассыпался,
И никто —
Ни он и ни она —
Вспомнить в этот миг не попытался
Светлые в их жизни времена.

А ведь жизнь была у них,
Как сказка,
С добротой сердечною во всем —
И любовь была у них,
И ласка,
Нежность
И забота о другом.

Почему же в ссоре этой грубой
Увидеть никто из них не смог,
Как на них,
Закусывая губы,
Смотрит дочь,
Забившись в уголок...

Владимир Рахматов

Родился в 1947 году в Костроме, окончил лесомеханический техникум. Работал в костромской молодежной газете и учился в педагогическом институте. Затем работал корреспондентом на радио, в редакции газеты «Северная правда», возглавлял «Артель «Дракон». Первая книга «У солдатского костра» вышла в Ярославле (1977 год) под редакцией А.М. Часовникова.

Печатался в периодике, в

коллективных сборниках. Ежемесячник «Литературная Кострома» опубликовал первую повесть «Оборона деревни Ляпешкино». Умер в 1997 г.

ПОСЛЕДНИЙ АККОРД НА ПИШУЩЕЙ МАШИНКЕ

В путь-дорогу от вас, от любимых,
Собираться мне Бог повелел.
Ни шиповник, ни ветку рябины
На своем не затеплю столе.
Не увижу, как утро настанет,
Просочившись сквозь бронзу берез,
Навсегда в этом доме растает
Дым дешевых моих папирос.
Мне тебя огорчать не в новинку —
Выплакать досуха горе свое...
Вот и все. И замолкла машинка —
Отступавшее сердце мое.

THE LAST CHORD ON THE TYPEWRITER

In my journey away from you, who are my loved ones,
God ordered me to get ready.
Neither the dog rose nor the rebina branch
will light up my table.*
I won't watch the morning opening,
filtering through the bronze birches.
The smoke of my cheap cigarettes
will always linger in this house.
It's nothing new for me to cause you grief.
Weep until you have no more tears.
That's it. And if you don't hear my typewriter-heart
beating any more, it's because it has stopped.

* Rebina (the ashberry or rowan tree) is a very important tree to the Russians. Its red berries are used to make jam, and are bright in the winter landscape. It, along with the birch, are dominant symbols for Russia. The image of «light up» is from the verb «to light an ikon candle.» The poet's ikons are the dog rose and the rebina.

Владимир Рахматов

РОМАНТИКА

Романтика приходит лишь потом,
Как звук от самолета-перехватчика...
Романтика приходит лишь потом,
Когда с тебя сольется сто потов,
И ты уже играешь роль рассказчика.
«Романтика» — красивое словцо!
За ним и увлеченностя, и сноровка,
Но если ветер метится в лицо,
И снег летящий кажется свинцом, —
Трезвонить о романтике неловко.
Наш замполит, короче, наш «старлей»,
Свои припоминает годы зимние,
Дудинку, и на письменном столе
Квадрат стекла, как будто льдинка синяя.
Припоминает тусклую зарю
И вездеход, в сугробы замурованный,
Припоминает молодость свою,
Бродившую дорогами суровыми.
Он — про мороз, а здесь цветы кругом.
Он — про махорку, — чинно курим
«Шипку» мы.....
Романтика приходит лишь потом.
И звезды замполитовских погон
Нетающими кажутся снежинками.

БРУСНИКА

Я без отдыха шел по тайге,
И, как будто в иглу,
Я вдевал провода телефонные —
Нитку за ниткой.
Затянуло меня, как в воронку,
В зеленую глубь,
Где нарядно и ярко
Траву прожигала брусника.
А кругом ни души,
Только солнце на соснах верхом,
Да над потным лицом
Занавеска таежного гнуса...
Я тайгу проклинал,
А она притворялась глухой,
А она продолжала
Тянуться, тянуться, тянуться.
Я шагал по тайге,
И когда выбивался из сил,
Отдавая себя
Неотвязной мошке на терзание, —
К пересохшим губам
Я брусники щепоть подносил,
Как во время присяги —
Малиновый краешек знамени.

Владимир Рахматов

ФРОНТОВИК

Стакан наполовину пуст,
И водка, как вода.
Он ждет, когда отступит грусть,
И знает — никогда.

Ушли вчерашние друзья —
Не числятся в живых.
«Жить» эту матернуть нельзя
Уже ни с кем из них.

Остался он как перст один.
Награды? Что с того...
За жизнь свою он взял Берлин
И больше — ничего.

АВГУСТОВСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Мысленно вставлю в рамку
Простенький тот пейзаж:
Нашу с тобой полянку —
Солнечный зайчик наш.
В том золотистом круге,
В шепотах дня того
Были мы друг для друга —
Больше ни для кого.
В горечи и обидах,
В проседи облаков
Я лишь с тобой увидел
Небо из васильков.
Шедро был день раскрашен
Музыкой трав и птиц, —
Жаль, что в романе нашем
Мало таких страниц...
Стану однажды эхом,
В райский прибуду сад:
К всяким своим утехам
Ангелы пригласят.
Но не вина, не лакомств
Я попрошу у них,
А попрошусь в тот август
На день, на час, на миг...

Владимир Рахматов

ОСЕНЬ

Старею, наверно, старею.
Пугаюсь любви, как беды...
Играйте, свистите в свирили
Для ваших пастушек младых,
А я поброшу среди сосен
Под широки тусклого дня,
И мудрая женщина Осень,
Быть может, полюбит меня.
Я видел немало, поверьте,
И нежности, и нелюбви.
Сегодня все это — на ветер.
Не жаль, кто угодно лови.
Любимых молчанье, вопросы
Нельзя все равно срисовать...
Ветвей не заламывай, Осень,
К потерям грешно ревновать.
Послушай же, Осень, послушай —
Тебе посвященье шепчу.
В награду ладонью воздушной
Поглядь по лицу, по плечу,
И хочешь, останусь навовсе,
Закончу угарный свой путь...
Стели мне листву свою, Осень,
Последней любовницей будь.

НОВОГОДНИЙ ВАЛЬС

Знаешь, а жизнь не такая уж вроде б никчемная —
Елка сияет, ты рядом — чего ж мне еще?
Хоть на мгновенье прикинья бездумной девчонкою
Руку свою на мое опусти плечо.
Музыка, музыка, как снегопад, эта музыка.
Шарик земной, словно елочный шарик, блестит...
Как тут поверить, что завтра окажутся мусором
Брызги хлопушек, веснушки зимы — конфетти?
Все, что тревожило, стало далеким, отмучало.
Год народившийся дни голубые таит:
Будет любить меня женщина самая лучшая,
Будут написаны лучшие песни мои.
Искры бенгальские колются, вьются, дурачатся,
Пруток стальной, словно маленький яркий мороз...
Как тут поверить, что столько мгновений растрячено
И ничего, ну почти ничего не сбылось?
Рыбка картонная с зайцем серебряным шепчется,
Елка дремучая вечных загадок полна.
Ей распахнуться — и плавно шагнет к нам Волшебница,
Что-нибудь доброе каждому скажет она.
Скажет она: «Не печалуйся, мальчик, все сбудется!»
И улыбнется нежданной печали моей...
Как тут поверить, что завтра на этой вот улице
Зелено будет от свежих еловых ветвей?..

Владимир Рахматов

МОЛИТВА

Когда душа отбудет в мир иной,
Сияя, словно лампа Алладина,
Две женщины склонятся надо мной,
И слезы их сольются воедино.
Им холодно. Они уже ничьи.
И я ничей. И я уже нездешний...
Две женщины поставят две свечи
За упокой души моей сверхгрешной.
Всевышний, ты спаси и сохрани
Двух женщин, двух любимых, две печали.
Соперницами не были они —
Они одна другую дополняли.
Толпа чего-то там про стыд и срам
Начнет шипеть, как старая пластинка,
А я вот сердце взял и — пополам.
Двум женщинам две равных половинки.

СВЕЧА

А ты забудь все ссоры наши,
Обид нелепый календарь.
А ты приди ко мне однажды
И снова руки мне подай.
И вместо клятв и заклинаний,
Плечом придвигнувшись к плечу,
Зажжем свечу, зажжем свечу воспоминаний,
Такую тонкую свечу.

Она осветит нас, прошедших,
Которых в юность не вернешь,
Крылатых, грешных, сумасшедших,
Удравших из дома под дождь.
И — об колено все запреты,
И — к черту судей и судейш!
Еще чуть-чуть, еще секунда до рассвета,
Еще в запасе сто надежд.

И ты вошла тиха, печальна.
В окне темно, в душе темно.
Такое длинное молчанье,
И невеселое вино.
А между нами, между нами,
Неярка и негоряча,
Горит свеча, горит свеча воспоминаний,
Почти сгоревшая свеча.

Василий Старостин

Василий Адрианович Старостин родился 10 апреля 1910 года в Кировской области. Окончил химический факультет МГУ в 1931 году и там же — аспирантуру. Затем — старший научный сотрудник института химии в Минске, заведующий кафедрой химии Витебского пединститута. В годы войны — начальник химической службы дивизии. После войны — ведущий инженер отдела главного конструктора на тракторном заводе, старший преподаватель в институтах. С 1951 года жил в Костромской области. Однажды лет был председателем колхоза «Русь Советская». Опубликованы научные труды по основной специальности, исследовательская работа «Ладобойная теория русского народного стихосложения», изданы книги: «Слово о Коловрате», «Летучий корабль», «Илья Муромец», «Дива былинные», «Русь богатырская». Остались объемные рукописи неизданных произведений, среди них роман. Скончался В.А. Старостин 1 мая 1995 года.

Автор этой книги сам мог бы стать героем большой и увлекательной книги. Впрочем, он уже стал героем художественно-документального кинофильма «Верность», созданного режиссером Борисом Карповым в 1976 году. Представьте себе лесистые костромские края, среди которых затерялась деревушка Сергеево, состоящая всего из пяти изб.

В нескольких километрах — усадьба великого русского драматурга Островского с ее легендарными лесными уроцищами и родниками. В одной из сергеевских изб поселился председатель колхоза В.А.Старостин. Километрах в пятнадцати во все стороны от Сергеева протянулись земли «Руси Советской». Под руководством В.А.Старостина колхоз стал одним из лучших в области. Глубокое уважение завоевал колхозный вожак у жителей окрестных сел и деревень...

Говорить о книге Василия Адриановича нелегко; она ставит перед читателем и критиком много спорных вопросов.

Истоки книги Старостина «Русь богатырская» восходят ко времени, отдаленному от нас почти двумя столетиями, — времени первых опытов в этой области. Но автор подошел к решению задачи по-новому и создал совершенно оригинальное произведение, дав ему новое жанровое определение — «былинные сказания».

В его работе слиты воедино два начала — народность, которая проникает в ритм, речь, образы и самое мироощущение, и в то же время ярко выраженная писательская индивидуальность, всецело личный характер, воплощающийся также и в ритме, и в речи, и в образах, и в видении мира.

Нельзя не обратить внимания и на осуществленный автором опыт вольной реконструкции древнерусских языческих сказаний о богах и героях — сказаний, в которых глубоко поэтически осмыслены взаимоотношения человека и природных сил. Горько сознавать, что у нас так мало и плохо исследуется в последнее время это наследие русской старины и грамотные люди гораздо лучше знают древнегреческие сказания об Олимпе (которые подробно изучаются в школе и изложены в ряде массовых книг), чем древнейшее творчество своего народа. Книга В.А.Старостина пробуждает интерес к этому наследию большей эстетической ценности...

Нам должно быть совершенно ясно, что творческие устремления В.А.Старостина не новы, они опираются на давнюю и весомую традицию русской литературы. Конечно, нельзя согласиться с тем, что былинный лад должен и может «вытеснить» классические формы стиха. Но для меня несомненно, что наряду с классическим стихом в русском словесном творчестве может и должен существовать и развиваться тот былинный лад, которым в наши дни наиболее умело владеет Василий Адрианович Старостин.

Вадим КОЖИНОВ

ПЕРЕВЕЛИСЬ ЛИ БОГАТЫРИ НА СВЕТЛОЙ РУСИ?

(Êàìåíîâ ïî áèòåðå)

Безвременье остановилося,
На бойцов-удальцов понавалилося
И на души свинцовою глыбой легло —
Обессиливают русские витязи,
И ведут они две битвы непосильные:
Против бедственной напасти — битва первая;
А вторая — против слабости-бессилья в себе.
Напастинища-бедища-неминучина!
Удаль русская еще велика-жива,
Да ведь мога былая поистратилась:
Намахалися плечи могучие,
Ускакалися кони богатырские,
Притупилися мечи булатные,
Поломалися копья долгомерные,
Посрывалися тетивы на луках,
Лих побитая та сила поднимается,
Поразрубленная да удвоется,

Василий Старостин

Воевитна и жива и все с боем идет!
Тут у стар казака Ильи Муромца
Разгорелся сердечушко ретивое,
Разретивилась душа богатырская,
Разбужились мысли-помыслы,
Возгрелм-возврепел зычным голосом он:
«Братья-вityази, богатыри мои!
Сила страшная нездешняя сильнее нас,
А не нам уступать и той напасти злой!
С нами естен завет от дедов-пращуров:
«Умри — не сходи с родной земли!»
А не мне ль чудным сказом было сказано,
А не мне ли на роду было назначено:
«На бою мне, Илье, смерть не писана!»
Во погибельную во безвременицу,
Перед бедственностью-неотвратимостью,
Чую вновь я в себе силу гордую,
Доблесь смелую, слово вещее —
Крепью крепко оно несокрушимою,
И незримым всесильем источается,
Этим словом в вас, дружина, братья мои,
Я вкладываю дар-достиинство всё свое:
На боях вам смерть не будет писана,
Всем вам, богатырям, моим соратникам!
Да не пасть с ратоборною нахлынью вам,
Ни с какою, ни с земною, ни с подземною,
Ни с небесною силой, ни с нездешнею!
Встанем, братья, мы за святую Русь
Неприступною великою крепостью,
Обороною несломной, горой каменной!»
И свершился чудо чудное,
И содеялся диво дивное:
Изнаполнился стар казак Илья
Неизбывною, несокрушимою
Силой сильною, неразрушимою, —
Не язвит ее калена стрела,
Не пронзает копье долгомерное,
Не сечет ее ни булатный меч,
Не сминает ее ни копытастый конь,
Ни земная мощь, ни подземная,
Ни небесная, ни нездешняя,
Никакая рать неисчислимая
Не расколет, не сломит Илью Муромца:
Несдвигимой стал Илья крепостью,
Нерушимою горой каменной.
И дружина с ним вместе верная
Восприяла от Ильи слово клятвенное,
Восклицала кликом-гласом единым она:
«На бою богатырям нам смерть не писана!
Встанем, братья, мы за святую Русь
Нерушимою крепью-крепостью,
Обороною: горами каменными!»
И сплотились братья-вityази —

Василий Старостин

Перед ними вражье полчище несчисл彭ное
И мечами счет, и булавами бьет,
Колет копьями, пронзает долгомерными,
Посвистучими стрелами расстреливает.
Стрелы рвутся, копья гнутся-разламываются,
Булавы — те во блины ин расплющиваются,
Разбиваются мечи на крохи мелкие.
Несразимое, неуязвимое
Поднялось богатырство святорусское.
Удивился подземный черный царь Чернобог,
Подходил он ко строю несразимому,
Видит он всю дружицу по-прежнему:
Тридцать витязей святорусских тут,
Тридцать первый — атаман Илья Муромец,
А недвижны они, а изваянны они.
Долго думал-гадал и додумался царь:
Перед ним — богатыри окаменелые!
Со злорадства подземный царь пустился в пляс.
Он прыгаясь, приговаривал:
«Вот я искоренил богатырей на Руси:
Нету нынче и не будет обороны ей,
Ни защитников, ни храбров-витязей —
Захиреет в веках и исчезнет Русь!»
Расплясался Чернобог, пораспрыгался,
Вдруг услышал он громогласный зык,
Изо каменной глыбы человечий глас.
Сам Илья-атаман взглашал-воззвычал:
«Не пляши, не пусторадуйся, царь Чернобог,
Живы все богатыри мы на Светлой Руси,
И житие духу нашему не будет конца,
И отныне и до веку стоять Руси,
А нам быть ей обороной и защитой!»
Мир потряс Чернобог смехотой-язвотой:
«Ох вы, русские воюны-горюны,
Отыскали в мертвом камне укрытье себе,
А я, Чернобог, над мертвым царством — царь!
Пожелаю — подниму цепи каменные
Из гранита-кремня скалы, кручи вверх до небес,
Пожелаю — сотру громады горные
Обращу-пушу все на ветер в песок!
А мне эти изваяньшики стереть — за чох,
Из них дух ваш богатырский рассеять — за плёв!»
Думу вздумал Чернобог, дело делать стал.
Напускал на изваянья богатырские
Рать свою колдовскую, ту тъмочисленную.
Разбегался первый ратник, ударялся он —
И от крепи богатырской отлетал-улетал,
Упадал серым камнем, валуном в траву,
Ано, крепость высока, невредима стоит!
Ударялся и второй чернобогов вой
О высокий оплот — отлетал-упадал
Валуном-серяком во болотину.
Возъярился Чернобог, бельма вытарашил,

Уши вывострил, язык выпустил,
Завизжал-зарычал на несметную рать,
Напускал ее на крепость богатырскую.
Разгонялись-налетали воеватели,
На ногах, на бегах, на рысях, на конях —
Не пробили непробивного камени:
Ни до трещины, ни до царапины —
Прочь все поотлетали-поотскакивали,
Валунами-каменьем меж бурьянов, осок,
По яругам, по топям, по грязивым местам,
По лесам, пустырям порассыпались,
Оставался Чернобог в одиночестве.
Силу буйную колдовскую свою
Поистратил он на Каменном побоище,
А сгубить богатырства на Руси не смог.
Обессилен и слаб, под землею сник.
Через громы, ветра посвистучие
Взрокотала мне Волга-матушка:
«Есть и будут они, богатыри, на Руси,
Да незримо богатырство святорусское,
И нетленно в веках, в русских людях живет,
Им стояла и стоит Русь светлая,
Крепче камени богатырский дух!»

НЕ ЗАБУДЕТСЯ НИКОГДА...

Николай Востров

Светлана Степанова

Юрий Бекишев

Станислав Михайлов

Ольга Колова

Николай Муренин

Татьяна Дмитриева

Борис Дроздов

Светлана Виноградова

Алексей Зябликов

Виктор Смирнов

Николай Востров

Николай Никонович Востров родился в 1925 году в деревне Болаболиха Костромской области. В Советской Армии с 1943 года, участвовал в боях. Несколько раз был ранен. Боевой путь закончил на Балтике, на острове Эзель. Во время войны был рядовым. После войны окончил Киевское Краснознаменное общевойсковое училище. Уволен в запас в 1954 году. Награжден четырьмя медалями. Стихи публиковались в газетах и журналах. Первая книга «Мои полномочия» вышла в 1967 году. Автор двух книг. До пенсии работал столяром в леспромхозе.

РУКИ

Руки — порезы и ссадины.
Это мои, а не дядины.
Ноги — сейчас из болотины.
Тоже мои, а не тетины.

Что ж, и порезы, и ссадины
Ни у кого не украдены.
Будут и строфы-заплечины
Собственной мыслью засвеченны.

ЗАРЯ ЦВЕТЕТ

По России, по раздольной,
Не пройти тропой окольной.
На пути — снега.
По молчанию, по безлюдью
Ходят важно с красной грудью
Радуга-дуга.
Снег, снегирь — и Русью пахнет!
Кто-то охнет, кто-то ахнет
На широкий лад,

И на белые просторы
Из-за вихря грянут горы —
Новый снегопад.
И молчанье оборвется,
И безлюдье отзовется, —
Оживает снег...
И душа полна метелью,
И мечта — высокой целью,
И на жизнь — разбег!

ЛЮБИЛИ ЛИ МЫ?

Любили ли мы? Что ж, вопрос как вопрос.
Не скажешь: возьми да и выкинь.
Поистине, в трудную пору я рос,
Когда лютовали (по коже мороз!)
Юденич, Колчак и Деникин.
Но сердце любило и песню, и стих,
Равненье держа на Советы.
И были Ромео среди молодых,
И были, конечно, Джультетты.

Николай Востров

Свинцовые ветры, стальная гроза
Баюкали пенную юность.
Но значит ли это, что мы ни аза
Не знали в любви? Не горели глаза?
Молчали сердечные струны?
Нет, сердце любило и песню, и стих,
Равненье держа на Советы.
И были Ромео среди молодых,
И были, конечно, Джулльетты.

Коверкая ночи, уродуя дни
И шашкой судьбу полосуя,
Мы верили жадно, что мы не одни,
Что нас ожидают беседки, плетни,
И шепот, и гром поцелуя.
Да, сердце любило и песню, и стих,
Равненье держа на Советы.
И были Ромео среди молодых,
И были, конечно, Джулльетты.

СЫНУ

Хорошо бы ты не вспомнил,
Ну, а я-то вспомяну...
Шел я в светлый мир огромный,
А наткнулся на войну.

И дорога загудела:
«Где мои семнадцать лет?»
Вышла мать, белее мела,
Целовать сыновний след.

Выпал час, да не короткий.
У войны железный ход.
И понес я на пилотке
Нашу звездочку вперед.

Я понес ее на запад,
Где в траншеях все луга,
Под ногой хрустели лапы
В землю вмятого врага.

Остров Эзель... Там остались
Танков рваные бока
И родной уральской стали
Карабин фронтовика.

И теперь еще не знаю,
Почему живой стою...
Видно, дружба фронтовая
Сберегла меня в бою.

А друзей хороших, скромных
Сколько пало за войну!
...Хорошо бы сын не вспомнил,
Ну, а я-то вспомяну.

Светлана Степанова

Светлана Георгиевна Степанова родилась в Костроме. Училась до войны в Костромском учительском институте. Работала редактором на радио до выхода на пенсию и сейчас ведет цикл передач. Автор многих публикаций в коллективных сборниках, книг для детей и юношества. Пишет стихи, рассказы, повести, пьесы. Живет в Костроме.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Новогодняя ночь тиха.
За окошком снег да лед.
И лежит за строкой стиха
Ранней юности нашей взлет.

В печке тихо трещат дрова.
Мы молчим. У огня сидим.
А нужны ли любви слова?
Просто ночь. Просто сизый дым.

Скоро утро. Свеча — стереть.
Было ль? Не было? Как сказать?
Только в памяти не стереть,
И от сердца не оторвать.

Было много счастливых зим.
Да и горестных не одна.
Я все помню. Вот мы сидим.
Сорок третий. Идет война.

* * *

Все мне снится авиация,
тот лесной аэродром.
Ну а здесь цветет акация,
гаснет реактивный гром.
Самолеты, все сверх дальние,
тормозят на полосе.
Говорим слова прощальныне,
улетаем, как и все.
Так привычно. Вещи брошены.
Ни сомнений, ни тревог.
Но встает, как память прошлая,
тот весенний городок.
Замело его метелями.
Гул моторов сквозь пургу...
Мы не видимся неделями,
все встречаясь на бегу.
Каждый день у нас прощания
в небе мартовском большом.
Улетаешь на задания,
покачав слегка крылом.
Где-то громко вторит радиция,
за поляной гаснет гром.
Все мне снится авиация,
тот родной аэродром.

Светлана Степанова

* * *

Междусами снова расстояния.
Ветры тихо бродят стороной.
Только нам до нового свидания
Обойти придется шар земной...

Ночь спустилась на поляны синие.
И над лесом полная луна.
Спят деревья в первозданном инее.
Ну а мне сегодня не до сна.

Там у вас в метро огни потушены.
И ушли с вокзала поезда.
И горит на небе равнодушная
Над тобой зеленая звезда.

А у нас синицы любопытные
Постучат в морозное стекло,
Легкими узорами покрытое.
О делах напомнят заодно.

Мне еще кружить по снежной замяти,
Улетать в предутреннюю рань.
Вот опять люблю тебя без памяти.
Ночь. Командировка. Глухомань.

* * *

Г.К.

В далекие военные годы
я ездила на твой аэродром,
где в лужах стыла вешняя вода
и небо проплыпало под крылом.
Метет пурга. В избушке мы одни.
И кажется, что это навсегда.
На полосе — сигнальные огни,
за окнами — Полярная звезда.
Сейчас я вспоминаю этот день:
весной на голубеющем снегу
от фюзеляжа брошенная тень,
и я сказать два слова не могу...
Уходят самолеты в вышине.
Уходят в трудный и жестокий
бой.

А я средь ночи слышу в тишине
слова, произнесенные тобой.
Прошло полвека с тех далеких лет.
Вновь прихожу на твой аэродром.
И в кассе вдруг беру себе билет,
чтоб посмотреть на небо под крылом.
Наш молодой усатый командир
повел на взлет надежный АН-2...
Секунда. Из-под ног уходит мир,
и на ребро становятся дома.
А там, внизу, средь солнца и ветвей,
стоит наш дом, как много лет назад...
Шумят листва, и так же у дверей
рубашки новых летчиков висят.

Юрий Бекишев

Юрий Вениаминович Бекишев родился в 1948 г. в Берлине в семье советского офицера. С детства часто переезжал с места на место, жил в Херсоне, Минске, Опочке, Немане. Затем окончательно поселился в Костроме, где учился в технологическом техникуме, работал в проектном институте, однако нашел свое призвание в труде художника-оформителя.

ФОТОГРАФИЯ

У сестры лебяжье платье,
мама в плисовом жакете,
на моих локтях заплаты—
трое нас на белом свете.

Как мы счастливы с сестрой!
Руки матери на плечи
мы кладем
и крыльев легче
за ее стоим спиной.

Было холодно зимой.
Нам фотограф молодой
так велел:
«Вот вы — вот мама.
В кадре тесно, места мало.
Вы за маминой спиной».

PHOTOGRAPHY

My sister is wearing a thin, white dress.
Mama's in a velveteen jacket.
There are patches on my elbows.
Just the three of us all alone in the world.

How happy my sister and I are.
We put Mother's hands on our shoulders
and, more easily than if we were her wings,
we stand behind her back.*

It was cold, it was winter.
The young photographer coaxed us:
«You, here; Mama, here.
The card isn't very big, there's not much room.
You two stand behind Mama's back.»

* In Russian «to stand behind Mama's back» means «to be secure.»

Юрий Бекешев

ВОСПОМИНАНИЕ

Опочка.

Кладбище средь пижмы золотой.
И в это тихое и медленное царство,
в здоровье камфарное
пчел влетает рой,
а я еще настолько молодой,
что у меня утраты ни одной
и ни к чему любви,
ни сожаленья
нет ни о чем...

А летний вязкий зной
с такою силою смыкается за мной,
и столько веса в нем и напряженья,
что, если бы замедлил я движенье, —
вся мировая скорбь с воздушною волной
вашла мне в душу,
дав ей выраженье.

МИФОЛОГИЯ

Герои — наивны, а боги — глупы,
но делать-то что с этой верою в чудо?
То в меру щедры, то не в меру скupы,
то — едут куда-то, то мчат — ниоткуда.

Я прутик строгал, я отряхивал сад,
картошку варил и читал «Дхаммападду»,
вперед забегал, озирался назад,
мирился с собою, не знал с собой сладу.

В градирни ночные — с каких Андромед? —
струилась прохлада, и в зарослях ивы
селились пичуги — нигде таких нет! —
но были горласты они и красивы.

Вставал я к летящему саду спиной.
И шли сквозь меня, раздвигая локтями,
с детьми и вещами суровой толпой,
в тяжелую тьму увязая ногами.

И мать мою гнали в немецкий полон,
горела Украина и полнилась стоном,
кружились не ангелы — стаи ворон
над Припятью, Неманом, Волгою, Доном.

И вновь обращался я к саду в слезах,
и снова весь мир я держал на ладонях,
но, как наважденье, стояли в глазах
солдаты, руины и с хлоркой вагоны.

Юрий Бекешев

Я всю мифологию знал назубок,
богов и героев великие битвы,
но что мне затверженный этот урок —
я сам очевидец великих событий!

Но если б не знал — я бы умер скорей!
Неужто преданья о звездах и птицах —
метафоры лишь о деяньях людей,
лишь память об их бронзовеющих лицах?

ГОДИЧНЫЕ КОЛЬЦА

Ясень,
бывший мой ровесник!
Вот наш год — сорок восьмой.
Сердцевина — точка, крестик,
родничок ли теменной?

Дальше, как вода кругами...
Вот годичное кольцо,
где тяну я руки к маме,
узнаю ее лицо.

Вот другое — нимба вроде...
Это был хороший год
для тебя и для природы,
для меня — наоборот.

Вот кольцо любви несчастной...
Вот кольцо, где звон колец...
Вот еще кольцо-пространство:
где начало? где конец?

Вот и смертная година...
Ясень, птичьи головы!
Здесь лишь жизни половина!
Для чего поет надрывно,
раскаляясь добела,
над тобой бензопила?

Как в беспамятные годы,
я, совсем другой породы,
проживу один, ничей,
рассыхаясь, словно бочка
без железных обручей?

Мне б хоть спичкою в коробку
хоть лучиной на растопку,
хоть корабликом в ручей...

Ясень, сродник, свет очей...

Юрий Бекешев

ГОСТЬ

Светло мне было в вашем доме жить,
где зелень падает и на крыльцо, и в окна,
где память яблока хранит тепло ладоней,
где дышит ремеслом столярный стол,
рукав лоснится книжной позолотой
и где сквозь дождь боярышник багровый
летит,
и камешек,

в стекло
ударившись,
мог означать свиданье.

Я лица позабыл и имена,
но чьи-то голоса,
улыбки,
тени —
укор бездомности
и винятная вина,
и лишь ваш дом за эту жизнь — прощенье.

И я в прихожих долго топочу
и плащ снимать не тороплюсь,
покуда
ко мне сквозь дверь по тонкому лучу
летит душа моя оттуда все,
оттуда...

ПЕРЕД СНЕГОМ

Вот и солнце ушло за бугор,
бросив отблеск вечерний на склоны.
На столбе говорящий прибор,
поглощающий радиоволны.

Полость льдистая авиатрасс.
Чиркнет спичка — и гуще потемки.
Бездна времени...
Времени — час,
так сказать, на сбиранье котомки.

Сквозь хрустальный пройдя огород,
замереть от предчувствия снега.
Луноходом по тракту ползет,
чуть поскрипывая, телега.

Да, уже затевается снег,
уже некое в небе сиянье...
И в раздумье стоит человек,
словно следующий шаг — в мирозданье.

ПОХВАЛА КАРТОФЕЛЮ

Индейских яблок скромные цветы
в петлицах королей.
Крестьянский ужин...

Приходит время —
горб земли натужен
и, как курганы, высятся бурты.

Мешки треухие.
И в глиняном kraю
пасленом пахнет,
багровеют всходы...
Концерты шефские в честь ясности погоды...

И я, как все, торжественно пою
Андрея Болотова дни, труды, сомненья
за то, что пестовал он чертово растенье.

Над этой пионерской едой,
крылаты с голодухи, пели дети...
Ну что чудесней может быть на свете
картошки-рассыпухи молодой?

Не триофель — но картофель вседержавный!
Не в хлеб бы запекать тебя, Державин, —
в пирог картофельный,
но в золотые годы,
в жизнь Званскую, слагая славны оды,
ты толк знал в овощах и почудней.

Над «Едоками» львиного Винсента,
над «Жатвой» Пластова,
над днем, трудом воспетым,
пусть воспарит сокровище людей!

С ладони перекинув на ладонь,
пузыря щеки — аж дыханье сбылось! —
на ложе из ботвы и глядя на огонь...
О чудо с солью, о земная милость!

С лопатой на плече, гремя ведром...
Мы, разночинцы, горожане, братья!
Фуфайки, ботики, кремпленовые платья...
И дух общины, скрепленный трудом!

Какая осень озаряет лес!
И небеса — куда там Рафаэлю!
Сентябрьских гимнов и октябряских месс
припасено не на одну неделю!

И строчками невиданных письмен
пространство полнится, теснится, вдали уводит.
Стоишь у края поля поражен:
там — свод небес, созвездий миллион,
а здесь — громадных клубней темный космос бродит,
кротовых нор размалывая сон,
в прекрасном и могучем хороводе!

Юрий Бекишин
ПТИЧИЙ КАЛЕНДАРЬ

Легкость птиц приобретая,
дней фигурки оживут,
по страницам побегут,
календарь перелистают.
Наши лица озарит
свет на несколько мгновений.
Пруд с миллионом отражений
к октябрю посеребрит.
Вся-то жизнь — лишь эти дни.
Спросит кто-то: «Разве мало?»
Спросишь ты:
«Потом,
сначала,
будем мы совсем одни?»
Спросишь ты:
«Не вмерзнут в лед
след,
дыханье,
росчерк алый,
свет сквозь ветки краснотала, —
спросишь ты, —
не вмерзнет в лед?
Повторится все сначала?
Иль, когда накатят злые
вьюги,
птиц беспечных стая
зазвенит вдруг, пролетая
сквозь одни миры в другие?»

* * *

Вода погасла.
Свет пропал.
В песок и в ил валун зарылся.
И человек к воде припал,
и вздрогнул вдруг,
и отстранился.

И удивился, что легки
дни и его преображенья, —
вся жизнь плыла по дну реки
и не имела отраженья.

Станислав Михайлов

Станислав Николаевич Михайлов родился в 1942 году в деревне Носково Красносельского района Костромской (тогда еще Ярославской) области. Окончив среднюю школу, поступил в Костромской педагогический институт. Затем жил и работал на Украине, Чукотке, Колыме. В 1990 году вернулся на родину. Работал учителем в Межевском районе. Автор двух книг: «Живи и помни» (г.Ворошиловград, 1990 г.) и «Межа» (г.Кострома, 1995 г.), публикаций в коллективных сборниках, альманахах, периодической печати. Живет в селе Парфеньеве Костромской области. Работает учителем в школе.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТЦА

Я не помню божественней мига,
Я не знаю торжественней дня:
Режет батя ржаную ковригу,
Осторожно к себе прислоня.
Нож солдатский сурохо и нежно
Оставляет на корке следы,
И впервый в ароматную свежесть
Не врывается дух лебеды.
Как волнуется нож-торопыга
В узловатых руках старшины!
Режет батя ржаную ковригу.
Он сегодня вернулся с войны..

FATHER'S RETURN FROM THE WAR

I don't remember a more divine moment.
I don't know of a day that was more a cause for
celebration.
Father is slicing the rye loaf carefully,
resting it against himself.
His soldier's knife leaves its traces —
harsh and tender — on the crust.
And the odor of goosefoot* — for the first time —
doesn't intrude upon its fresh aroma.
How agitated, how hurried the knife is
in the gnarled hands of the sergeant major.
Father is slicing the rye loaf
He's return from the war today.

*Goosefoot or orach. A wild herb, cultivated, with a flavor similar to spinach, which was added to bread during hard times, for instance during the Great Patriotic War (World War II), to make up for the lack of flour.

Стахислав Михайлов

* * *

Суровое, нетопленное детство.
В тетрадках мерзли буквы и слова.
Мы, огольцы, чтоб как-нибудь согреться,
Черемуху рубили на дрова.

Звенел топор жестоко и серьеcно,
Мальчишеские души ледяня.
И рассыпались щепки, словно слезы,
Чтоб сохраниться в сердце у меня.

* * *

Не раз мы вспомним со стыдом,
Как, сняв и выбросив кольчуги,
Разворовали крепкий дом,
Чтоб после выстроить лачуги.

К себе тащили по бревну,
Кричали, что досталось мало.
И постепенно шли ко дну
Под грузом общего развала.

Все развалилось, расползлось.
(Не доверяй, сосед, соседу!)
Неуправляемая злость
Сегодня празднует победу.

И что ты там ни говори,
Не убедишь меня в обратном, —
Пусть и зачислишь в звонари
Времен, ушедших безвозвратно.

И снова — храмы на костях.
Опять — богатства пахнут кровью.
Страшусь — потомки не простят
И не ответят нам любовью.

Да и не стоит отвечать
Глупцам, хулящим день минувший.
Плевком иудина печать
Наш злобный лик перечеркнула.

Да, наша совесть нечиста.
Мы перед Русью виноваты.
Неужто нет на нас креста?
Неужто нет в душе Христа?
А что же есть тогда, ребята?..

Станислав Михайлов

* * *

Я кормил комаров
В амгуэмской дали
У пастушьих костров
Возле края земли.

И навстречу ветрам
Я по тундре ходил,
Из реки Омваам
Воду свежую пил.

На ее берегах
В иступлении злом
Меня била пурга
Своим жестким крылом.

Не один перейти
Мне пришлось перевал.
Падал я по пути,
Только снова вставал.

И сильней во сто крат
Становилась рука.

И летел мой чаат
На олены рога,
Жег мне руки огнем,
От натуги дрожал,
Что казалось: на нем
Я всю Землю держал.

Ей упасть не давал
И с орбиты свернуть.
В холода укрывал
Ей кухлянко грудь...

И готов я опять
Из уюта — в пургу,
Чтобы вновь услыхать
Песню нарята на снегу...

Вновь кормлю комаров,
А со мной пастухи
У дымящих костров
Сочиняют стихи.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Здравствуй, речка Межа!
Здравствуй, старый Егорий
И задумчивый лес на крутом берегу!
Улыбнитесь мне снова, багряные зори!
Я без вашей улыбки прожить не могу.

Чтоб на отчий порог опуститься устало,
Через много тревог мне пройти довелось.
Нити прошлых дорог по земле разметало.
Стала реже копна поседевших волос.

Голубая звезда загорится лампадкой
Над моей головой, от волненья дрожа.
И, на блудного сына сердясь для порядка,
Заворчит добродушно старушка Межа.

Пожурит и уйдет, опираясь о берег,
Вдоль полей и лесов голубою каймой.
Припадая к воде, я надеюсь и верю,
Что все те, кто ушел, возвратятся домой.

Станислав Михайлов

СУД

Меня судьба не баловала здорово,
В мой день рожденья плакала земля,
Над колыбелью зло кружили вороны,
Живое тело внаглу деля.

Но я смотрел на мир светло и радужно,
А надо б — удавиться от тоски,
Когда судили в клубе чью-то бабушку
За сорванные ночью колоски.

Мы, огольцы, не плакали подавленно,
А подывали взрослым, как щенки:
— Подумать только — воровать у Сталина!
Упечь ее, каргу, на Соловки! —

И не догадывались будущие хищники,
Что нам уже готовила судьба:
Кого-то завтра посвятят в опричники,
А из кого-то вылепят раба.

А кто воспринял этот путь с обидою,
Стараясь разогнуться из дуги,
Приговорен усатою Фемидою
И навсегда записан во враги.

Нас постепенно делали волчатами,
Лишь вожака учили слушать впредь...
А бабушка прощается с внучатами,
Чтоб по дороге в город умереть.

* * *

Коней, привыкших к палке и кнуту,
К вожжам, всегда натянутым до боли,
К словам соленым, к удилам во рту,
Придумал кто-то выпустить на волю.

И захлебнулся скрежетом запор,
И воцарилась тишина в загоне...
А к вечеру — вернулись за забор
Все поутру отпущеные кони.

Пришли, понуро шеи наклоня,
И на места привычные вставали.
Хотя и знали: это — западня,
И завтра снова выпустят едва ли.

И человек никак не мог понять,
Все объясняя лишь едой да пойлом.
С рассветом снова начал выгонять,
А к вечеру они вернулись в стойла.

Станислав Михайлов

И повторялось так не раз, не два...
Не выдержали кони — заболели.
Не потому, что горькая трава,
А просто жить иначе не умели.

Им все с начала надо бы начать,
Да жаль — душой и телом ослабели...
К свободе тоже нужно приучать,
Как и к неволе, лучше с колыбели.

ОДИНОКАЯ ЖЕНЩИНА

Одинокая женщина,
Неуютно тебе.
Бесконечная трещина
И в душе, и в судьбе.

Одинокая женщина —
Приговор без суда.
Много было обещано,
Да ушло в никуда.

Одинокая женщина,
До могильной плиты
Непременно обвенчана
С пересудами ты.

Одинокая женщина.
Тронул пепел виски.
Ты печалью отмечена
Неизбытной тоски.

Одинокая женщина
(Как тебя мне найти?),
Что осталась невстреченной,
Если можешь, прости!

* * *

Картинки из детства, как кадры кино,
Возникнув на миг, пропадают.
В скверике пили слепые вино,
Ржаным сухарем заедая.

Бутылку, на ощупь деля на троих,
Склоняли в стакан осторожно.
И было, ребята, ей-богу, на них
Без боли смотреть невозможно.

Станислав Михайлов

Глядели на мир вместо глаз ордена
С прошедших войну гимнастерок.
Багряным рассветом пылала весна
В ту послевоенную пору.

Для них же внезапно пришедший закат
Не сменится больше рассветом.
В ответ мне сегодня:
«А кто виноват?..»
Я с вами — совсем не об этом.

* * *

Земля моя — от працедов, от дедов,
Заволжская лесная сторона.
Со мною говорит звериным следом
И тишиной, звенящей, как струна.

Волшебно подернутые краской
Стоят леса в моем родном kraю.
Деревья мне рассказывают сказки,
А птицы колыбельную поют.

Пойду к озерам, где туман седеет,
Найду в реке упавшую звезду
И, может быть, на царство берендеев
На солнечной поляне набреду.

Под перелив пастушеской свирели,
Под говор берендеев на лугу
Шагну я в мир чудесных песен Леля,
В девичий хоровод на берегу.

У ног моих росою плачут травы,
Шумит камыш, о чем-то говоря.
Он голосом покинутой Купавы
Зовет к ответу злого Мизгира.

Но вот уже Ярила вырастает,
Чтоб всем живым зажечь огонь в крови,
А новая Снегурочка не тает,
Шагнув навстречу счастью и любви.

Я по лесам шагаю без опаски,
И радостно среди деревьев мне.
Я бесконечно буду предан сказке,
Моей лесной заволжской стороне.

БАНЯ

Дух роняя ароматный,
Над селом плынут дымки.
День субботний — и понятно:
Топят бани межаки.
Топят с толком, с добрым чувством,
Осторожно, не спеша.
Это, братец мой, — искусство.
Баня — то же, что душа.
Вот иной тебе нажарит
Так, что гнутся кирпичи.
А потом в сплошном угаре
Ты хошь парься, хошь кричи.
Не по мне такая баня.
Не мытье — зубная боль.
Вот когда сосед сварганит
С удовольствием — изволь!
Наша баня пышет жаром.
Как в тумане — потолок.
Ну-ка, дайте больше пару —
Забираюсь на полок.
В нашей бане пахнет мятой.
С кипятком шипят тазы.
Дайте веник ароматный
Из березовой лозы!..
И пойдет работать веник
По спине и по бокам.
Жжет ладони, бьет колени
И гуляет по рукам.
Сам собой лежу исхлестан,
На душе легко-легко,
Будто пройденные версты
Вдруг остались далеко.
Это что ж со мноюсталось?..
Я такой и — не такой.
С тела сброшена усталость,
Словно чье-то рукой.
Потому сюда так манит —
В баню просится душа!
Баня, баня, чудо-баня,
До чего ж ты хороша!
...К ней хожу я на свиданье
В зрелом возрасте уже.
Не забыть мне этой бани
В огороде на Меже.

Ольга Колова

Ольга Викторовна Колова родилась в деревне Григорове Парфеньевского района Костромской области. По окончании средней школы работала в сельской библиотеке. Подборки стихотворений О.Коловой публиковались в районных и областных газетах, звучали по радио России, вошли в альманахи «Кострома» и сборник поэзии «Все начинается с любви». В 1996 году областной писательской организацией была издана ее первая книга «Пугливая птица». Живет Ольга Колова в селе Матвееве Парфеньевского района Костромской области.

* * *

Меня не угнетает тишина,
Безмолвие души не потревожит,
Мудрее одиночество и строже.
Но пусть непонимания стена
Не встанет между близкими и мною.
Ни от кого души своей не скрою.
На то и лира Богом мне дана.
Изведать и принять чужую боль,
Чужого горя глубину измерить,
Слезам другого, как своим, поверить
И, утирая, ощутить их соль...
Чтоб, в доброту поверив всей душой
И не закрыв для искренности двери,
Не сомневаясь, вдруг свою доверить...
Тогда СВОИМ становится ЧУЖОЙ.

* * *

Silence doesn't oppress me
nor will quietness disturb my soul.
When you're alone, you see
more deeply, more accurately.
Let not the walls of misunderstanding
stand between me and other people.
Nor will I hide my soul from anyone.
It was for that purpose
that God gave me my lyre.
I want to come to know and accept as my own
another's pain, to experience the depth
of someone else's grief,
to believe the tears of another
as if they were my own,
and, wiping them away, to taste their salt —
in order that I may trust other people,
believe in their kindness with my whole heart,
not shutting any doors, not doubting.
Then a STRANGER becomes
someone close to you,
becomes your dearest FRIEND.

* * *

Серебристые пряди луны
Зацепились за голые ветки.
Что я? Где?... И живу ли на свете?
Жизнь моя — отголосок струны.

Одиноко и холодно мне
Средь луны ледяного покоя.
Ты, гитары коснувшись рукою,
Помолись за меня в тишине.

* * *

И вновь приснился мне тот милый дом
И — липы на окраине села,
Где в детстве я открыла старый том
Есенина — впервые — и прочла.

Но те раздумья первые мои,
Волнения и радость дивных грез
Не удержали в песнях соловьи,
А расплескали трелью меж берез.

Задумчивой раките у пруда
Я доверяла все свои мечты.
О, как хотела я уже тогда
И жить, и петь во имя Красоты!

А в том пруду, где темная вода
Касалась нежно ивовых ветвей,
Дрожала одинокая звезда,
Печаль судьбы предчувствуя моей.

* * *

В часы шального снегопада,
Когда глухой стеной снег,
Ах, сердце, сердце, что нам надо?!.
Лишь времени замедлить бег.
Чтоб в дивном снежном откровенье
Покой душевный обрести —
Хотя б на миг прогнать сомненья
И в Вечности себя найти.
Чтобы в безмолвье безмятежном
Чуть-чуть понежилась душа.
Затерянная в мире снежном,
Стою в забвенье, чуть дыша.
А снег чарующе ложится...
Спокойно, тихо и легко
В душе. И белою страницей
Жизнь развернулась широко.

* * *

В беспросветную ночь
Я прошу: «Не гоните меня!»
Я лишь птица,
Застывшая в вихре февральской метели, —
Полетела на свет,
Вы же окно затворить не успели.
И теперь я прошу об одном:
«Не гоните меня!»

Мне б лишь крылья согреть
У несмелого пламени свеч.
Хоть на миг позабыть,
Как беснуется яростный ветер.
А потом — только знать,
Что возможно хоть где-то на свете
Молча крылья согреть
У несмелого пламени свеч.

МЕЛОДИЯ МОЕЙ ДУШИ

Мелодия моей души
Близка прозрачной ночи лунной.
Ее поют в лесной глухи
Дождей серебряные струны.

Звенит души моей печаль
В прощальном вальсе листопада,
То вдруг возникнет невзначай
В тиши заснеженного сада.

Она в мерцанье дальних звезд
Самою вечностью пропета.
И светлой грустью средь берез
Сольется с нежностью рассвета.

И в робком шелесте листвы
Она струится откровеньем,
С ромашкой белой из травы
Пробьется вдруг стихотвореньем.

А с ним — войдет в сердца людей,
Что лучшей мне наградой будет.
А вдруг мотив души моей
И в вас мелодию разбудит?..

Ольга Колоба

* * *

Устав от нескончаемых словес,
От суеты пустой, как от проклятъя,
Захочется сбежать в весенний лес
И кинуться в зеленые объятья.

Всей нежностью проникнуться земной,
Душой в весеннем мире раствориться:
Одновременно быть листвой и птицей,
И безмятежной высью голубой.

Быть лепестком у первого цветка,
Росинкой, отразившей лучик солнца...
И ласково вдруг Кто-то улыбнется.
И — даль светла и радостно близка.

* * *

Колокольчик луговой,
Что качаешь головой?
— Удивляюсь я рассвету,
Небу,
Солньшку
И лету!

* * *

Дали родные, Светлые дали!..	Что же так больно?..
Разве здесь место Грусти-печали?	Что же так грустно?..
Разве есть место Муке и боли	В милом приволье
В шелесте леса,	Так бесприютно!..
В шепоте поля?..	С ивою плачу,
	Грусть не развею.
	Любят иначе?
	Я — не умею.

* * *

Говорят, что женская гордыня —
Самый тяжкий грех из всех грехов.
Неужели все же СИЛЫ ЗЛЫЕ
Дали мне отведать вкус стихов?

Отчего же радуюсь и плачу
Не слезами, а созвучьем слов,
Рифмами увенчанных, и трачу
Жизнь свою на радость новых строф?

До чего же сладостны мгновенья —
Те, когда со сказочных высот,
Душу озаряя вдохновеньем,
До тебя вдруг Музা снизойдет!..

И поможет выплеснуть словами
Чувств твоих волнующий пожар,
Вновь маня парить под небесами...
Говорят, что это — БОЖИЙ ДАР...

Ольга Колова

* * *

Необозримость, необъятность,
Непредсказуемость и не-
Постигаемая святость
В неотразимой глубине
Души твоей, в бездонной сини
Веков, плывущих над тобой...
В твоей безмерности, Россия,
Скрыт тайный план судьбы земной.

* * *

Знать, так надо, так положено
На роду:
По тропинке запорошенной
Век иду.

На судьбу за одиночество
Не ропщу,
В гороскопах звезд пророчества
Не ищу.

Мне их игры хороводные
Ни к чему.
Выбираю путеводною
Ту одну,

Что волхвы Востока видели,
Зная суть
Указавшей путь к Спасителю,
Верный путь.

Пусть на картах не отметили —
Зорок глаз.
Свет ее тысячелетия
Не погас.

Как с тропы, давно нехоженой,
Не свернуть?
Век безбожный — бездорожье,
Труден путь.

Одинокий след покажется,
Пропадет, —
Редко здесь проходит страждущий
В свой черед.

Может быть, догонят путники?
Может, нет...
Я стихом своим, как прутиком,
Мечу след.

Николай Муренин

Детство и юность Николая Владимировича Муренина прошли в Саратовской области и на Северном Кавказе. После окончания Саратовского института механизации сельского хозяйства работал в Красносельском районе Костромской области, затем в Москве, на строительстве Олимпийского велотрека в Крылатском. После Олимпиады-80 вернулся в Кострому, стал работать в печати, заочно учился на отделении журналистики Высшей партийной школы. Был редактором ряда костромских изданий, в последнее время — историко-краеведческого журнала «Губернский дом». Стихи печатались в авторском и коллективных сборниках, журналах «Волга» и «Юность», в альманахе «День волжской поэзии» и книге «Живая вода».

ПРАЗДНИК

Что я делал, где я был?
Тихо в чистом поле.
Запах хлеба позабыл,
Вкус воды не помню!
Соберу колосьев горсть —
Тяжело ладони...
И хозяин я, и гость
Нынче в отчём доме.

Я на празднике души:
Скатерть — словно небо.
А на ней — воды кувшин
Да буханка хлеба.
Хлеб водою запивал,
С юностью калякал.
Воду хлебом заедал
И от счастья плакал.

HOLIDAY

What did I do? Where was I?
It was quiet in the open field.
I've forgotten the odor of the bread.
I don't remember the taste of the water.
I gather handfuls of grain.
They're heavy in my palms.
I'm both the householder and the guest
now in my family's home.
It's a holiday for my soul.
The tablecloth is like the sky.
And on it there's a pitcher of water
and a loaf of bread.
I washed my bread down with water.
The days of my youth were vivid to me.
I took my water with bread
and cried from happiness.

Николай Мурзин

* * *

В родном лесу опять стою —
Как много дней легло меж нами! —
И, вспоминая жизнь свою,
О доме думаю, о маме.
Среди стволов, ветвей, стеблей,
Где прежде бегали босыми,
Душа становится светлей,
Слова становятся простыми.
Здесь и деревья говорят,
И травы вещими бывают.
Они не хвалят, не корят,
Не учат жить, а — понимают.
Здесь можно снова все начать.
И над собой поднявшись выше,
Услышать главную печаль
И радость главную услышать.

* * *

С утра ножовка пела во дворе,
Топорик токал...
Дед мастерил игрушки детворе —
Зверей и кукол.

В обновах он обычно не ходил —
Смутился слишком.
Все говорил: «Не в зеркало гляди —
В глаза детишкам».

Дед трудно жил и школу не кончал —
Оставил внукам.
И сам не знал, что многих обучал
Большим наукам.

Он вел всегда веселый разговор —
Назло всем бедам.
... Осенним утром наш притихший двор
Прощался с дедом.

Гроб вынесли, и людям в тот момент
Понятно стало:
Зачем на днях раздал он инструмент
Ребятам малым.

Тому — рубанок, этому — топор...
Чтоб знали дело...
Мы позабыли многое с тех пор,
Но — помним деда.

Николай Мурзин

* * *

Взгляд тяжелый и шрам на виске —
Много лет протянулось в неволе...
И пошел он к глубокой реке,
И побрел он в широкое поле.

Только не было больше реки,
Только поле уже не родило,
Не встречались в селе мужики —
Всех нужда да бутылка сгубила.

Он, увидев такое, молчал,
Долго думал, за что эта плата.
А потом, словно зверь, зарычал,
А потом, как ребенок, заплакал.

И вернулся он ночью назад,
И угрюмо сказал часовому:
«Пропусти, я свободе не рад,
Не могу уже жить по-другому».

Удивленно смотрел часовой
На лицо, что белело во мраке,
И начальник качал головой,
Находя ему место в бараке.

* * *

От высоких деревьев и тихой воды
Выйдешь к месту, что миром забыто:
Отзвенели луга, отшумели сады,
И деревня крест-накрест забита.

Три избы на краю, как три свечки, стоят,
Три старухи в них дни доживают.
О своем говорят, никого не корят
И беды никому не желают.

Им бы хлебца купить, им бы мыла где взять,
Привезти бы обычной соломы.
А у нас — повороты крутые опять,
Коренные опять переломы.

Рубежи покоряли, к рекордам рвались,
За туманом бежали из дому...
А казалось бы, просто живи и трудись,
И давай это делать другому.

Не могли, не хотели? И вот он — итог.
Приходите сюда и глядите...
Век прогресса и здесь завершает виток —
Три избы на безмолвной орбите.

Николай Мурехин

* * *

Лес отворился — спокоен, высок:
Ели, березы...
Словно закончился школьный урок —
Добрый, серьеzyный.

Даль распахнулась — проста и светла:
Пажити, пашни...
Будто бы не было горя и зла
В жизни вчерашней.

Будто уже не придут никогда
Боль и тревога...
Чистое небо, живая вода —
Как это много!

Даль распахнулась, родник прозвенел,
Лес отворился...
Словно я, грешный, на этой земле
Только родился.

* * *

От суетных дел отлучиться,
О зряшном мечтать перестать —
И слушать, как тихо и чисто
Поет на ветру береста.

Багряные листья взъерошив,
Под голову бросить суму
И думать о чем-то хорошем,
Неясном пока самому.

Увидеть свое отраженье
В деревьях, воде, облаках...
И чувствовать мысли движенье,
Затерянной где-то в веках.

* * *

Осталось не больше недели, —
В семье ожидали беду.
А бабушка с внучкой сидели,
Обнявшись, в больничном саду.

Был голос старушки негромок,
И, все понимая сама,
Смотрела она, как ребенок,
На травы, деревья, дома...

А девочка молча следила,
Как кружит вверху воронье.
И что-то недетское было
Во взгляде печальном ее.

Николай Мурзин

* * *

Приехав в тихий городишко,
Устав от долгого пути,
В гостинице, не маясь слишком,
Недорогой приют найти.

И встретить в комнате под вечер
Двух мужичков навеселе.
И слушать мудрые их речи
О городе и о селе.

Пить с ними чай неторопливо,
Есть с ними сало не спеша
И думать: «Боже, как красива
Народа русского душа!»

Проститься с ними тихо, просто —
Ведь знались-то всего три дня.
Но ощутить внезапно остро,
Что эти люди мне родня.

И долго-долго, уезжая,
Назад глядеть через стекло...
И в сердце жизнь войдет чужая —
Тревожно, горестно, светло.

* * *

Заберусь на высокую гулкую гору,
Окунусь в поднебесную ширь.
И окрест погляжу, и откроется взору:
Поле, озеро, лес, монастырь...

И покажется вдруг: отворятся ворота,
Разольется малиновый звон,
Рыбаки, хлебопашцы, закончив работу,
Выйдут к озеру с разных сторон.

Сколько всякого люда: где — торг, где — забава...
И наполнится радостью грудь:
Велика, и обильна, и славна держава,
И далек ее праведный путь.

На березовом пне на судьбу погадаю
И узнаю большую беду.
И сперва засмеюсь, а потом зарыдаю
И в сухую траву упаду...

Но очнусь, и предстанет печальному взору
В тишине на высокой горе:
Ждут в последней надежде леса и озера,
Свет мерцает в монастыре...

Татьяна Дмитриева

Татьяна Васильевна Дмитриева человек интересной и сложной судьбы. Работала библиотекарем, строителем, кондуктором автобуса, проводником пассажирских вагонов, а на Курильских островах работала на рыбообрабатывающем заводе. Вернулась в родной город. Теперь — почтальон. Автор публикаций в периодике, коллективных сборниках, двух книг — «Все начинается с любви» (1979г.) и «Перекрестки» (1997г.).

ОТ АВТОРА

Что можно сказать о себе в короткой автобиографической справке? Я — самая обыкновенная ваша землячка, прожившая в городе, где родилась, где мои корни, почти полвека. Люблю жизнь, поэтому хочу прожить, как минимум, еще столько же. Судьба моя типична для многих женщин моего поколения: детство без отца, школа, интернат в Костроме, кульпросветчилище. Поиски себя, своего места в жизни. Всегда остро чувствовала и переживала любую несправедливость и фальшь. К счастью, как я написала в одном из своих ранних стихотворений, «мне везло на хороших людей». Это и учителя в школе и кульпросветчилище, и товарищи по работе, и друзья детства, ставшие почти родными.

Одной из таких встреч, подаренных мне судьбой и определившей и развившей мое увлечение поэзией, стала встреча в редакции газеты «Вятгужский край», при которой было создано литературное объединение «Земляки». Им руководил в те годы Михаил Федорович Базанков, ныне — председатель областной писательской организации. Конечно, обсуждаемые при встречах произведения были далеки от совершенства, но сама творческая атмосфера, доброжелательное отношение более опытных литераторов к тем, кто еще только пробовал себя на литературном поприще, — все это до сих пор рождает в сердце теплые щемящие чувства.

Раз в год в Костроме все молодые литераторы области встречались на творческих семинарах, проводимых писательской организацией, где, конечно, было много волнующих, незабываемых встреч с интересными стихами, людьми, судьбами... Где в общую тетрадь до утра переписывали затронувшие сердце стихи Сергея Потехина, читали и свои, и чужие стихотворения и говорили, говорили... Со многими авторами до сих пор поддерживаем связь и радуемся каждой удаче друг друга.

Марьяна Дмитриева

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спят мои дочки-веточки,
Два моих ясных солнышка,
Весны мои рассветные,
Радость моя бездонная.
Месяц за тучку спрятался,
Мучит его бессонница,
Ласково над кроватками
С звездного неба клонится.

Ветер за день умаялся,
Спит под кустом калачиком.
Тикает тихо маятник
Над заводным над зайчиком.
Инеем припорощены,
Спят за окном березоньки.
Спите и вы, хорошие,
Две моих чистых слезоньки...

ULLABYE

My little daughters, tender shoots,
my two bright little suns,
my dawning springtimes,
my joy without limits.
The moon hides behind a little cloud.
She can't sleep.
Up in the starry sky she bends down
affectionately over your cribs.
The wind is tired out at the end of the day.
He's sleeping curled up under a bush.
The clock's pendulum ticks quietly
over the windup rabbit.
Lightly powdered with hoarfrost
the little birches sleep outside the window.
You sleep, too, good children,
my two pure little tears

* * *

Мне везет на хороших людей!
Я, признаться, сама неплохая:
И друзей не бросаю в беде,
И врагов из беды выручаю.
Я по свету немало прошла,
Где — проездом, а где — с остановкой,
Был братишkin армейский бушлат
И подушкой моей, и обновкой.
Брюки, куртка, штормовки брезент,
В худшем случае — туфли с дырою,
Кроме шуток, для верных друзей
Не играют существенной роли.
А на шутку обидеться — грех:
Жизнь без шутки грустна и печальна.
Без обиды разделим на всех
Смех, когда «по одежке встречают».
На работе, в вагоне — везде
С каждым часом и днем убеждаюсь:
В мире все же добро побеждает,
Мне везет на хороших людей.

Марьяна Дмитриева

* * *

На обед — картошка с солью,
А на ужин — с хлебом чай...
Эх ты, доля моя, доля —
Обгоревшая свеча.

Вот уж раз, наверно, пятый
Простыню себе чиню.
От зарплаты до зарплаты
День мой тянется по дню.

А с зарплаты на сапожки
Надо дочке отложить.

Заржавеют скоро ложки,
Если дальше так же жить.

Воровать — не научилась,
На панель — уже стара,
А стихи, что настроила,
Не возьмут редактора.

Я бы спела о сирени,
О весне и о любви,
Только нету вдохновенья
Для таких стихотворений —
Вот такая «се ля ви»...

* * *

Слышно, как в печи огонь
Беззаботно пляшет.
Обведу твою ладонь
На листе бумажном.
Обведу, потом свяжу
К Рождеству перчатки,
Но — ни слова не скажу,
Чтоб не осерчал ты.
Ты безропотно смолчишь,
Улыбнувшись кротко,
Лиць огонь вздохнет в печи,
Усмехнется: «Вот как?!»
Вот как! Сердце на ветру,
Ошалев от ласки,

Вдруг доверится перу
В выдуманной сказке...
Обведу твою ладонь
Рядом со своею,
Мне не стать твоей бедой,
А тебе — мою.
Мне не стать твоей весной,
Я тебе — вполроста!
Мне любить тебя — грешно,
Не любить — непросто...
Только к солнцу все равно
Тянется былинка!
Вот такое вот кино —
Явочка с повинной...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Бар сверкает, кишит соблазнами,
Голосов и огней — не счесть.
С океаном сегодня праздную
Свои разные — 26!
Опьянил, укачал, порадовал
Разудалой своей красотой,
Свистом ветра, волны громадою,
Переливами голосов.
Не шампанское в искрах пенится,
Белой накипью бьется в борт —
Океан! И под ветром кренится
Теплоход наш, красив и горд.
Эх, гулять, так гулять! Да разве мы
Неуемностью — не под стать?!

Неотпразднованное — отпраздновать!
Недолюбленное — наверстать.

Матвяна Дмитриева

Годы крошаются, будто в пальцах мел,
Напиши все, успей — поди!
В 26 еще в жизни столько дел,
Столько дел еще впереди!
Пусть волна закипает яростно,
Так, что хоть на карачках в трюм! —
Мне все грезится: алый парусник
Мчится в утреннюю зарю!

* * *

Золотая пора раздумий...
На ветру раскидав листву,
Снова осень в лесу колдует,
Пишет в жизни моей главу.
Мысли, как облака, уносят
От угрюмых Курильских скал
Меня в давнюю нашу осень,
В наших чувств сумасшедший шквал,
Не остывших еще — с годами,
С расстоянием в полземли,
Не разменянных, словно знамя,
Знамя первой, большой любви.
...Разминулись пути-дороги,
Воет ветер в промозглой тьме,
Будто пес на моем пороге,
Скрыть тоску свою не сумев.
Разминулись. И чья вина тут?...
Я одна — как сосна во ржи.
Ты — далеко, давно женатый.
Как живется тебе, скажи?..
Сто дождей, сто снегов, сто песен.
И дорога, как жизнь, трудна.
Мир, вообще-то, не так уж тесен:
Сколько дней и ночей — одна...
Мир — просторен, дорог — без счета,
Но одну замело. Совсем.
...Снова в осень уходит кто-то,
Плачет дождь на пустом шоссе.

* * *

Я приехала. Здравствуй... Километры дорог
Не сдержали твое притяжение.
Не помог мне ни Север, ни Дальний Восток,
Ни гадалок-старух вороженье.
Быются птицами сны, раня сердце мое,
Первым льдом затянуло дорогу.
Съежив плечи, над городом месяц встает,
Без тепла, видно, тоже прогонув.
Я приехала. Здравствуй! Во мне столько дум
Тяжкой ношей легли за плечами.
Звезды падали, гасли, пророча беду,
Суматошно причали кричали.

Марияна Дмитриева

Но я шла. В бормотанье вагонных колес
И в казенном уюте гостиниц,
Как далекие отсветы
Вспыхнувших гроз,
Эти строчки во мне приютились.
Я забыла о том, что меня ты не ждешь,
Что тебя позабыть я хотела...
Как истощно, со всхлипами мечется дождь.
День и ночь. Всем назло! Оголтелый...
Я приехала! Здравствуй! Я тебе расскажу,
Как прекрасна земля на рассвете!
...Одиноко стою на перроне, дрожу.
Зябко воет разбуженный ветер.

* * *

Ночь осенняя глухая,
Всхлипы редкие дождя.
Для чего друг друга хаять,
Обвиняя и стыдя?
Для чего стрелять словами,
Не в десятку — в сердце бить?
Все, что было между нами,—
Растоптать, стереть, забыть!
И пока еще не поздно,
Не оглядываясь, — прочь!
Плачет дождь. Погасли звезды.
Ночь.

* * *

Там день — такой большой,
такой безоблачный,
А мир — так прост,
и так смешны в нем взрослые!
А мы в руках у бабушки, как в обруче, —
Все вместе и по свету не разбросаны...

Борис Дроздов

Борис Борисович Дроздов родился в 1957 году в Курской области. Отец — геолог, мать — учительница. В связи с работой отца было немало поездок по Алтаю, Горной Шории... После окончания Новосибирского медицинского института работал в одном из отдаленных районов. С 1992 года Борис Дроздов живет в Кологриве Костромской области. Работает хирургом. Участник областных творческих семинаров, автор публикаций в альманахе «Кострома», периодической печати. В 1996 году в серии «Литературная Кострома» вышел его первый сборник стихотворений «Охотничий ужин».

* * *

Согрелся март в ладонях вербы,
И ожили его приметы:
Не спится,
Ссорятся коты,
Гремит вода по ржавым трубам,
И стали чувственнее губы...
И ты...

Днем — кутерьма.
А в ночь — морозно...
Тошнит от заскорузлой прозы
И радостно от чепухи!
И никуда уже не деться
От счастья,
И волнуют сердце
Стихи...

* * *

March warmed herself
in the palms of the pussy willow
and her signs come to life again.
It's impossible to sleep,
the tomcats are fighting,
water roars through rusty drain pipes,
and my lips are more sensual...
And you...

By day things stir,
but at night they're frozen.
I'm sick of callous prose;
it's nonsense that makes me happy.
I have nowhere to go in my happiness,
and poetry unsettles the heart.

Борис Драгоба

* * *

Никому ты не нужен,
И смирись до утра.
Прост охотничий ужин
Под защитой костра —

Чай на листьях настоян,
Хлеб и сало... Да ночь,
Что стоит за спиной,
Но не может помочь.

Не надейся на чудо!
Зверь — и тот обойдет.
Спи спокойно, покуда
Нет дороги вперед.

Убиваться не надо —
Жизнь и впрямь хороша!
Бесконечное — рядом.
И свободна душа...

* * *

Да нет же, нет! Не променяю я
На все щедроты ласкового юга
Осенний дождь, промокшую фуфайку
И пару добрых кирзовых сапог.

Пусть странен я. Но я люблю свой край
Не прибранным — бездельникам в угоду, —
А сохранившим дикий, строгий вид.

Среди чащоб и непроезжих топей,
Здесь, сам с собой, я — вольный человек.
Куда бы ни пошел — везде мой дом.
И время есть, не торопясь, подумать
О смысле жизни... О пути России...
И о себе, как это ни грешно...

* * *

* * *

Засыпаю... До одури
Наплыvает одно —
Полосатые окуни,
Каменистое дно.

Лес, лыжнею измеренный,
И мальчишки-друзья...
Снится остров потерянный —
Деревенька моя!

И всю ночь черноокую
Так светло на душе, —
Снится детство далекое.
Дальше смерти уже...

Пяток корявых сучьев,
Берёсты завиток, —
И вмиг огонь трескучий
Ударит в котелок,

К воде метнется тропка,
И видишь: у ракит,
Уткнувшись в берег, лодка,
Подрагивая, спит...

Пора б угомониться
И мне. Но как уснуть?
Над головой роится,
Клубится Млечный Путь...

Борис Дроздов

* * *

Пусть через сто, пусть через двести лет —
Сюда вернутся люди! Будет странно
Им находить подошвы от сапог,
Дырявый чайник, спинку от кровати,
Как это нахожу сегодня я...

Давно уже мне не было так горько!
Смотрю на два оставшихся креста,
Едва заметных в зарослях крапивы,
И тщетно силюсь прошлое понять.

Куда ушли и что искали люди?
Какая неизбывная беда
Заставила их пращуров покинуть?

Никто мне не ответит... Только ели,
Под окнами исчезнувших домов,
Вершинами приветливо кивают.
Я прочь бегу.
И страшно оглянуться...

* * *

Час за часом — топ да топ.
Час за часом — топь да топь.
Ни присесть, ни опереться...
И выскакивает сердце.
И удрало б, но пока
Держит лямка рюкзака.

* * *

Все ближе мир небытия...
По голубому коридору,
Не торопясь, отправлюсь я
Искать скупого режиссера.
Мне все равно — он будет Бог
Иль рафинированный Разум.
Я жизнь свою играл, как мог,
Без каскадеров и подсказок.
Что ни случится — все приму!
Но на пути в немые дали
Одно смущает — почему
Не показали мне сценарий?..

* * *

Не ищите меня —
Я нигде и... везде!
Если выюга — в печи,
А весною — в воде.
Если лето — в цветах,
Увядает — в лесах.
С бесконечной улыбкой
На жестких губах!

Борис Дроздов

Не ловите бродягу!
Охотник, рыбак —
То от ягоды — сладок,
То горек — в грибах.
В нем большое, земное,
Живое живет —
Питекантроп,
Забредший в двухтысячный год!

* * *

Я лето узнаю по письмам,
В которых больше строк, чем чувств.
Приятно окунуться в мысли,
Но — не хочу!

Я просто знаю — будет осень,
Душа потянеться к теплу...
А кто кого, согревшись,бросит
И почему —

Не все ль равно?..
В круженье новом
Всех обвенчает Новый год.
И снег на ящике почтовом
Меня уже не обожжет...

* * *

Мне плохо.
Маленькая радость —
Набрать картошки,
Взять ружье
Да в лес, в избушку,
И, перхаясь,
Полынью вымести ее.

Буржуйку обозлить сосною...
Уткнувшись в лапник головой,
Укрыться тишиной лесною
И задохнуться
Тишиной.

* * *

Не надоест вагон.
Когда заняться нечем,
Я дорожу теплом
Любой случайной встречи.

Пусть мысли далеко, —
В невольный час досуга,

Борис Дроздов

Не зная никого,
Легко понять друг друга!

Но... время. Скрип колес.
Недолгое прощанье
Разводит нас без слез,
Без пошлых обещаний.

И если жаль — слегка, —
Что все невозвратимо.
Жизнь больно коротка,
Как... вскрик локомотива!

* * *

Мне давно за тридцать.
Странная пора —
Боли в пояснице,
То не спится,
То хандра...

Втянешься в работу,
Но угрюм, как смерть.
Давит опыт,
Душит опыт —
Не дает взлететь.

Мне бы ошибиться,
Наобум пойти...
За полночь. Не спится.
Что еще случится
Впереди?

* * *

Град в окно ударит,
Оборвет белье.
Молния, играя,
В столб вонзит копье.

Недовольный, следом
Огрызняется гром.
И пушистым пледом
Пыль укроет дом.

Вдруг кругом затихнет...
И прольется дождь!
Ты ко мне, трусиха,
В первый раз прильнешь...

Борис Драгоманов

* * *

Мне нравилась картина эта.
Очень!
Мазок малинового цвета
На платье ночи,
Зеркальце реки,
Разбитое игрою ряби...
Когда старик
Остановился рядом,
Я, не сдержавшись, удивился вслух:
— Какой закат! Как верен цвет!.. —
И вдруг:
— Да нет, сынок, — рассвет.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Дом воевал — колол дрова,
Рубил капусту. Знамо — сила!
И подошедшая Зима
Вдруг перемирья запросила...

* * *

Вернулось все. И, как бывало,	Вернулось все. И только дома
Хлопочет дом.	Старухи нет...
Лишь ребятня шумливей стала —	Да стал спокойнее иконы
С утра содом.	Сварливый дед.

* * *

Метель и ночь —
Вражда цветов!
Сквозь полумрак —
Обрывки света,
Зловещий посвист
Проводов,

Крик
Искаженных силуэтов...
А утром,
Подышав в окно,
Замрешь от жуткого покоя...
И снова белое — одно,
И снова черное — другое.

* * *

Гремели грозы. День и два...
Потом шептались обложные.
Потом под тяжестью трава
Легла в ладони дождевые.

Потом вздыхали облака,
И вдруг, сегодня, — только солнце!
И жизнь обманчиво легка,
И сердце удивленно бьется...

Светлана Виноградова

Светлана Владимировна Виноградова родилась в г. Галиче Костромской области. Закончила Костромской педагогический институт. Работала секретарем горкома комсомола в г. Шарье, была на партийной работе в г. Галиче. Заочно закончила Костромской сельскохозяйственный институт. В настоящее время работает редактором районной газеты «Галические известия». Член Союза журналистов России. Стихи публиковались в литературных альманахах, периодической печати. В 1996 году в серии «Литературная Кострома» вышел первый поэтический сборник «Дорога домой». Участница VI Всесоюзного совещания молодых писателей.

* * *

Мама, спой мне колыбельную
Про кораблик и про ветер.
Почему — сама не ведаю —
Засыпаю на рассвете?

Почему на волю просятся
Те слова, что были тайными?
Листья желтые по осени
Все зовут в дороги дальние.

И поэтому, наверное,
Сердце бьется сильно-сильно.
Мама, спой мне колыбельную,
Как, бывало, в детстве синем.

* * *

Mama, sing me a lullabye
about a small boat and about the wind.
Why do I fall asleep at dawn?
I hardly know.

Why do my secrets beg me
to speak out freely?
The yellow leaves in autumn
call us all to travel far away.

And that's probably why
my heart is beating so fast, so fast.
Mama, sing me a lullaby like you used to
when I was little and everything was clear and bright.

Светлана Виноградова

* * *

Моя Россия — это Галич.
Туман, свисающий с берез,
И ветер, что с озерной дали
Мне в руки лилию принес.

Здесь Балчуг в яблонях цветущих,
Как будто в белых облаках,
Стоит над городом и тучи,
Как крышу, держит на руках.

Здесь, как пожарища, рассветы
Встают с росистых берегов,
Где сохнут весла, сохнут сети
В слободке наших рыбаков.

Здесь Лисья горка в соснах ровных,
Открытых всем семи ветрам.
Здесь что-то шелестят их кроны
Бегущим мимо поездам.

Моя Россия — это Галич,
Беспечной юности причал.
Мой старый, верный мне товарищ,
Что часто снится по ночам.

НА РОДИНЕ

Я приду по тропинке узенькой,
От дороги свернувшей вниз,
В деревеньку мою — Галузино,
Меж черемух десяток изб.

Поздороваюсь с каждым встречным,
Теплый взгляд почувствую вслед.
Не пройдешь у нас незамеченным —
У деревни секретов нет.

Вот изба — голубы наличники.
В палисаде сирени хмель.
А вокруг тишина привычная,
Лишь гудит деловитый шмель.

Дремлют кринки на тыне стареньком.
Напоен теплом огород.
На прогретой солнцем завалинке
Сладко жмурится старый кот.

Ты прекрасна, милая родина.
Сохранись такой, сохранись
С красотой, негромкою вроде бы, —
Меж черемух — десяток изб.

Светлана Бахорадова

СЕРЕБРЯНАЯ НОЧЬ

Ночь дала тишине ненадолго приют.
Спят поляны в дремоте несмелой.
Лишь сторожко природы покой берегут
Камыши у реки занемелой.

Только кони заходят в ее глубину,
Долго пьют — и не могут напиться.
Й губами берут осторожно луну,
И она на губах серебрится.

И с серебряным звоном идут по реке,
Рассыпая копытами блестки.
И серебряным светом блестят вдалеке
Повлажневшие листья березки.

Свистнет первая птица. И робко она
Замолчит в ожиданье ответа.
И серебряным ржаньем всего табуна
Знаменуется время рассвета.

ДОМА

Бабушка, бабушка! Ангел мой старенький!
В гости к тебе я на лето опять.
Сделай, пожалуйста, вновь меня маленькой!
Можно, я буду с тобой ночевать?

Ты постелила одеяло мне пестрое,
Теплой ладонью коснись до волос.
Что из того, что я уже взрослая,
Что нет в помине двух тоненьких кос!

Свет погаси да ложись-ко ты рядышком,
Будем знакомых с тобой вспоминать.
Бабушка, бабушка, милая бабушка,
Я и забыла, что рано вставать!

Утром проснусь — только зорька заплещется,
Зыбкий по комнате плавает свет,
Топится печка... Иль это мерещится?
Глядь — а тебя уже рядом-то нет!

Можно, еще поваляюсь немножко я?
Сон деревенский — как сказочный дар.
Только заманчиво пахнет лепешками,
Только призываю поет самовар.

Выйдем с тобой, посидим на завалинке.
Тело охватит веселая дрожь.
Бабушка, бабушка! Ангел мой старенький!
Ах, до чего же денек-то хорош!

Светлана Виноградова

* * *

А бабушка совсем не постарела —
Все тот же голос, что речное пение,
Все тот же плат, что снег январский, белый,
Все те же руки, темные от времени.

Все так же рада моему приезду:
«Жаль, на денек! Жила бы, отдыхала!»
И на ночь непременно перекрестит,
Укрыв меня лоскутным одеялом.

Все так же вся в делах с утра до ночи,
Все так же ловко затопляет печку.
Все так же озабоченно хлопочет:
Тепло ль в избе, накормлены ль овечки.

А бабушка совсем не постарела...
Махну, простясь, своей косынкой пестрой.
В ответ мелькнет платок полоской белой.
И отзовется сердце болью острой.

* * *

Разберу прическу, сброшу янтари.
Больше слов красивых мне не говори.
Я теперь не верю ласковым глазам.
А печаль потери ощутишь ты сам.

Проводить приду я завтра на вокзал.
Жаль, что ты о главном так и не сказал.
Горизонт распахнут, вечер голубой.
А ладони пахнут все еще тобой.

* * *

А беда, как всегда, непрошено.
А беда, как всегда, нежданно.
Увела от меня хорошего,
Отняла у меня желанного.

Отняла — а мне все не верится.
Виновата зима в том белая:
С ним она помогла мне встретиться...
Только что ж ты, зима, наделала!

Все пути замела-завьюжила,
Нет ни тропочки мне, ни весточки.
И в окне, где живет мой суженый,
Позадернуты занавесочки.

ПРО ВАСЮ

Он жил, как мог, — открыто, без утайки.
Да что таить, когда один как перст.
Вернее, не один, а с балалайкой.
Жил, глядя на соседушек-невест.

И вечерами, сидя на беседе,
Он так играл — казалось, колдовал.
Звучало звонко: «Сени мои, сени!..»
А он себе невесту выбирал.

«Сегодня Верку провожаю, Верку!
Гляди, какая! Брови аж вразлет!»
И, левый глаз прищурив для проверки,
Он представляял, как с Веркою идет.

А может, с Настей? Настя лучше, краше —
Всю красоту от матери взяла...
А может, с хохотушкою Наташой?
Лицом румяна, косами бела...

А может?.. Вот и может, да не может.
Он был хромой. А тут ты хоть какой
Хороший будь и даже расхороний —
Куда тебе с хромою-то ногой

За девками гоняться? Ты давай-ка
Ходи в беседу, радость береги.
Оглаживай подругу-балалайку.
А что до девок — это не моги!

Вот так и стали женами невесты.
На Васю не взглянула ни одна,
Хотя и улыбались по-соседски.
Ну а потом нагрянула война.

Он крышу крыл у овдовевшей Даши.
Чинил сапог Настасьину сынку.
И вечером у вдовушки Наташи
На балалайке разгонял тоску.

И был на них, конечно, не в обиде,
Что обойден их выбором не раз.
Их горе видел, и беду их видел,
И знал, что каждой нужен он сейчас.

...Над Васиной темнеющей могилой
По-бабы неумело врытый крест.
Прощаясь с тем, кто быть хотел их милым,
Стоит десяток плачущих невест.

Светлана Виноградова

* * *

Уткнуться лбом тебе в седой висок.
От суеты забыться на мгновение.
И слышать лишь твое сердцебиение.
И знать, что ты со мной не одинок.

Обрисовать рукой лица овал,
Почувствовать тепло твоих ладоней.
Ты слышишь, как рождается и тонет
В душе моей ликующий хорал?

Спокойный свет твоих прекрасных глаз.
И легкое слиянье двух дыханий.
Погожий вечер, гаснущий за нами...
О, светлый миг! Благословенный час!

* * *

В ожидании неминучем
Так печально природа стынет.
Небо плотно закрыли тучи.
В город снова пришло предзимье.

Мокрым снегом заносит тропки,
Птиц сбивает в большие стаи.
Снег, пока еще очень робкий,
Ни за что теперь не растает.

То сильнее идет, то тише.
И становятся звуки глуше.
Как же мы могли не услышать,
Что заносит он наши души?..

А ведь было когда-то, было
Море нашим и солнце нашим.
То, что медленно заходило
Над усталым уснувшим пляжем.

А ведь было когда-то, было:
Губы — в губы и тело — к телу...
И душа к небесам летела.
Все под снегом, все отболело.

Отметелилось, отмечталось...
И теперь никуда не деться.
Мне единственное осталось —
Чуть заметный рубец на сердце.

Алексей Зябликов

Алексей Вячеславович Зябликов родился в 1963 году в г. Костроме. После окончания средней школы учился в педагогическом институте, служил в армии, работал учителем русского языка и литературы. В настоящее время — преподаватель кафедры культурологии Костромского государственного технологического университета. Кандидат исторических наук. Член Петровской академии наук и искусств. Автор более 20 научных публикаций.

Стихи Алексея Зябликова печатались в местных изданиях, в

том числе в журнале «Губернский дом», альманахе «Кострома». В 1995 году в серии «Литературная Кострома» вышла в свет его первая книга «Стоеросовый лес».

ГОСПИТАЛЬ

Госпиталь. Полупогост. Застенок.
Галерея стрельчатых окон.
Временами съышно из-за стенок
Лязганье металла, кашель, стон.

Скрип дверей. Стук ложечки о блюдце.
Простыни и помыслы чисты.
Мошкарой перед глазами вьются
Черные и красные кресты.

Полночь. Одиночная палата.
Ни души, ни тела не спасти.
Мне в мешок умершего аббата
Сил уже не хватит заползти.

Кто-то треплет руку у запястья.
Топот. Голос: «Шприц! Адреналин!»
Запах тмина. Блеск седых вершин.
Ощущенье холода и счастья.

MILITARY HOSPITAL

A military hospital. It might as well be a graveyard.
A torture chamber.
There's a gallery of lancet windows.
From time to time from behind the walls
you hear the clanking of metal, a cough, a groan.

The creak of doors. The clatter of a spoon against a saucer.
Our sheets and our thoughts are clean.
Black and red crosses* swim before our eyes like midges.

Алексей Забеликов

Midnight. The isolation ward.
Neither soul nor body can be saved.
I don't have the strength to crawl
to the body bag of the dead abbot.**

Someone pats my wrist.
A footstep. A voice, «Syringe! Adrenaline!»
The smell of caraway. The glare off snow-covered peaks.
I feel cold and happy.

* Black crosses are swastikas and red crosses are the international symbol for medical services during war and emergencies.

** Reference is to *The Count of Monte Cristo*, and to a prison where the only escape possible was to get into some dead person's body bag, and escape when it was thrown into the water for burial.

ИНДИЙСКОЕ КИНО

С обеда в доме все вверх дном,
А в голове одно:
Сегодня в клубе заводском
Индийское кино.

Там чудеса! Там все в цветах.
Там кока-колу пьют.
Там пляшут, ездят на слонах
И песенки поют.

Там махараджа прячет клад
Под мраморной плитой.
Там брат нежданной встрече рад
С любимою сестрой.

В старинном сказочном дворце
Тиранит дочь отец,
На смуглом на его лице
Написано «подлец».

Держа в руках бикфордов шнур,
Храня надменный вид,
На ложе из тигриных шкур
Шаши Капур лежит.

Он будет бит в одной из драк,
Но после, как всегда,
Подкрутит ус, стряхнет пиджак,
И снова хоть куда.

Там буйство красок и огней,
И для своих проказ
Один злодей летит в Бомбей,
Другой спешит в Мадрас.

Коварны планы подлецов:
Шантаж и яд в крюшон.
Но знаю я, в конце концов
Все будет хорошо.

Алексей Зябликов
БИГУДИ

У меня не потому ли
Холодок в груди:
Ты сидишь на венском стуле,
Крутишь бигуди.

Легкий завиток на шее.
Вздернутая бровь.
Верно, это посложнее,
Чем крутить любовь.

Все у нас чудесно будет,
Хоть и говорят,
Что в момент любовь остыдят
Тапки и халат,

Что трудна проблема быта
Для иных семей,
Что немало их разбито
Из-за бигудей.

Я ничуть не протестую,
Но, любовь, прости, —
Может, волосы в тугую
Косу заплести?

Может, будет больше толку,
Милый мой дружок,
Если изготовить челку
Или же пучок?

Слышал я, что нынче в моде
Моцартовский хвост, —
По погоде он и вроде
Для ваянья прост.

Ты не говоришь ни слова
И — в глазах тоска! —
Снова крутишь, крутишь снова
Пальцем у виска.

* * *

Я влюбился в приемщицу стеклопосуды,
В озорную хозяйку хрустального замка,
В эти губы ее со следами простуды,
В этот рыхий парик и льняную панамку.

Может, есть поизящнее женщины где-то,
Но я слабость питаю к массивным фигурам,
К чуть припухшим глазам непонятного цвета,
К ноготкам с облупившимся маникюром.

Мне по сердцу общенье подобного рода.
А иначе зачем бы терпел эту давку?
Новый галстук пожертвовав в пользу народа,
Наконец я проплыл прямо к прилавку.

На него ставлю кейс крокодиловой кожи
(Итальянский, с наборным замком), и оттуда
Осторожно на свет извлекается божий
Всех цветов и размеров пустая посуда.

Балагурю, бутылки по росту ровняя,
Отставляю одну с отковавшимся краем,
А в ответ: «По указу от первого мая
С сентября иностранные не принимаем!»

Я смущен и растерян, но только отчасти:
«Мы, товарищи-граждане, правила знаем!»
Но в лицо ароматом нечищеной пасти:
«Иностранные, сказано, не принимаем!»

Алексей Зябликов

Я опять возражаю с улыбкой простецкой:
«Разрешим полюбовно конфликт, без обиды!»
Дескать, крепость напитков не ниже «Стрелецкой»,
Дескать, вот на наклейках чудесные виды.

Вижу: лик у хозяюшки — цвета помады,
Конура наполняется рыком и лаем,
Из которого ясно, что мне здесь не рады,
Что я склочник и хам, и что «не принимаем!».

«Может, все-таки...» Кельнерша счеты хватает,
Двое грузчиков трут подбородки сердито,
Вернолюддано очередь брови сдвигает,
Распознав во мне подлого космополита.

Поднимают с дозволенной тарою сетки,
Мол, хотим уважения к русским святыням!
Дескать, спите спокойно, геройские предки,
Заграничных бутылок — умрем, но не примем!

Я уже слышу звуки «Славянского марша».
Или, может быть, это «Прощанье славянки»?
И в переднике красном приемщица Маша
Колошматит ножищей заморские склянки.

Я кричу, я запутан в хоругвьем мочале,
Тонут взгласы в пении крестного хода,
Словом, как уже сказано было вначале,
Мне по сердцу общенье подобного рода...

Я влюбился в приемщицу стеклопосуды,
Хоть не в тон парику ее грим и колготки,
Победит все сомнения и пересуды
Моя страсть к нестигаемой патриотке.

* * *

Поправьте
Прядь волос над ухом.
Остыньте.
Соберитесь духом.

Картину на стене
Поправьте.
Кофейник на огонь
Поставьте.

Ослабьте бант тугой
На шее.
На мир взгляните
Чуть бодрее.

Согласен, что проблем
Навалом.
А дело, между тем,
За малым.

Лихие времена,
Но, в общем,
На время мы напрасно
Ропщем.

Вся штука в том, чтоб жить
По правде.
А если я неправ,
Поправьте!

Алексей Зябликов

ТРУБАЧ

С нешибкой бородой а-ля Тальков,
В кепчонке, прилепившейся кургузо,
Трубач вблизи коммерческих ларьков
Играет гимн Советского Союза.

Сегодня музыкант опять в строю,
Он, как умеет, свой бросает вызов
Торгующему жирному ворью,
Любителю рулеток и стриптизов.

Участливо вздыхают старики,
Лабазники, зевая, чешут пузга...
Летит в избытке страсти и тоски
Бессмертный гимн умершего союза.

Но, ненавистью классовой томим,
Трубач поднимет мелочь без обиды,
Чтоб выпить после службы за помин
Под лед ушедшей красной атлантиды.

МАТРЕШКИ

На рынках Оренбурга и Керчи
Матрешки от пяти до сотни тысяч:
Иосифы, никиты, ильичи —
Все те, кого забыли в камне высечь.

Рядами лапти, ложки, кузова,
Корзины, балалайки, самовары,
Но эта бессловесная братва
Доходнее, чем прочие товары.

Натянут барабаном пестрый тент,
Расставлены по росту деревяшки:
Сердитый седовласый президент
И предсоммина в вышитой рубашке.

С пятном на лбу матрешка-великан.
Любой оfenя, в речь подбавив яда,
Вам объясnit, что это не изъян,
Не клякса, не сучок, что так и надо.

Прохожий, шлепнув пальцем по пятну,
Добавит, заикаясь от восторга,
Смотрите, мол: продавшие страну
И сами стали вдруг предметом торга.

На с детства почитаемых вождей,
Признаться, временами смотрят косо
В бараных колпаках сыны степей
И гости из далекого Лаоса.

Алексей Зябликов

Лишь полосатый житель Ферганы
Достанет сдуру мелочь из кармана
В надежде прикупить за полцены
Набор для городков и кегельбана.

У тех, из первых стран, подходит иной:
Заботливо матрешек сложит в ранец
Охотник за туземной красотой,
Холеный здоровяк-американец.

Японец в майке с грифом «Life is Love»
Одобрят жестом лаковые чурки,
Матрешку купит щедрый скандинав,
Француз возьмет гостинец для дочурки.

Такой базар — хоть плачь, хоть хохочи!
Украсят забугорные комоды
Иосифы, никиты, ильчи —
Заложники жестокосердной моды.

Стоят они с улыбкой на устах —
У них в избытке стойкости солдатской, —
Стоят на раскладушках и лотках,
На ящиках из-под тушенки датской.

Не скальте зубы, мимо проходя,
Не доверяйте душ дурному чувству,
Честь окажите русскому искусству —
Купите деревянного вождя!

* * *

Уедем, милая, туда,
Где небо — чистая лазурь,
Где не грохочут поезда,
Где нет житейских мук и бурь.

Уедем, милая, туда,
Где лес, как сказочный чертог,
Где с гор хрустальная вода
Бежит, не ведая тревог.

Там, у большого валуна,
Где озера немая гладь,
Построим домик в три окна
И будем жить да поживать.

И будет утром нас будить
По крыше спелых яблок стук.
Туда, где некуда спешить,
Уедем, ненаглядный друг.

Уедем, милая, туда,
Где нет клаксонов и газет,
Где дни, недели и года
Бегут без видимых примет,

Где графская у сосен стать,
Где плес и синие холмы,
Где так приятно вспоминать,
Какими прежде были мы.

Алексей Зябликов

НЕИЗВЕСТНАЯ

На автобусной задней площадке
Нравы до неприличья жестоки.
И, напротив, изящны повадки
Обитателей джипа «Чероки».

Там, в лиловом велюровом лоне,
Эту женщину вижу опять я —
С черной бровью в пикантном изломе,
С будоражающим вырезом платья.

Не боясь пролетарских ухмылок,
Тянет пиво, ладошку шлифуя
О квадратный напильник-затылок
Златозубого обалдуя.

Но меня ее шарм не обманет.
Тянет пиво венерина жрица,
А ее, истомленную, тянет
С этим раем постылым проститься.

А ее манит запах ольховый,
А ей руки шершавые сладки.
Я машу ей кепчонкой рублевой,
И кричу, и смеюсь, как в припадке.

Но ответом на жест мой широкий
Блеет козликом Саша Айвазов.
Обитатели джипов «Чероки»
Холодны к пассажирам «лиазов».

Эх, сейчас бы да врезаться в поезд!
Резь в мозгах, прополосканных крепко.
Там — велюр и ресницы по пояс.
Здесь — по-ленински скатая кепка.

МАГАЗИН «ОСИРИС»

В магазине «Осирис» ничто не напомнит
Об угрюмом владыке загробного мира.
На прилавке — пресервы, эстампы, тампоны,
Разноцветные кегли эдамского сыра.

За стеклом — целлULOидные георгины,
Но не в честь изумрудноликого бога,
Лишь в сверкающих банках тугие маслины
На жуков-скарабеев похожи немного.

Здесь не держат достойный ответ наготове
Повергающей в ужас космической хляби,
Лишь пластмассовый пупс в бумазейном алькове,
Словно статуя Ка Сенусерта в сердабе.

Алексей Зябликов

Здесь едва ли отыщется что-то такое,
Чем питается мысль о грядущем кошмаре,
Лишь коньячные звезды — как в скорбном покое
Богоравной великой жены Нефертари.

Не напомнит ничто в этом сонном сусеке
Об угрюмом владыке загробного мира,
Только взгляд продавца сквозь защитные веки
Излучают, похоже, кусочки сапфира.

По-земному шуршат пелерины и юбки.
Где-то лампа жужжит беззастенчиво-нудно.
Только чек, что весомо приложен к покупке, —
Как последний билет на последнее судно.

КОМЕТА ГАЛЛЕЯ

Городские шумы все вальяжней и тише.
Подостлав обрывок газеты,
Я сижу с театральным биноклем на крыше,
Ожидаю подлета кометы.

«То-то в школе прочувствуют, — думаю втуне, —
Что урок учу не но книгам».
Вот дождусь галактической этой шатуны
И в альбом зарисую мигом.

А пока наблюдаю огарки заката,
Двух мостов прогоны стальные.
Вот автобус ползет, обессилев, куда-то.
«Жигули» бегут озорные.

Хорошо как!
Напротив огни зажигает
Общежитие «Сельхозстроя».
Там в окне — вижу — девушка платье снимает,
А за ним — и все остальное.

Перед зеркалом крутится в образе Евы,
Элегантно меняет позы.
Одноклассники, неучи хреновы, где вы?
В астрономии столько пользы!

Окуляры и мысли кручу ошалело.
Где ты там, комета Галлея!
Вместо тела небесного женское тело
Зарисую в альбом себе я.

И так зябко, так радостно мне временами, —
Словно колокол звездный слышу.
Это машут призываю кометы хвостами.
Вечереет.
Пора на крышу.

Виктор Смирнов

Виктор Александрович Смирнов родился в 1937 году (д. Филиха Шарьинского района Костромской области). Детство прошло, как он говорит, среди нетронутой цивилизацией природы. Окончил лесной техникум. Основная специальность — энергетик. Стихи пишет давно. Был участником нескольких областных творческих семинаров. Публиковался в газе-

тах, коллективных сборниках. Книга стихотворений «Деревенский дым» издана в серии «Литературная Кострома» в 1996 году. Живет в родной деревне, работает лесником.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Давным-давно утихла эта боль,
Но след на сердце все-таки остался.
Ты не забыта, первая любовь,
Твой голос где-то в песнях затерялся.

Быть может, через дальние года
Я голос твой услышу не однажды,
Услышу и взгрустну. Ведь никогда
Ты человеку не являлась дважды.

Пусть и не стала ты в моей судьбе
Тем, чем мечталось в годы молодые,
И все ж спасибо, милая, тебе
За все, за все, что испытал впервые!..

FIRST LOVE

Long, long ago the pain subsided,
but it left its traces on my heart all the same.
I haven't forgotten you, first love.
Your voice got lost somewhere in my songs.
It might turn out that in the long years ahead
I'll hear your voice many times,
hear it and find myself feeling sad.
It's true that you never have
appeared to anyone twice.
And I accept that it wasn't my fate
for you to become what I dreamed of
when I was young.
But it's all thanks to you, dear:
everything, everything that I felt then
for the first time.

Виктор Смирнов

ВЛАСИХА

Без трубы, в наличниках красивых,
Навсегда оставленный приют.
Заросли калины и крапивы
До разбитых окон достают.
На углу — дырявая скворешня
Да байдя с пробитым пулей дном:
Кто-то из охотников нездешних
Порезвился здесь весенным днем.
Я зашел совсем без интереса
В крайний дом деревни нежилой.
Вынудил меня уйти из леса
Плотный дождь из тучи грозовой.
Вот ступаю по ступенькам шатким,
Будто черт занес меня сюда.
Вслед за мною, словно из ушата,
Льется ошалелая вода.
Отобедав тем, что взял с собою,
Иль, как говорят, чем бог послал,
Под божницей, меченою резьбою,
Я на лавку лег и задремал.
Вдруг сквозь дрему слышу — что такое? —
Соловей негаданно запел,
Вот он рядом, хоть коснись рукою,
Под окно на вишню прилетел.
Друг желанный, как ты и откуда
Появился в столь неровный час?
Так вот близко, песенное чудо,
Я тебя встречаю в первый раз.
Знать, ты родом из-за той речушки,
Что струится возле сгнивших бань.
Дорожа своим сыновним чувством,
Ты не бросил эту глухомань.
Для тебя опорою не станет
Теплое заморское жилье.
Родина к себе зовет и тянет
Тем сильней, чем дальше от нее.
В дни, когда черемуха проснется,
Разметав повсюду белый цвет,
Далеко твой голос раздается.
Жаль, что рядом слушателей нет.
Всех, кто здесь родился и крестился,
Раскидала жизнь кого куда:
Кто в селе соседнем поселился,
Кто живет и строит города.
Многие теперь средь шумных улиц
Вспоминают только лишь во сне
Дом родной, в который не вернулись
По чужой иль с собственной вине.
Дом, в котором мать кормила грудью
И качала в люльке из холста.
Навещайте, навещайте, люди,

Виктор Смирнов

Нежилые отчие места!
Здесь, конечно, не курорт, не дача,
Нет сюда накатанных дорог.
И не стыд, коль человек заплачет,
Осмотрев родимый уголок.
Здесь у стен с просевшими углами,
Давним запустением дыша,
Вас былое озарит, как пламя,
Повернется к памяти душа.
В летний день среди полей белесых,
Трепетно листвою шевеля,
Встретят вас подросшие березы,
Встретят вас седые тополя.
И пойдут, пойдут воспоминанья,
В сердце светлой грустью оживут
Шумные престольные гулянья,
Быт крестьянский и крестьянский труд.
Ах, как здесь плясалось, как здесь пелось!
В пору каждый каждому был гость.
Как здесь жить отчаянно хотелось,
Хоть непросто, нелегко жилось!..
И когда я слышу, как красиво
Воспевают хлебные края,
Жжет глаза мне эта вот Россия,
Где родился, где судьба моя.
Как могло случиться в наше время,
Чтоб допущен был такой развал?
Нам должно быть стыдно перед всеми,
Кто за эту землю умирал.
Перед всеми, кто в войну здесь, потом
Обливаясь, из последних сил
На победу день и ночь работал
И себе замены не просил.
Мы теперь же техникой могучей,
До зубов во всем вооружась,
Эту землю сплошь и рядом мучим,
С ней теряем родственную связь.
Рвемся на асфальты и бетоны,
Ищем только выгоды свои.
Сколько их, домов пустооконных,
Здесь, на малых родинах, стоит?
Впрочем, их осталось уж немного:
Догорают в топках и печах.
Это — наша общая тревога,
Это — наша общая печаль.
Нам понять давно пора настала, —
Где и как, и для чего живем.
Мы и так порушили немало
Из того, что родиной зовем.
Сколько в деловой неразберихе
Накопилось горечи и зла!..
Месяц май. Деревня Королиха.
Вторник, 23-го числа.

Виктор Смирнов

* * *

Замело, обложило снегами
Небольшую деревню мою.
Месяц- странник над нею кругами
Ходит в вечной тоске по жилью.

Тишина здесь ночами такая,
Что нельзя к ней привыкнуть никак.
Не услышишь собачьего лая —
Волки съели последних собак.

В полумраке, седом и студеном,
Спит деревня, ей рано вставать.
Низко тополь склонился над домом,
Где живет моя старая мать.

Невеселый, в раздумье глубоком
Я стою у родного гнезда.
С неба, будто слеза ненароком,
Опустилась на поле звезда.

Край затерянный, край малолюдный.
Жить в глухи — не великая честь,
Бросить все и уехать — нетрудно,
Но кому-то быть надо и здесь.

И каким бы житейским разладом
Ни пытались судьба устрашить,
Верить в лучшее все-таки надо,
А иначе не стоит и жить.

* * *

Вечер — тихий, февральский, морозный,
Снег по-зимнему чист и огнист,
В небе плавает ковш семизвездный,
Опрокинутый ручкою вниз.

Санный след пополам делит поле,
Лентой тянется прямо к луне.
Я всегда был и буду доволен,
Что живу на родной стороне.

Сам не знаю, откуда берется
Неизбывная в сердце любовь
К скирдам сена, к озябшим березкам,
К огоночкам деревеньки любой.

Ко всему, что ни есть в этой шире,
Где повсюду сверкающий наст,
Где до нас люди яростно жили,
Где, любя, будут жить после нас.

Виктор Смирнов

* * *

Вспоминаю большие гулянья
И гармошек волнующий хор.
Страшно было смотреть утром ранним
На разобранный в драке забор.

Было все, были даже убийства,
Да и сам я не разбитым был,
Но без этого русского буйства
Я деревню бы меньше любил.

И каким бы я к черту был русским,
Если я бы не смог напролом
По-ивановски, по-ветлужски
Проплыть вдоль деревни с колом!

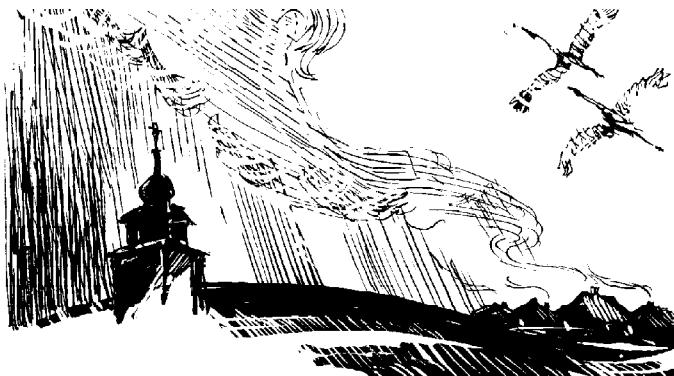
ДЕРЕВЕНСКИЙ ДЫМ

Деревня летом спит накоротке.
С восходом солнца, с первыми лучами
Встают хозяйки, ладятся с печами,
И лоскут дыма тянется к реке.

Идешь в такую рань задворной стежкой,
А на тебя наносит ветерком
То хлебом, то вареною картошкой,
То щами, то горелым молоком.

Вдыхаешь полной грудью этот дым,
Прислушиваясь к утреннему шуму,—
Яснее мысли и светлее думы,
И землю рад зацеловать до дыр.

Куда бы ни заброшен был судьбой,
Будь даже там, где жизнь милее рая, —
Дым деревенский, дым родного края
Всегда гоняться будет за тобой.

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ:

Базанов Михаил Федорович, руководитель проекта, главный и художественный редактор, составитель, издатель, художник. Председатель областной писательской организации, секретарь Правления Союза писателей России.

Джуди Хоган, руководитель проекта, переводчик. Поэт, автор нескольких книг. Трижды была в Костроме. Живет в штате Северная Каролина, США.

Разумов Евгений Анатольевич, помощник руководителя проекта, ответственный за корректуру, литконсультант-редактор областной писательской организации. Поэт, член Союза писателей России.

Базанов Алексей Михайлович, технический редактор, автор оригинал-макета, организатор связи по международной компьютерной сети Internet. Кандидат исторических наук.

В подготовке издания приняли участие: Ричард Беркли, Ирина Елович (перевод), Джо Хакан — связь по Internet.

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил Базанков. <i>Незабываемое слово</i>	5
Павел Катенин	11
Николай Некрасов	13
Сергей Марков	15
Вячеслав Шапошников	17
Сергей Потехин	32
Анатолий Беляев	48
Владимир Максимов	59
Нина Снегова	64
Виктор Лапшин	72
Елена Балашова	86
Леонид Попов	92
Евгений Разумов	103
Вячеслав Смирнов	112
Юрий Семенов	115

З Е М Л Я К И

Владимир Костров	120
Александр Целищев	125

ВСЛЕД ЗА ПАМЯТЬЮ

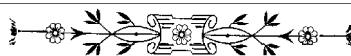
Евгений Старшинов	130
Галина Милова	136
Виктор Волков	143
Николай Колотилов	150
Юрий Баранов	157
Александр Часовников	160
Виктор Куликов	171
Владимир Рахматов	177
Василий Старостин	182

НЕ ЗАБУДЕТСЯ НИКОГДА

Николай Востров	188
Светлана Степанова	190
Юрий Бекишев	192
Станислав Михайлов	198
Ольга Колова	205
Николай Муренин	210
Татьяна Дмитриева	215
Борис Дроздов	220
Светлана Виноградова	226
Алексей Зябликов	232
Виктор Смирнов	240
Издание подготовили	245
Содержание	246

СЛОВО О ПОЭТАХ И ПОЭЗИИ

<i>М.Базанков</i>	С.Потехин	32
	В.Лапшин	72
	Л.Попов	92
	В.Костров	119
	Е.Старшинов	130
<i>В.Ганичев</i>	Е.Балашова	86
<i>О.Гуссаковская</i>	А.Беляев	49
	Г.Милова	136
<i>Т.Дмитриева</i>	От автора	215
<i>Е.Исаев</i>	А.Целищев	125
<i>В.Комсинов</i>	В.Старостин	182
<i>Ю.Лебедев</i>	Н.Некрасов	14
<i>Н.Снегова</i>	Спасибо мастеру	64
	В.Волков	143
<i>Е.Старшинов</i>	Н.Колотилов	150
	Ю.Баранов	157
<i>Н.Часовникова</i>	А.Часовников	160
<i>В.Шапошников</i>	Берусь сказать...	17
	В.Куликов	171

А Н Т О Л О Г И Я

костромской поэзии

**Издания Костромской писательской организации
осуществляются в связи с принятой региональной
программой изучения русской литературы.**

**За справками обращаться по адресу:
156005, г.Кострома, пл. Конституции, 1.
Костромская писательская организация.
Телефоны: 57-21-91, 57-35-02.**

**Общее и художественное
редактирование — М.Ф.Базанков
Редактор — Е.А.Разумов
Художник — М.Ф.Базанков
Техническое редактирование, компьютерный
набор и оригинал-макет — А.М.Базанков
Корректура — Е.А.Разумов, Н.Т.Перетягина**

**В композициях первого и второго титула
использованы рисунки Л.Алексеевой.**

**Издание осуществлено при участии
Костромской областной администрации.**

**Сдано в набор 03.03.98г. Подписано к печати 14.05.98г.
Заказ №1903. Печать офсетная. Усл.печ.л. 15,5. Уч.-изд.л. 21,5.
Тираж 1500 экз.**

**Отпечатано в областной типографии им. М.Горького
управления по делам печати и массовой информации
администрации Костромской области,
г. Кострома, ул.П.Щербины,2.**